

Евгений Примаков

Мир без России? К чему ведет политическая близорукость

Предисловие

После окончания холодной войны на Западе, особенно в Соединенных Штатах, начал падать интерес к России как к одному из главных игроков на международной арене. Россия, конечно, не Советский Союз, который, несомненно, играл ведущую роль в мировой политике. Сказывается и динамичное выдвижение Китая, которому, понятно, уделяется возрастающее внимание, но нередко за счет принижения значения «российского фактора». Имеет место и невыгодное для России сравнение ее нынешнего вклада в мировую экономику с целым рядом других постиндустриальных стран.

Недооценке места и искажению роли России в современном мире, несомненно, способствует тот факт, что живы и еще активно действуют поколения людей, которые были либо вовлечены в конфронтацию западного мира с Советским Союзом, либо впечатлены ею. Такой психологический фактор приводит к тому, что нынешние подозрения, а подчас и враждебные чувства в отношении России накладываются на оценки, сформировавшиеся во время холодной войны. Это, кстати, происходит и в российском общественном мнении в отношении США и их европейских союзников.

Южноосетинский кризис августа 2008 года прибавил еще больше негативизма в США, на Западе в целом, в отношении России. Вместе с тем значительно поубавилось тех, кто считал, что можно игнорировать Россию, не считаться с ее интересами. Один из американских экспертов по России, Майкл Спектер, обычно выступающий на страницах журнала «Нью-Йоркер», после событий в Южной Осетии писал, что закончился тот период, когда США относились к России как к Ямайке. «Теперь придется воспринимать их как взрослых, у которых больше ядерных боеголовок, чем у кого-либо, кроме нас самих».

Неужели такое прозрение могло наступить только в связи с тем, что Россия оказалась вынужденной и, что не менее важно, готовой применить силу для защиты своих интересов?

Я убежден, что Россия далека от того, чтобы утверждать свое значение в мировых делах через конфронтацию с кем бы то ни было. Ошибаются те политики на Западе, которые исходят из такого видения. Вместе с тем лишь политической близорукостью можно объяснить готовность списать Россию из числа великих держав, недооценивать ее потенциал, динамику, перспективы развития. Даже после распада СССР Россия остается самой большой в мире по территории страной. В ее недрах – до 50 процентов всех извлекаемых природных ресурсов планеты. Россия обладает, несомненно, высоким интеллектуальным потенциалом. Наконец, по ядерному оружию и возможности его доставки Россия соизмерима с Соединенными Штатами. Уже все перечисленное говорит само за себя. К этому следует добавить тот внутренний курс, которым пошла Россия в XXI веке, – он при всех своих сложностях и отдельных просчетах способствует высокому месту нашей страны в мировой экономике и международных отношениях.

В этой книге осуществлена попытка проанализировать острые проблемы, разделяющие Россию и США, показать, как видится из Москвы американская внешнеполитическая стратегия, кому в действительности принадлежит ее авторство. Читатель найдет здесь и ряд критических замечаний в адрес нашей практики. Но основная идея книги – существование обширных полей объективно совпадающих интересов в образующемся многополярном мире.

Неоценимую техническую помощь в подготовке рукописи к изданию оказали мои помощники Елена Вячеславовна Попова и Дмитрий Вячеславович Шиманский. Большое спасибо им, а также тем специалистам, особенно Владимиру Георгиевичу Барановскому и Георгию Георгиевичу Петрову, которые взяли на себя труд прочесть рукопись. За их замечания и комментарии премного благодарен.

Глава I

Мироустройство после окончания холодной войны

Как относятся к проблеме нынешнего мироустройства США и Россия? Это, как представляется, имеет основополагающее значение в понимании принципиальных различий их идеологических подходов к современному этапу развития человечества.

Конец биполярности

Сначала немного истории. Государства впервые возникли в Древнем мире, образовывались и существовали в Средневековье. Однако в единую глобальную систему они объединились только в результате развития капитализма – через интернационализацию производства, создание всемирного рынка, складывание мирового хозяйства. Начиная с этого времени можно вообще говорить о мироустройстве. Исторически оно уже проявилось в двух типах: многополярном и двухполярном.¹ Теоретически к этому можно добавить и однополярную структуру. Однополярного мира никогда не было. Однако были на этот счет иллюзии. Более того, цель создания однополярного мироустройства лежала в основе ряда идеологических построений, ей были подчинены стратегические расчеты, политические и военные акции. Обобщая, можно сказать: стремление, а не объективные предпосылки к образованию однополярного мира существовали и существуют. Но они никогда не воплощались в историческую реальность.

Особенно ярко проявилось стремление к однополярному миру после Первой мировой войны. Эпицентрами такого стремления были Германия и Советский Союз. Я не хотел бы быть заподозренным в том, что ставлю знак равенства между этими государствами – далек от этого. Но и в первом, и во втором случае речь шла о распространении идеологии на другие страны, проявлялась тяга к однополярному мироустройству. Фашистская Германия пыталась силой распространить свое господство над миром. Советский Союз делал ставку на победу социализма «изнутри» в каждой стране, уповая на преимущество социализма над капитализмом.

Вплоть до Второй мировой войны мироустройство оставалось многополярным. После победы над фашизмом, в которой особая роль принадлежала СССР, и при неизмеримо возросшем его могуществе и влиянии международные отношения начали развиваться под воздействием раздела мира на две части по идеологическому принципу. Образовались два конгломерата государств – социалистических и капиталистических.² Двухполярное мироустройство возникло на основе политике-идеологического размежевания мира. Лидерами противоположных, находящихся в конфронтации государственных объединений стали две сверхдержавы – Соединенные Штаты и Советский Союз.

Таким мир был во время холодной войны. Сразу после ее окончания возникла тенденция создания однополярного мира, но при этом идеологическая составляющая международных отношений уже перестала быть определяющей. Мир становился формационно однородным, так как рыночная система стала всеобщей мировой моделью развития. Тенденция к однополярному мироустройству, порожденная политикой США, базировалась на том, что после распада СССР США оставались самой могучей мировой державой. В стремлении превратить мироустройство в однополярное с центром в США Вашингтон опирался на силу, на свой военный и экономический потенциал. Исходя из этого,

¹ Термины «многополярность», «двухполярность» и «однополярность», вошедшие в обиход, идентичны терминам «многополюсность», «двухполюсность» и «однополюсность».

² Здесь я не затрагиваю правомерность таких определений.

сторонники такого вывода пошли еще дальше, утверждая, что в создавшихся после холодной войны условиях на однополярном устройстве мог быть установлен мировой порядок, обеспечивающий стабильность и безопасность всех государств. Однополярность противопоставлялась не только опасной двухполярности, подводившей человечество к черте самоуничтожения, но и «взрывной» многополярности. Кондолиза Райс, в ту пору помощник президента США по национальной безопасности, в июне 2003 года, то есть тогда, когда Вашингтон решил утвердить на практике однополярное мироустройство через доктрину унилатерализма, заявила: «...многополярность – это теория соперничества, конкуренции, а в своем худшем проявлении – конкуренция ценностей».³ По ее словам, многополярность ведет к новому противоборству между великими державами, подобно холодной войне.

Вывод о том, что сложился или, во всяком случае, складывается однополярный мир, однозначно опирался на представления о победе Запада в холодной войне, сокрушительном поражении Востока. Однако эти представления были далеко не точными в изображении действительности. Ликвидация Советского Союза была вызвана главным образом внутренними причинами – развитием противоречий и субъективными решениями глав РСФСР, Украины и Белоруссии. Противоречия развились в экономической области – советская командно-административная система оказалась абсолютно неадекватной происходящей в мире научно-технической революции.

Экономика стала главным плацдармом развития противоречий, но не единственным. Серьезный импульс в перестроечный период при М.С. Горбачеве получила давно назревающая демократизация советского общества. Утвердилась столь долгожданная гласность, произошло раскрепощение людей. Вместе с тем демократизация сопровождалась расшатыванием Советского Союза. Во многом такое расшатывание осуществлялось и использовалось националистическими силами. Сказалось практическое отсутствие федерализма, хотя СССР и назывался союзом республик.

Понимание необходимости серьезных изменений в государственном устройстве СССР присутствовало. Горбачев осознавал это. Но идти на заключение вначале экономического договора с союзными республиками, отложив политический договор до того времени, пока не будет обеспечено единое экономическое пространство, отказывался. А это был реальный путь к сохранению общего государства, в пользу чего высказалось на референдуме преобладающее большинство населения страны. Характерно, что на том этапе было реальным присоединение к договору о едином экономическом пространстве и ставших суверенными Литвы, Латвии и Эстонии. Мне об этом говорили в то время люди, состоявшие в их руководстве. Но ставка Горбачевым была сделана на уже подготовленный к подписанию политический договор. Объясняя свою позицию, Горбачев в близком окружении сказал: подпишут экономический договор, и на этом дело застынет – подписывать договор политический многие не согласятся.

Горбачев, как мне кажется, надеялся, что с помощью нового, учитывающего особенности перестроечного периода политического договора удастся сохранить СССР. Однако Ельцин, Кравчук и Шушкевич с необычной легкостью и, как выяснилось, подбадривая себя невероятным количеством выпитого, подписали в Беловежской Пуще документ о ликвидации Советского Союза. Это было неожиданно для всей страны, даже для руководителей других советских республик. Нурсултан Абишевич Назарбаев рассказал мне, что Ельцин перед поездкой в Белоруссию обрисовал ему цель своей миссии в словах: привезти в Москву Кравчука и Шушкевича для «подписания договора о сохранении общего государства».

Сказалась и нерешительность Горбачева. Уверен, что команда Белорусскому военному округу окружить Беловежскую Пущу была бы выполнена. Людей, совершивших государственный переворот, можно было даже не арестовывать, а принудить отказаться от

³ Из выступления К. Райс в Международном институте стратегических исследований. Лондон, 24.06.2003.

впопыхах составленного документа. Как выяснилось из воспоминаний тех, кто присутствовал в Беловежской Пуще, заговорщики опасались именно такого развития событий. Возможно, в сознании Горбачева – а от его воли в тот момент зависело развитие событий – еще свежи были воспоминания о ГКЧП и надежда на воплощение в жизнь идеи Содружества Независимых Государств. Но народ поддержал Ельцина в его борьбе с ГКЧП отнюдь не потому, что он вел дело к распаду Советского Союза, а потому, что большинство населения уже не хотело возвращаться к тоталитарному прошлому.

Участвовали ли в этом процессе иностранные силы? Напрямую – не думаю, хотя в США и странах Западной Европы было немало людей, мечтающих о крахе СССР. Одновременно многие там, возможно, даже большинство политических деятелей, несомненно стремясь к ослаблению СССР, опасались, что его распад приведет к хаосу страну, в различных частях которой, более того, в различных отделившихся частях в огромных количествах находилось ядерное оружие.

О том, что распад СССР нельзя отнести к категории его поражения в холодной войне, несомненно, свидетельствует и тот факт, что постсоветское пространство не погрузилось в хаос, а ракетно-ядерный потенциал Советского Союза полностью сохранился и был перебазирован на территорию России, признанной правопреемницы ликвидированного государства. Между тем, именно опираясь на представление об асимметричности, сложившейся после окончания холодной войны, иными словами, на ложный вывод о победе в ней США и поражении СССР, Вашингтон исходил из «неправомерности» равноправия Соединенных Штатов с Россией в мировых делах.

Деградация России в 90-е годы, но и США не остаются супердержавой

То, что случилось уже после распада Советского Союза, действительно отодвинуло Россию с позиции державы мирового класса.

Кульминацией стал дефолт – объявленный 17 августа 1998 года односторонний мораторий на выплату долгов по государственным бумагам. К сентябрю, то есть к тому времени, когда я возглавил правительство России, в полную силу развились процессы, которые толкали страну в пропасть. Резко сократился объем ВВП, произошел небывалый спад промышленного производства, перестала функционировать банковская система, практически прекратились платежи. Стране грозила гиперинфляция. Неуправляемая девальвация рубля взорвала потребительские цены. В результате реальные доходы населения понизились в сентябре 1998 года на 25 процентов (то есть на четверть!) по сравнению с 1997 годом. Обесценились рублевые сбережения граждан. Многие вообще потеряли свои сбережения в обанкротившихся банках. Резкое сокращение импорта продовольствия, медикаментов обернулось для страны острым дефицитом товаров первой необходимости.

Есть все основания считать, что все это было закономерным результатом курса экономического развития страны, заложенного в 1992 году. Лица, принявшие тогда на себя ответственность за экономическую политику России, как правило, величали себя «либералами», подчеркивали свою связь с «чикагской школой». И что имело немаловажное для них значение – они пользовались полной поддержкой на Западе. Современный либерализм проповедовал и проповедует свободную конкуренцию при минимальном вмешательстве государства в деятельность хозяйствующих субъектов. Но у либерального подхода к экономике – так показывает международный опыт – не может быть универсальной матрицы, подходящей ко всем странам и на всех этапах их развития. Это было проигнорировано в России. Параллельно с разрушением существовавшего хозяйственного механизма доморощенные «либералы» провели шоковую либерализацию цен, приватизацию ради приватизации, так как во главу угла были поставлены ее масштабы, а не связь с ростом эффективности производства. Внутренний рынок был распахнут перед жесточайшей мировой конкуренцией.

Стало очевидным: те, кто в 1990-е годы начал формулировать и проводить в жизнь

экономический курс России, преследовали совершенно несвойственные либеральному подходу цели. Не обошлись они и без государственного вмешательства, но прямо противоположного решению задачи создания равных условий конкуренции для всех хозяйствующих субъектов. Власть выборочно поддерживала отдельные предприятия путем установления эксклюзивных экспортных квот, особенно на нефть, освобождения от уплаты таможенных пошлин, предоставления налоговых льгот, целевых кредитов и т. д.

Знал ли президент Б.Н. Ельцин о плане правительства и Центрального банка объявить дефолт? Позже я узнал, что к нему пришли несколько человек и в общих чертах сказали о готовившейся акции. Но при этом успокоили: казна получит дополнительно свыше 80 млрд рублей, чуть-чуть упадет рубль и чуть-чуть может увеличиться инфляция, но через короткий срок негативные результаты уйдут, все станет на свои места, в то время как бюджет получит столь необходимые средства. О подготовке совместных решений правительства и Центробанка был осведомлен и МВФ.

В 1990-е годы официальные круги в США явно поддерживали проводившуюся в России экономическую линию. Отсутствие критики руководителями западных стран экономических реформ в России 90-х годов было связано и с политическими мотивами. Трудно представить, что западные лидеры случайно вывели эту тему из разговоров с теми, кто стоял у руля власти в нашей стране. На Западе, очевидно, опасались, что такая критика может объективно усилить позиции так называемых государственников в России, даже тех, кто является твердым сторонником рыночных реформ, приватизации, но осуществляемой продуманно, в интересах роста эффективности производства. Опасались, так как проецировали рост влияния государственников на внешнюю политику, которая в таком случае неизбежно усиливала бы функцию защиты российских интересов.

Все это так, но думать, что трагедия 90-х годов была просто-напросто осуществлена по американскому сценарию, было бы неточно. Главную роль сыграли наши экономисты, никогда ранее на практике не занимавшиеся проблемами народного хозяйства, да и в науке не поднимавшиеся выше заведывания лабораториями в ряде исследовательских институтов. За экономические реформы взялись в основном те, кто знал жизнь лишь по книжкам, написанным большей частью либеральными западными экономистами, далекими и от специфики российских проблем, и от решения труднейшей задачи перевода такой огромной страны, как Россия, на рыночные рельсы.

Запад явно устраивало бедственное положение России. Тем более что социально-экономическая деградация нашей страны была подкреплена ее абсолютно беззубой в первой половине 90-х годов внешней политикой, провозглашенной целью которой было вхождение в «цивилизованный мир» при полном пренебрежении национальными российскими интересами. Россия становилась «ведомой», следуя в фарватере политики Соединенных Штатов. И к этому в Вашингтоне, очевидно, начинали привыкать.

Однако уже в конце 90-х годов положение начало меняться. О трудном процессе экономического и социально-политического восстановления России говорится в последующем изложении. Это возрождение, при сохраняющихся все еще нерешенных проблемах, должно послужить серьезным предупреждением нашим оппонентам: не следует делать политику на основе сиюминутного соотношения сил, без учета вероятной динамики.

Что касается США, то после крушения Советского Союза они действительно остались на мировой арене в качестве самой сильной в экономическом, военном отношении и по своему политическому влиянию страной в мире. Но дело в том, что титул сверхдержавы был неправомерен уже и для Соединенных Штатов. Сторонники однополярного мироустройства, вдохновленные российской трагедией 90-х годов, не учитывали той истины, что категория сверхдержав, появившаяся во время холодной войны, определялась не только количественными, но и качественными показателями. Такими были две державы – США и СССР, которые объединяли своих союзников, обеспечивая им безопасность в происходившей конфронтации, и, именно исходя из этой своей функции, диктовали

союзникам правила поведения. После окончания холодной войны и прекращения американо-советской конфронтации исчезли такие качественные характеристики сверхдержав. Восточная Европа вообще ушла из-под опеки СССР. А Западной Европе больше не был нужен американский ядерный зонтик. В итоге ослабла военно-политическая зависимость западноевропейских союзников США от своего лидера, что неизбежно понизило «блоковую дисциплину».

Инерция мышления, подкреплённая трагическим развитием событий в 90-х годах в России, привязала многих западных политиков и политологов к идее однополярного мироустройства. Ряд российских исследователей тоже склонялись к этой идее. Между тем вывод об однополярном мироустройстве стал размываться все более ощутимым процессом неравномерности развития различных стран. Как представляется, смертельный удар по этому выводу нанес разразившийся в 2008 году мировой экономический кризис, перечеркнувший роль США в качестве «однополярного» финансового центра.

Объективная реальность – становление ряда мировых центров

Не только сам процесс неравномерности, но и скорость, которую он набирает, демонстрируют следующие показатели: по годовым темпам прироста национальных ВВП в 2007 году Европейский союз обгонял США в 1,5 раза; Китай обгонял США в 6 раз; Индия – в 4 с лишним раза. Это привело к увеличению их доли в приросте мирового ВВП по сравнению с долей США. Особенно быстро к мировому экономическому лидерству движется Китайская Народная Республика. Начиная с 1970 года, Китай в 4 раза увеличил ВВП, опередив по его объёму все государства, кроме Японии и США. За этот же период внешнеторговый оборот Китая увеличился в 100 раз, что позволило КНР по доле в мировой торговле обойти Японию. Можно считать, что после «экономического чуда» в Японии, занявшей передовые позиции в мировой экономике, и экономического рывка «четырёх азиатских драконов» – Сингапура, Гонконга, Южной Кореи и Тайваня, вперед вырвался Китай, умело используя унаследованную от этих стран модель «просвещённого авторитаризма». По прогнозу американской исследовательской организации Global Insight, Китай уже в 2009 году, а не в 2013-м, как предполагалось ранее, выйдет на первое место в мире, обойдя США, в производстве промышленных товаров.

Характерны и обобщающие показатели. Если в 1990 году доля развитых стран в мировом ВВП составляла более 60 процентов, то в 2007 году уже около половины мирового ВВП принадлежало странам развивающимся и с переходной экономикой. Такая динамика весьма важна для вывода о том, что не только США, но и развитые страны в целом теряют позиции в мировой экономике.

Изменилось место развивающихся стран в системе общемировых финансовых потоков. Раньше они полностью зависели от финансовых вложений из западных стран. Теперь сами превратились в инвесторов, вкладывающих средства по всему миру. Компании из этих стран создают и приобретают зарубежные филиалы и дочерние предприятия. Характерен пример Индии. В 2008 году индийская транснациональная компания «Тата моторс» купила у американской корпорации «Форд» две известные английские компании «Ленд Ровер» и «Ягуар». Британская пресса расценила это как смену лидеров в мировой экономике в пользу новых центров.

Представляется неправомерным достаточно распространённый вывод, что глобализация в обязательном порядке увеличивает разрыв между развитыми и развивающимися странами. Глобализация – не одноразовое явление, а процесс. Будучи связанным с прорывами в научно-технической области, на отдельных этапах своего развития процесс глобализации может оказать позитивное воздействие на весь развивающийся мир. Он вместе с тем усиливает дифференциацию в развивающемся мире и даже выталкивает из него ряд стран в группу развитых государств. Естественно, что среди развивающихся стран также существует группа, которая далека от наращивания своего «присутствия» в мировом

ВВП, она постепенно опускается на «дно» мировой экономики. Но хочу подчеркнуть, что, несмотря на это, развитые государства постепенно оттесняются более быстро развивающимися странами.

Сторонники однополярного мироустройства используют в виде аргумента тот факт, что Соединенные Штаты дают импульс развитию глобализации, являясь лидером разработок и освоения новых технологий. Это – бесспорная истина. Но наряду с ней следует сделать и другой вывод – США уже далеко не единоличным лидером.

В опубликованном в США в феврале 2008 года исследовании американского Технологического института Джорджии (GIT) говорится, что Китай начинает обгонять США в научных разработках, превращаемых в конкретные продукты, которые выводятся на мировой рынок. В исследовании утверждается, что США придется принять доминирующую позицию китайского конкурента сначала в технологическом новаторстве, а затем в глобальной экономике. GIT уже 20 лет занимается оценкой технологических показателей различных стран мира. Возможно, несколько преувеличен уровень китайских достижений, но тенденция отмечается правильно.

К тому же выводы GIT подкрепляются оценками и других солидных американских источников. Компания «Джонсон сайентифик» (Johnson Scientific), анализирующая тенденции в сфере академической науки, пришла к выводу, что вес США в мировой науке постепенно снижается, а вес стран Европейского союза и Азиатско-Тихоокеанского региона, наоборот, возрастает. Известно, что Китай вышел на передовые позиции по скорости освоения одного из наиболее значимых в настоящее время научно-технических направлений – нанотехнологий. В 2006 году китайскими специалистами было опубликовано больше материалов по нанотехнологиям, чем американцами, и в 2 раза больше, чем японцами.

В ускорении инновационных процессов в мировой экономике сегодня значительная роль, наряду с США, принадлежит странам ЕС, особенно Германии и Франции, а также Китаю, Японии, Южной Корее. И эта тенденция, очевидно, необратима. Показательно, что, по имеющимся прогнозным оценкам, доля США в мировых затратах на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИОКР) постепенно падает, а Китая – резко увеличивается.

Россия и по финансированию НИОКР, и по вкладу в мировое инновационное развитие отстала от стран, занимающих лидирующие позиции в этих областях. Однако предпринимаются серьезные меры с целью развития научно-технического прогресса. Эти усилия, безусловно, дадут свои плоды, особенно с учетом высокого интеллектуального потенциала, которым продолжает обладать Россия.

Естественно, нельзя недооценивать позиции США в мировом научно-техническом прогрессе, но динамика в этой области явно не свидетельствует об однополярном мироустройстве. Важно подчеркнуть, что результаты мирового финансового кризиса конца первой декады XXI столетия действуют и будут действовать не в противовес развитию многополярного мира, а в целом углубляют процесс многополярности.

Характер нынешней многополярности

Один из наиболее талантливых политиков второй половины XX века Генри Киссинджер беспредельно предан идее главенства Соединенных Штатов в мире. Однако это не идентично тому, что он игнорирует существование других центров силы. Я мог в этом убедиться во время многочисленных встреч и бесед с ним на различные международные темы. В своей книге «Нужна ли Америке внешняя политика?» Киссинджер пишет, что Корал Белл, социолог из Австралии, «...прекрасно выразила стоящую перед Америкой проблему: ей надо осознавать свое превосходство, но при этом вести политику так, будто в мире существует много иных центров силы».⁴ Слово «будто» – дань американоцентризму. Но,

⁴ Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? М., 2002. С. 326.

будучи политиком-реалистом, Киссинджер не мог по существу не замечать многополярного мироустройства, которое, как он уверен, Вашингтону следует учитывать в своей внешней политике.

Конечно, чертой нынешней многополярности в мире следует считать специфическую ранжировку полюсов, при которой США, во всяком случае, в первых двух десятилетиях XXI века, очевидно, сохранятся в качестве самой сильной в экономическом и военном плане страны. Это характеризует нынешнюю многополярную систему, а не идентично признанию однополярного мироустройства. Однако создается впечатление, что различие между особой ролью Соединенных Штатов в многополярной системе и однополярным мироустройством, единственным центром в котором якобы являются США, не учитывается теми, кто вырабатывает американскую внешнюю политику. Тем более что сама многополярность изменяется в своей конфигурации. Несомненно, что число полюсов не законсервируется на нынешнем уровне, будут формироваться новые. Например, все чаще говорят о быстром экономическом росте Бразилии, Южной Африки. Будут развиваться интеграционные процессы в Латинской Америке, Азии, Африке и на Ближнем Востоке, образуя новые «групповые» центры мировой экономики и политики.

Причем при происходящем неравномерном развитии мировых центров сама система многополярности надежно устойчивая. Характерная для нынешнего мира многополярность возводится на фундаменте определенной фазы глобализации, не просто усиливающей взаимозависимость различных центров, но и делающей невозможность их существования в условиях экономической и научно-технической изоляции.

Сильная сторона марксизма в том, что он органично выводит развитие человеческого общества из развития производительных сил. Можно рассматривать этот вывод в применении и к такому явлению, как процессы глобализации. Они тоже непосредственно связаны с поступательным, а во второй половине XX века прорывным развитием в области информации, связи, транспорта. Именно в этот период глобализация привлекла к себе особое внимание научной общественности, политиков. Я принадлежу к тем, кто считает, что глобализация началась значительно раньше, но, главное, проходит через ряд этапов, разных по своему качественному влиянию на международные отношения и в конечном итоге на мироустройство.

Устойчивость многополярному мироустройству придает и формационное единство нынешнего мира. Это отнюдь не исключает разных форм и разной степени развития капитализма в различных странах, но во всех движение происходит по рыночным рельсам.

Известно положение В.И. Ленина, безоговорочно принятое и сохраненное в течение всех лет советской идеологией, об империализме как высшей и последней стадии капитализма. В том, что монополистический капитализм следует выделить в качестве одной из стадий его развития, нет сомнений. Но жизнь отвергла тезис, что на этом заканчивается век капитализма. Сказалась недооценка дальнейшего развития производительных сил при капитализме, который решительно изменил свой первоначальный облик. Это нашло отражение, в частности, в радикальном изменении социально-классового состава капиталистического общества. Капитализм обрел ряд совершенно чуждых ему в прошлом черт – элементы экономического планирования, улучшение условий труда, подъем уровня жизни населения. Это произошло в годы соперничества с мировым социализмом, когда наметилось движение двух сторон к конвергенции.

Сказалась несостоятельность и провозглашенной марксизмом ставки на мировую революцию, так как не происходило и не произошло абсолютное обнищание трудящихся при капитализме, на чем настаивал Ленин, считая это одним из марксистских постулатов, который предначертал неизбежность революции во всемирном масштабе.

Капитализм уже на монополистической стадии стремился к ломке национальных перегородок, интернационализации производства. Но в целостную систему, состоящую из

взаимосвязанных, взаимозависимых элементов и охватывающую весь земной шар, мировая экономика превратилась на нынешней, условно говоря, транснациональной стадии развития капитализма. Отличительной чертой мировой экономики стал упор на такую форму развития производительных сил, как транснациональные компании (ТНК), и такую форму межгосударственных отношений, как региональные интеграционные процессы. ТНК образовали систему хозяйственных связей, в определенном плане регулируемую инвестиционные, финансовые и торговые потоки в мире. В границах именно этой системы находятся все уже существующие и складывающиеся мировые центры.

И если интеграционные процессы на межгосударственном уровне способствуют увеличению числа центров в современном мире, его многополярности, то транснационализация предпринимательской деятельности привязывает эти центры друг к другу.

Таким образом, полюса современного мира оказываются взаимозависимыми не только в результате качественно-прорывного развития наукоемкого производства, но и новых форм производственных отношений. В таких условиях ныне складывающаяся многополярность как таковая не несет в себе ядро раздора, противостояния, конфронтации. Это не снимает возможности несовпадения национальных интересов различных государств, образующих мировые полюса, но нынешняя многополярность сама по себе не предопределяет столкновения между ними.

Итак, реальную картину сегодняшнего мира создает диалектика между складывающейся многополярностью и взаимозависимостью образующихся центров мировой системы. Взаимозависимость этих центров усиливается в результате потребности вовлечения всех мировых полюсов в противодействие новым опасностям и вызовам, в первую очередь распространению ядерного оружия, международному терроризму, региональным конфликтам. Это тоже немаловажная черта современной многополярности, которую нельзя игнорировать.

Глава II

Корни и «разветвления» доктрины унилатерализма

К чему приводит политика, не считающаяся с многополярным устройством современного мира, показали события начала XXI века. Но как пришли Соединенные Штаты к политике унилатерализма?

Свидетельствует бывший вице-президент США

На меня глубокое впечатление произвело участие в мае 2007 года в Вене в 25-м заседании Совета взаимодействия – организации, в состав которой входят бывшие главы государств и правительств 30 стран. На этот раз заседание было посвящено роли США в современном мире. Основным выступавшим на эту тему был У. Мондейл – вице-президент США в администрации Дж. Картера. Не удержусь от того, чтобы привести пространные выдержки из стенограммы его доклада. Тем более что читатель навряд ли знаком с выступлением У. Мондейла.

«После Второй мировой войны Америка стала ведущей нацией в мире не только благодаря своей мощи, но и потому, что граждане и лидеры других стран верили в добрую волю Америки и ее благоразумие, – так начал Мондейл изложение своего доклада. – Наши лидеры видели, что обеспечение долгого и надежного мира потребует создания новых институтов, в которых могли бы участвовать другие великие нации, и весь мир решал эту общую задачу. ООН, МВФ, ГАТТ, Всемирный банк, Договор о безопасности между Японией и США появились для того, чтобы помочь нам продвинуться по пути к процветающей мировой экономике. Эти начинания были успешны и привели к долгосрочному миру,

окончанию холодной войны, самому впечатляющему росту процветания в мире за всю нашу историю.

Это – история огромного успеха, но в настоящее время ситуация изменилась. Катастрофические последствия радикальной неоконсервативной революции нанесли ущерб американскому подходу на основе партнерства во внешней политике. Это было странным явлением, если учесть, что при нас начиналось самое прекрасное время в мировой политике, связанное с окончанием холодной войны и завершением противостояния сверхдержав. Впервые у мира появился шанс заняться действительно настоящими проблемами и продвигаться по пути прогресса. Но вместо этого неоконсерваторы восприняли военную мощь нашей страны как возможность для усиления влияния... Мы также много слышали фраз вроде: либо вы с нами, либо вы против нас – добро против зла. Они хотели уничтожить зло, и часто подобные доводы несли в себе религиозные нотки. Если вы их критиковали и не соглашались с их выводами, вас зачастую упрекали в том, что вам недостает четких моральных принципов».

Остановившись на военной операции США в Ираке, У. Мондейл подчеркнул: «Мы проигнорировали Старую Европу и ее мнение, а Совет Безопасности ООН был нами дезинформирован с целью заручиться поддержкой его членов. При этом, каково бы ни было его решение, мы не собирались отказываться от намеченных планов. Мнение инспекторов ООН, экспертов Госдепартамента, равно как предостережения ЦРУ и других служб безопасности, были проигнорированы. В докладе одного из британских агентов своему правительству говорилось, что Америка подтасовывает факты, чтобы подстроить их под свою политику».

«Американское общественное мнение настроено против политики, проводимой администрацией Буша в Ираке, – продолжал У. Мондейл. – Доверие к ней ослабло, и теперь многие представители американских вооруженных сил, некоторые из них уже в отставке, а некоторые еще служат, выражают несогласие с этой политикой. Растет число увольняющихся, существуют проблемы с набором в армию, моральный дух падает... Приходится констатировать, что иракская кампания высасывает все ресурсы, необходимые для решения других проблем. Сейчас Америка не может заниматься другими серьезными вопросами из-за этой продолжающейся войны, влияние которой постоянно сказывается».

Один из экспертов Совета, профессор университета Торонто Т. Эксуорси, задал вопрос У. Мондейлу: «Роль неоконсерваторов можно воспринимать как роль заговорщиков. Скажите, пожалуйста, как такой заговор мог произойти в Соединенных Штатах при наличии конституции и разделения властей?»

Отвечая на этот вопрос, У. Мондейл сказал: «В течение многих лет неоконсерваторы занимали ключевые позиции в американской администрации и вели себя очень агрессивно. Их политика привела к отставке Колина Пауэлла. Конгресс принадлежал республиканцам. Практически все меры администрации поддерживались конгрессом без обсуждения. Слушания не проводились. Одна из причин того, что ситуация изменилась после выборов (имеются в виду выборы в конгресс в 2006 году, когда Демократическая партия получила большинство в двух палатах конгресса. – *Е.П.*), заключается в следующем: общество увидело, что отсутствует баланс власти и, стало быть, нет контроля над властью. Все это и привело к катастрофическим последствиям».

«Сегодня я критиковал свою страну, – добавил Мондейл, – она сделала большую ошибку, но я люблю свою страну, я думаю, что это хорошая страна. Я думаю, мы сильная нация, и мы хотим поступать правильно. Мы сделали ошибку – мы ее исправим».

Об «исправлении» «иракской ошибки» – в последующем изложении. А теперь посмотрим, что представляют собой неоконсерваторы, кто есть кто в этом сообществе.

Неоконсерваторы США: идея глобальной гегемонии

С приходом к власти Дж. Буша-младшего голову подняли американские «ястребы». Ряд

из них занял видные места в администрации Белого дома и правительстве. После трагических событий 11 сентября 2001 года крайне правые республиканцы стали оказывать преимущественное влияние на выработку внутренней и главным образом внешней политики США. Особенно активной силой в тот период стали неоконсерваторы. Можно считать, они заложили теоретический фундамент под идею «глобальной гегемонии» Соединенных Штатов после окончания холодной войны.

Неоконсерваторы в США имеют длинную историю. Некоторые из них в середине XX века принадлежали к левым кругам, были даже заражены идеями троцкизма, но уже в 80-е годы сблизилась с правыми республиканцами. Есть смысл подробнее остановиться на деятельности тех, кто готовил, а при Буше-младшем осуществил поворот американской внешней политики в сторону одностороннего использования силы.

К наиболее видным неоконсерваторам обычно относят:

Пол Вулфовиц. Впервые попал в Пентагон в 1977 году, став помощником министра обороны. В военном ведомстве занимался Ираном, после исламской революции – ситуацией на Ближнем Востоке. В 80-е годы Вулфовиц перешел на работу в Государственный департамент. При президентстве Никсона работал в созданной Дж. Бушем-старшим, тогдашним директором ЦРУ, группе «Б», которая готовила независимые от официальных докладов американской разведки аналитические материалы о «советской угрозе» и снискала репутацию резких критиков ЦРУ за «недооценку опасности», исходящей от СССР. В 1999 году снова оказался в Пентагоне, став заместителем министра обороны, в то время, когда министром был Д. Чейни. Готовил вместе с Чейни операцию «Буря в пустыне». Ушел в отставку с приходом к власти президента Клинтона, а при Буше-младшем с 2001 по 2005 год опять был заместителем министра обороны.

Дуглас Фейс. В начале 80-х годов работал в качестве эксперта-ближневосточника в Совете национальной безопасности США. Вышел из Совета в результате расследования ФБР по фактам передачи рядом сотрудников секретной информации Израилю, но с 1984 по 1986 год был штатным юристом другого видного неоконсерватора, помощника министра обороны Ричарда Перла. С приходом Буша-младшего был приглашен в военное ведомство США, теперь уже на должность заместителя министра обороны, отвечающего за выработку политического курса. ЦРУ неоднократно обращало внимание на то, что в своих докладах о связях Ирака с «Аль-Каидой» Фейс пользуется ненадежными источниками. В 2004 году разразился новый скандал. ФБР представило данные об утечке секретных материалов Израилю из окружения Фейса.

Льюис Либби. Пол Вулфовиц, преподававший Л. Либби в Йельском университете, в 1981 году пригласил его на работу в Госдепартамент в качестве специалиста по Ближнему Востоку и Юго-Западной Азии. Вулфовиц и в дальнейшем не оставлял Либби без своего внимания. Он позвал Либби в администрацию Буша-старшего, сделав его своим заместителем. С 2001 по 2005 год Либби занимал важную должность начальника аппарата вице-президента Чейни и одновременно был советником президента. Его карьера была прервана скандалом. Началось все с того, что бывший посол США Джозеф Уилсон раскритиковал администрацию Буша за сознательное искажение разведанных по Ираку. В ответ на это Либби предал гласности, что жена Уилсона – сотрудница ЦРУ. Тогдашний директор Центрального разведывательного управления США Тенет замял это дело. Но ненадолго. Покровителей Либби все же ждала неудача. Суд приговорил его к двум с половиной годам тюремного заключения.

Буш своим специальным указом заменил ему наказание на штраф и два года тюремного заключения условно.

Элиот Абрамс. Будучи заместителем госсекретаря США, лжесвидетельствовал перед конгрессом, когда в 1986 году поднялся скандал в связи с «ирангейтом» – тайными поставками оружия Ирану с последующим финансированием «кон-трас» в Никарагуа, добивающихся смены существовавшего там режима. За ложные показания чуть не попал в тюрьму. (Неоконсерваторы нередко считали морально оправданной ложь во благо борьбы за

свои идеалы. Так было, например, когда, вопреки данным Спецкомиссии ООН, была сфабрикована информация, что Ирак, дескать, владеет ядерным оружием. Но об этом далее.) В 2002–2004 годах Э. Абрамс служил помощником Кондолизы Райс в Совете национальной безопасности США. В его ведении были вопросы Ближнего Востока и Африки. Он непосредственно занимался арабо-израильскими отношениями.

Абраме проявил себя в то время и как ярый противник палестино-израильских переговоров в Осло и даже создал в США ряд комитетов против ближневосточного урегулирования. Делал все, чтобы отодвинуть в сторону несогласных с ним ведущих экспертов-ближневосточников из Совета национальной безопасности, Госдепа и ЦРУ. После перехода К. Райс в Госдепартамент Э. Абраме стал заместителем главы Совета национальной безопасности Стивена Хэдли по Ближнему Востоку.

Ричард Перл . Начал свою политическую карьеру в 1969 году, когда вместе с Вулфовицем стал помощником сенатора-демократа Генри Джексона. Он и его босс в 1974 году провели через конгресс закон, известный как поправка Джексона – Вэника, по которой Советский Союз лишался режима наибольшего благоприятствования на постоянной основе на американском рынке, так как препятствовал эмиграции своего населения. Эта поправка не имела ничего общего с защитой прав человека – она сохраняется по сей день для России, то есть уже в то время, когда сняты все ограничения для выезда наших граждан за рубеж.

С избранием Рейгана президентом США Перл переметнулся к республиканцам и был назначен помощником министра обороны по международной безопасности. В Пентагоне проработал с 1981 по 1987 год, где стал знаменит своей оппозицией заключению любых договоренностей с СССР по сокращению вооружений. Одним из самых драматических эпизодов, который мог коренным образом изменить обстановку в области сокращения вооружений, была встреча в 1986 году М.С. Горбачева и Р. Рейгана в Рейкьявике. Мне довелось принимать участие в переговорах в комиссии по международным конфликтам. И в нашей, и в других комиссиях мы были близки к позитивным результатам, но все зависело от того, договорятся ли главы двух государств по вопросам контроля над вооружениями. Не договорились, хотя все располагало к согласию.

Помню, как Горбачев, уже провожая Рейгана, при открытой двери его лимузина предложил вернуться и все-таки подписать подготовленный экспертами документ. Рейган отказался. Очевидцы были поражены драматизмом этой сцены.

Подготовителю того, что произошло, раскрыл в статье, опубликованной в журнале «Нэшнл ревью», неоконсерватор Дэвид Фрам: «Горбачев изумил американскую делегацию своим предложением в обмен на отказ Рейгана от СОИ (противоракетной обороны с выводом оружия в космос. – *Е.П.*) дать практически то, чего Штаты добивались в 80-е годы в области вооружений. Рейган проводит срочное совещание и опрашивает своих ведущих советников по вопросам обороны. Почти все предлагают сказать Горбачеву «да», Перл выступает в пользу «нет». И Рейган отвечает „нет“». ⁵

После окончания холодной войны в эпицентре интересов Перла стал Ближний Восток, где он занимал серьезные позиции в бизнесе. В 90-х годах вел мощную кампанию в поддержку Израиля. Перл вернулся в Пентагон с приходом в Белый дом Буша-младшего в качестве советника министра Рамсфельда и главы Совета по оборонной политике. Ричарда Перла считают одним из главных идеологов неоконсерваторов США.

Бросаются в глаза такие характерные черты лидеров американских неоконсерваторов, как их «переплетение» на рабочем уровне, плотное сосредоточение в Министерстве обороны и Государственном департаменте. Несомненно, их объединяет и связь с ближневосточной тематикой с явно произраильским уклоном. Ричард Перл, например, на «пересменке» между двумя периодами работы в Пентагоне даже возглавлял газету «Джерусалем пост». Он же был членом консультативного совета Еврейского центра по вопросам национальной

⁵ The National Review. 2003.21.05.

безопасности – одной из главных в Вашингтоне лоббирующих структур в пользу правой израильской партии «Ликуд». Еще в 1996 году Перл, Фейс и Уермсер опубликовали совместное обращение к новому, только что избранному израильскому правительству, сформированному партией «Ликуд», призывая его отказаться от переговоров с палестинцами. Вместо этого они рекомендовали «сдерживание и даже отбрасывание назад Сирии», а также «сфокусироваться на отстранении от власти в Ираке Саддама Хусейна». Бывший посол Ливана в Соединенных Штатах Рияд Табара утверждал, что в августе 2002 года Перл, излагая коллегам в Пентагоне свои взгляды на американскую стратегию на Ближнем Востоке, использовал географическую карту, на которой вся Палестина была названа Израилем, Иордания – Палестиной, Ирак – Хашимитским королевством.

Неоконсерваторы сыграли особенно видную роль в выработке внешнеполитического и военного курса страны при президентстве Рейгана. Их влияние уменьшилось при Дж. Буше-старшем. После того как президентские выборы выиграл демократ Б. Клинтон, большинство неоконсерваторов ушли из структуры власти, разойдясь по исследовательским институтам и центрам. Однако нельзя считать, что произошел спад их активности. Пол Вулфовиц вместе со своим аппаратом, в котором выделялся Льюис Либби, в 1992 году выработал «Руководство по оборонной политике». В этом документе было представлено кредо неоконсерваторов: США не должны допустить появления глобального противника, такого, как СССР; для защиты своих интересов следует применять силу, не обращая внимания ни на ООН, ни даже на постоянных союзников, которые обязаны следовать за Соединенными Штатами («не коалиция определяет миссию, а миссия определяет коалицию»). Акцент в документе делался на превентивном характере единоличного применения силы Соединенными Штатами, в том числе с целью изменения не устраивающих США режимов в других государствах.

«Руководство по оборонной политике» утратило секретность после утечки в прессу и вызвало буквально шок в американском политическом классе. Ближайшее окружение президента Буша-старшего (секретарь Госдепартамента Дж. Бейкер, помощник по национальной безопасности Б. Скоукрофт и глава Пентагона Д. Чейни, да, тот самый Чейни, который, став вице-президентом у Буша-младшего, превратился в одного из отъявленных «ястребов», возродивших идеи «Руководства») выхолостило этот документ, убрав из него самые одиозные места.

Это не остановило неоконсерваторов. В 1997 году они основали проект «Новый американский век». В 2000 году ими была издана новая работа – «Перестройка американской системы обороны», в которой были воспроизведены основные идеи «Руководства по оборонной политике». Приход к власти республиканца Буша-младшего снова выдвинул неоконсерваторов на американскую политическую авансцену. Но главным импульсом, придавшим им беспрецедентную активность, стали события 11 сентября 2001 года.

В результате террористического акта, повергнувшего в ужас все американское общество, да что говорить, далеко не только американцев, президент США объявил войну международному терроризму. Этот шаг был широко поддержан, в том числе и Россией. Однако обстановка была использована неоконсерваторами для возрождения планов глобальной гегемонии США и превращения доселе теоретических установок в практические дела. Большую роль при этом сыграл тот факт, что неоконсервативные идеи взяли на вооружение правые республиканцы, не примыкавшие в прошлом к неоконсерваторам. Важную роль в консолидации правых сил в республиканской партии сыграл Р. Перл, который вплоть до отставки в марте 2003 года⁶ возглавлял Совет по оборонной политике при Министерстве обороны США. При министре обороны Рамсфельде (правый республиканец) этот совет приобрел серьезное влияние на выработку политических аспектов

⁶ Ричард Перл ушел в отставку из-за скандала, разразившегося в связи с его участием в лоббировании интересов крупного американского бизнеса, связанного с нефтью.

военной политики США. Конечно, в этот совет входят и умеренные республиканцы, например Г. Киссинджер. Но совет прочно завоевал репутацию правоконсервативного центра.

Опираясь на идеи неоконсерваторов, правой группировке в американском руководстве (Чейни – Рамсфельд) удалось вытеснить из администрации госсекретаря Пауэлла – сторонника продолжения политики президентов Буша– старшего и Клинтона. Его заменила Кондолиза Райс. Она не примыкала к группировке Чейни – Рамсфельда и ее назначение, очевидно, было связано с тем, что Буш-младший не мог позволить себе однозначно правое окружение – это не воспринял бы американский избиратель.

Экспорт демократии

Перевес сил в пользу группировки Чейни – Рамсфельда после 11 сентября 2001 года нашел отражение в подготовке, а затем и осуществлении доктрины унилатерализма. Она базировалась на ряде принципов: построение нового миропорядка, основывающегося на однополярном мироустройстве; масштабная борьба за изменение расстановки сил в различных регионах; применение при необходимости превентивных мер; возможность действий США в одностороннем порядке. Президент Буш-младший назвал при этом три режима, представляющих, по его словам, «ось зла» (по некоторым сведениям, автором этого термина был неоконсерватор Дэвид Фрам, готовивший в то время речи президента), – Ирак, Иран и КНДР.

Правому окружению президента Буша все больше импонировала идея неоконсерваторов, считавших исторической миссией Соединенных Штатов силовое навязывание устоявшейся на Западе модели демократии всем странам, которые, как они полагали, в этом испытывают нужду.

В сегодняшнем понимании демократия – это определенное состояние общества, при котором власть (государство) осуществляет и гарантирует равенство всех граждан, верховенство Закона, наделение всех членов общества политическими и социальными правами и свободами, подчинение меньшинства большинству. Это отражается не только в выборности основных органов государства, но и их подконтрольности и подотчетности избирателям – не на бумаге, а на деле.

Этими общими положениями должны характеризоваться различные типы демократии. Должны, но не всегда и не в равной степени общие демократические принципы господствуют в жизни общества, в том числе и в ряде западных стран. Торжество или степень торжества этих общечеловеческих принципов, форма, в которых они осуществляются, непосредственно зависят от особенностей внутреннего развития того или иного государства – от истории, традиций, степени религиозности общества, политической культуры, национального самосознания, соотношения сил и т. д. При этом национальные культуры, менталитет, традиции нельзя рассматривать в статике – они видоизменяются.

Неоконсерваторы игнорируют, не принимают в расчет все эти объективные реальности. И в этом они напоминают... троцкистов, которые провозглашали идею экспорта пролетарской революции в другие страны независимо от того, сложилась ли в них революционная ситуация или не сложилась. А теперь неоконсерваторы решили тоже силой экспортировать демократию и тоже, не считаясь с историческими особенностями тех стран, которым, по их мнению, следовало навязать ее западную модель.

Исходя из своей специфики, неоконсерваторы сочли в первую очередь объектом такого силового навязывания арабские государства и Иран. П. Вулфовиц, призвав к свержению существовавшего в Ираке режима, подчеркивал, что следует превратить Ирак в «первую арабскую демократию». Его единомышленники не скрывали, что процесс силовой «демократизации» на Ираке не закончится и, как было официально признано президентом Бушем уже после свержения иракского режима, распространится на другие страны. Именно в связи с этим и появилось новое географическое определение – Большой Ближний Восток.

Только путем силового распространения демократии на Большой Ближний Восток, утверждали неоконсерваторы, можно обезопасить Соединенные Штаты и другие страны от террористических вылазок.

Против мусульманского мира

Ставка на экспорт демократии столкнула республиканскую администрацию США с исламом. Как бы президент Буш ни пытался, следуя, очевидно, советам тех в его окружении, кто не испытывал или в меньшей степени испытывал влияние неоконсерваторов, показать, что американская политика не имеет своей целью и не ведет к противоборству с исламом, на самом деле конфронтация становилась неизбежной. Участвовавший в написании речей президента Буша Дэвид Фрам, о котором уже упоминалось, заявил: «До 11 сентября мы действовали по теории домино. Ее суть: мы должны работать с умеренными арабскими режимами, побуждать их к постепенным реформам, а их внутренняя политика не так уж важна для нас. Проблемы представляют лишь небольшие группы экстремистов. Эта теория в той или иной мере присутствовала в американской политике с 1973 года. И только атаки на Нью-Йорк вывели ее из строя. 11 сентября показало нам, что, прежде всего, важно внутреннее поведение государств. Проповеди в мечетях Саудовской Аравии имеют прямое отношение к внешней политике этого государства». «Мы хотели использовать эти идеи в президентской речи, – сказал Фрам. – Президент согласился с ними».⁷

Именно с внутренней ситуацией в странах, население которых исповедует ислам, была связана идея демократизации Большого Ближнего Востока. Администрация США решила через «Большую восьмерку» (G8) легализовать этот план по навязыванию западного типа демократии всем, кто вошел в этот новый географический регион, то есть мусульманскому миру от Афганистана до Марокко. Но попытка осуществления этого замысла закончилась ничем. Точку зрения тех, кто не поддержал американский план, высказал президент Франции Жак Ширак, заявив, что ближневосточные страны сами должны решать, нуждаются ли они в «миссионерах демократии». Египет и Саудовская Аравия не приняли приглашения участвовать в заседании G8. Никто из лидеров других арабских стран, за исключением лишь одного – президента Ирака, не выступил в пользу «демократического миссионерства».

В конечном счете обречены на поражение также попытки настраивать против ислама, эксплуатируя антитеррористические настроения и чувства преобладающего большинства государств и значительного большинства населения земного шара. Хотя нужно признать, что стремление ряда деятелей представить ислам как источник опасности для мирового сообщества пользуется, к сожалению, поддержкой среди многих на Западе.

Международный терроризм действительно имеет окраску экстремистского ислама. Сегодняшняя реальность такова, что ряд экстремистских террористических организаций и групп, в первую очередь «Аль-Каида», одеваются в исламские одежды. Но это не дает оснований «выводить» терроризм из ислама. А именно к такой логике подталкивают представления об исламе как об агрессивной религии, проповедующей необходимость войны с «неверными», то есть представителями другого вероисповедания.

Между тем ислам, как и другие мировые религии, не порождает и не оправдывает убийства мирных жителей, расправ с мирным населением. Коран, как известно, признает единобожие, то есть единого Бога для всех. Изречение «нет Бога, кроме Бога» направлено не против других религий, а против тех, кто проповедует многобожие. Утверждение в Коране, что Мухаммад является посланником Бога, призвано показать, что он последним из всех получил предначертания от Бога. Но Коран отнюдь не перечеркивает наличие других посланников, «более ранних», чем Мухаммад. В Коране они называются: Ибрагим – Авраам, Исхак – Исаак, Муса – Моисей, Иса – Иисус и другие. Нельзя оправдывать, например,

⁷ Эксперт. 2005. № 17.9-15 мая. С. 74.

«Хизбаллу», когда ее военное крыло совершало обстрелы израильского мирного населения. Но никто не может обвинить эту шиитскую организацию, названную «Партией Аллаха», в том, что она ведет борьбу, скажем, против иудаизма, или христианства, или с израильской армией на религиозной основе.

Советник правительства США по борьбе с терроризмом Марк Сейджман, ⁸ несомненно, представляет собой специалиста, чьи оценки заслуживают внимания. Изучая биографии террористов, он пришел к выводам, что «практически никто из них не имел религиозного образования», «радикальных мечетей очень немного», и те, кто посвятил себя террору, «шли в мечети не из религиозных побуждений, а потому, что искали там общения».⁹

Терроризм не имеет никакого права на существование. Однако он не идентичен понятию исламской религиозности. Более того, самый худший метод борьбы с террористами – ассоциировать их с мировой религией, которую исповедуют более миллиарда жителей земли.

Характерно и то, что международные террористические группы активизируют свою преступную деятельность не только против Соединенных Штатов, но в меньшей степени и против умеренных и светских режимов стран с мусульманским населением. Это и понятно, так как идеологией «Аль-Каиды» является создание халифата на всех территориях, которые населены мусульманами. Но для этого нужно ликвидировать умеренные и светские режимы, расположенные на этих территориях.

Первоначально в прицеле современного международного терроризма США оказались как государство, способствующее сохранению режимов в Саудовской Аравии и Египте. Затем «претензии» к США приумножились, и среди них одна из главных – американская поддержка израильской политики территориального расширения за счет арабов.

Вместе с тем объектом деятельности террористов становятся и те государства, где мусульманское население находится в меньшинстве. При этом совершаются попытки разжечь сепаратизм у этой части населения. Так, например, действовали и действуют экстремисты в отношении Чечни и некоторых других российских республик Северного Кавказа. Так они действуют в Индии и Китае. Например, за четыре дня до открытия Олимпиады 2008 года в Пекине группа боевиков атаковала китайскую пограничную заставу в Синьцзян-Уйгурском автономном округе. В результате неожиданного нападения погибло 16 пограничников и еще 16 получили ранения. Нападение связывалось с сепаратистами, добивающимися отделения этого автономного округа от КНР и создания там исламского государства. По данным правительства КНР, в Китае проживает 21 млн мусульман. В 2004 году были подавлены серьезные беспорядки, вспыхнувшие в мусульманских районах страны. Китайские власти объявили эти беспорядки происками международных террористов.

Требуется уточнение понятие исламского фундаментализма. Было бы неправильно идентифицировать его как исламский экстремизм. Фундаментализм свойствен не только исламу, но и другим религиям. Он сам по себе не практикует навязывания религиозных моделей государственного управления или общественной жизни силовыми приемами. Одновременно многие исламские последователи фундаментализма (во многих исламоведческих работах считается более адекватным термин «салафизм»)¹⁰ считают своим

⁸ Бывший сотрудник ЦРУ, работавший в Пакистане с исламскими боевиками, вовлеченными в войну против Советского Союза в Афганистане, затем профессор Университета Пенсильвании, автор книги «Сетевые структуры терроризма» (*Understanding Terror Networks*).

⁹ Эксперт. 2004. № 38 (438). С. 103.

¹⁰ Как представляется, все-таки понятие фундаментализма шире, хотя он тоже включает в себя стремление вернуться к исламским корням, избавившись от наносного.

долгом «очищение» ислама, возвращение его к тем принципам, которые господствовали при пророке Мухаммаде и четырех «праведных халифах» (Абу Бакре, Омаре, Османе и Али). Но опасность возникает, когда фундаментализм (салафизм) или объединяющиеся в нем исламские школы принимают экстремистскую, агрессивную форму. История знала время, когда и христианский фундаментализм перерастал в христианско-католический экстремизм. Об этом свидетельствуют и кровавая практика иезуитов, и расправы над мусульманами во время крестовых походов.

Борьба против международного терроризма неэффективна без участия в ней, причем в первых рядах, мусульманских стран и организаций. Среди них особое место может принадлежать Саудовской Аравии, на территории которой, в Мекке, расположена святыня мусульман – Кааба. Попытки показать, будто при поддержке руководства Саудовской Аравии и других стран с умеренными исламскими режимами действуют террористические группы в различных частях мира, это не что иное, как фальсификация, извращение фактов. Умеренные исламские режимы, равно как и светские режимы в государствах с мусульманским населением, не находятся по одну сторону баррикады с террористами.

Исламский экстремизм – в чем причины

Но все-таки почему именно исламский экстремизм порождает ныне террористическую угрозу? Некоторые видят причину волны исламского экстремизма в том факте, что растет пропасть между богатеющим «золотым миллиардом» (постиндустриальные государства) и наиболее бедными странами, многие из которых с мусульманским населением. Это лишь частичный ответ. Лидеры, да и многие участники террористических организаций и групп, как правило, люди из зажиточных семей. Бен Ладен, например, из семьи, владеющей строительной компанией, одной из крупнейших на Арабском Востоке.

Представляется, что взлет исламского экстремизма связан с рядом обстоятельств. К ним относятся и комплекс неравноправного положения в мировой экономике и политике, который испытывают многие представители мусульманского мира, обладающего огромными природными богатствами. Это и многолетняя конфронтация с поддерживаемым Соединенными Штатами Израилем, оборачивающаяся целым рядом унижительных поражений. Это и силовая «демократизация» извне без учета исторических, религиозных, традиционных особенностей мусульманских стран. «На Западе вообще – по крайней мере в Европе и США – политические лидеры не хотят говорить правду, – сказал руководитель, а затем консультант специального подразделения ЦРУ, созданного для поиска Усамы бен Ладена, Майкл Шоэр.¹¹ – Это вовсе не война за наши свободы, либеральные ценности или тендерное равенство. Это война, главной причиной которой является негативное влияние западной, и в особенности американской, внешней политики на мусульманский мир. Это религиозная война. Наши действия в мусульманском мире воспринимаются как нападение на ислам. Именно поэтому оппозиция Америке и Западу, но особенно Америке, так сильна».

Все это нужно знать, конечно, не для оправдания исламского экстремизма, а для успешной борьбы с ним. Не думаю, что американское руководство всерьез рассматривает необходимость лишить исламский экстремизм его корней. А без этого навряд ли удастся ликвидировать такую реальную угрозу, нависшую над человечеством, как международный терроризм. Не удастся это сделать также без уважительного отношения к исламу как религии, без дифференцированного подхода к мусульманскому миру. Все это является обязательными условиями активизации антиэкстремистской деятельности светских и умеренных государств с мусульманским населением.

¹¹ Автор двух книг, название которых говорит само за себя: «Имперское высокомерие: Почему Запад проигрывает войну с террором» (под псевдонимом «Аноним») и «Маршируем прямо в ад: Америка и ислам после Ирака».

Аналогичные мысли высказал в письме, адресованном мне, выдающийся политический деятель, бывший канцлер Германии Хельмут Шмидт. Он писал: «Если мы ограничимся отпором исламистскому терроризму, если мы не найдем в себе уважения и терпимости к этой чужой для нас религии, то может возникнуть большая беда. Русские, европейцы и американцы должны срочно научиться отличать терпимость к исламу от энергичного отпора исламистскому террору, который, к слову, не находит оправдания в Коране».

Для нас политика в отношении ислама имеет значение не только в глобальном, но и во внутривосточном контексте. В России проживает около 20 млн людей, придерживающихся мусульманских обычаев и традиций. Однако у нас нет объективных причин для кризиса в отношении между мусульманами и другой частью населения. Специфика нашей страны заключается в том, что двадцатимиллионная часть населения, придерживающаяся мусульманских традиций, не иммигранты, они проживают на территории нынешней Российской Федерации испокон веков, и в последние столетия кровавых столкновений с мусульманами в России не было.

В советское время мусульмане наряду с исповедующими другие религии, именно наряду с ними, подвергались дискриминации. Дело доходило до того, что, когда скончался один из крупных партийных деятелей в советской Средней Азии, приехавшая из ЦК КПСС делегация сосредоточенно интересовалась, будет ли покойник переложен из гроба и захоронен, по мусульманскому обычаю, в саване головой к Мекке. Этим чуть ли не определялась ценность всей его предшествовавшей деятельности для советского государства. Ныне с антирелигиозной практикой, имевшей место в СССР, направленной против обычаев, религиозных чувств всего населения, в том числе мусульман, полностью покончено.

До октября 1917 года на территории Российской империи было около 30 тысяч мечетей. В 1980 году, по свидетельству Г. Михайлова, начальника отдела Совета министров РСФСР по связям с религиозными организациями, на территории России имели официальное разрешение на деятельность 335 мулл, а 1245 совершали обряды без регистрации. Положение резко изменилось в постсоветское время: построены тысячи новых мечетей, открыты медресе, исламские университеты, выходят десятки мусульманских печатных изданий, создан Фонд поддержки исламской культуры, науки и образования.

Не на бумаге – это было и в СССР, – а в реальности внедряется федерализм. Автономные республики, как, например, Татарстан, Башкортостан, пользуются реальными правами, подтвержденными Конституцией и законами России. На деле практикуется равенство всех граждан России при занятии ими государственных постов на федеральном уровне. Руководство России стремится к тому, чтобы люди, придерживающиеся исламских традиций, чувствовали себя равноправными гражданами единой страны.

Вместе с тем совершенно естественно, что быстрое восстановление и развитие исламских ценностей в России порождает ряд проблем. Тем более что, как справедливо заметил в интервью газете «Таймс» эксперт по вопросам ислама в России профессор А. Малашенко, «...церковь не имеет такого влияния на русских или значения для них, как ислам для мусульман».¹² Однако нет никаких свидетельств угрожающего развития противоречий на религиозной почве в стране. Показательно, что длившаяся в течение целого ряда лет война в Чечне, которая стоила многих жертв, не приобрела религиозного характера и нисколько не расшатала российское общество по религиозному принципу.

Может ли терроризм быть оправдан?

И все-таки, что такое современный терроризм? Это не праздный вопрос, так как от понимания этого явления зависит правильный выбор методов антитеррористической борьбы.

Неслучайно определение терроризма стало трудной проблемой для Группы высокого

¹² The Times. 2005.05.08.

уровня,¹³ созданной Генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном. Участники Группы пришли к выводу, что для определения терроризма следует взять элементы из принятых антитеррористических конвенций и других документов. Главным из этих элементов является, безусловно, применение силы против мирного населения, какими бы причинами это ни обуславливалось. Нельзя рассматривать как терроризм действие против войск оккупантов, когда идет борьба за независимое существование того или иного государства. Но если при этом целенаправленно осуществляются акции против гражданского населения, то это тоже терроризм.

Не у всех находит понимание термин «международный терроризм». Между тем это адекватное отражение того, что сейчас происходит. Более того, это особая черта современного терроризма. Раньше терроризм был, условно говоря, локальный. Например, баскские террористы, ирландские террористы и другие действовали или действуют в конкретной стране. Но после появления «Аль-Каиды», которая протянула щупальца в различные страны и действует на основе «сообщающихся сосудов», сложилась международная сеть терроризма. Наблюдалось, например, как из зоны племен между Афганистаном и Пакистаном шел переток террористических сил в Ирак. Террористы проникали из Афганистана в Косово и Чечню.

Однако из сказанного не следует, что международный терроризм можно рассматривать как сложившуюся иерархическую систему, руководимую из единого центра. Часто между террористическими организациями отсутствует или слаба координация. Отдельные организации действуют абсолютно самостоятельно вне всяких связей с «Аль-Каидой». Особое значение приобретает Интернет, через который распространяются идеи, документы, заявления лидеров «Аль-Каиды» или близких к ним лиц, в том числе некоторых мусульманских проповедников.

Другая черта современного терроризма – самодостаточность, самофинансирование террористических организаций, как правило, не связанных с каким-либо правительством.

Еще одна черта – это осуществление массовых акций против гражданского населения именно для того, чтобы дестабилизировать те или иные государства. Даже не выдвигая каких-то конкретных требований, террористы стремятся обескуражить государство, заставить его демонстрировать свое бессилие, погрузить в смятение население, чтобы все общество было в беспамятстве и искало виновных среди своих руководителей. Так было 11 сентября. Так было и при захвате школы в Беслане.

Правды ради, но, естественно, не для оправдания современных террористов, использующих террор с целью устрашения, нужно сказать, что они не изобрели ничего нового. Робеспьер был известен своей приверженностью к массовому террору как важному средству революционной борьбы. Ленин и Троцкий провозгласили и широко осуществили «красный террор» в ответ на «белый». Сталин был приверженцем широкомасштабных террористических действий для достижения своих целей – об этом свидетельствует кровавая практика 37-го года. А атомная бомбардировка Хиросимы, унесшая жизни сотен тысяч мирных жителей, – разве это не пример кровавого массового устрашения, каким бы целям оно ни служило?

Для активной борьбы против терроризма необходимо исключить абсолютно неправомерные подходы к этому преступному явлению. Один из них, когда оправдываются или, во всяком случае, подвергаются слишком мягкой критике репрессалии за террористические акты, осуществляемые государством тоже против мирного населения другой стороны. Пример – действия Израиля, которые уносят жизни палестинских мирных жителей, в том числе женщин и детей, в качестве «возмездия» даже не только за террористические акты против израильского гражданского населения, но и за вооруженные столкновения с солдатами Израиля на оккупированной территории. Терроризм, то есть

¹³ Подробнее об этой Группе в последующем изложении.

вооруженные действия, целенаправленно осуществляемые против мирных жителей, должен осуждаться вне зависимости от того, «первичен» он или «ответно вторичен». Кстати, и палестинская сторона часто оправдывает террористические акты как ответ на вооруженные действия Израиля против мирного населения. Получается замкнутый круг террористического насилия, который не может быть разорван, если считать один вид терроризма преступлением, а другой – оправданным.

Это имеет прямое отношение и к двойной логике, присущей некоторым западным политикам, которые превозносили чеченских террористов чуть ли не как борцов за свободу и независимость, закрывая глаза на то, что «свободолюбивые бандиты» устраивали взрывы жилых домов, в подземных переходах в Москве, на стоянках автобусов, захватывали больницы и школы, совершали действия, сопровождаемые гибелью десятков, сотен людей.

Неразборчивость в выборе методов осуществления политики оборачивается подчас всеобщей трагедией. Как известно, в период холодной войны Вашингтон поддерживал борьбу исламистских сил против советского военного контингента в Афганистане. На волне этой борьбы и появился Усама бен Ладен. Убедившись в бессмысленности и ущербности своей военной акции, Советский Союз ушел из Афганистана, а феномен «Аль-Каиды» дорого обошелся всему миру, включая США. Советская политика тоже делалась не в белых перчатках. Но, понимая, какую огромную опасность таит в себе исламский экстремизм, собственно, как любой другой религиозный экстремизм, Москва никогда, даже в годы холодной войны, не использовала его как силовой фактор против Соединенных Штатов.

О том, насколько необходимы всеобщие усилия, объединение всех центров многополярного мира, чтобы противостоять международному терроризму, свидетельствуют даже не только страшные террористические акты в различных странах. Международный терроризм делает еще более опасными и другие вызовы и угрозы, с которыми сталкивается мировое сообщество:

- опасность распространения ядерного и других видов ОМУ усугубилась реальной возможностью срачивания с ним международного терроризма;
- неурегулированность региональных конфликтов, особенно ближневосточного, создает благоприятную почву для роста и усиления международного терроризма;
- еще более опасной стороной оборачиваются ситуации, при которых власти оказываются не в состоянии предотвратить гуманитарные катастрофы, геноцид, порождающий массовые убийства и сотни тысяч беженцев;
- опасность наркобизнеса усиливается в результате того, что он стал серьезным финансовым подспорьем для деятельности международного терроризма;
- религиозный экстремизм в ряде стран срачивается с международным терроризмом, а искры такого срачивания способны поджечь костер сепаратизма; это уже дестабилизирует обстановку в некоторых государствах и может привести к еще более негативным последствиям.

США против ООН

Упор на одностороннее применение силы объективно сталкивает Соединенные Штаты с таким многосторонним механизмом поддержания мира и безопасности, как Организация Объединенных Наций. Взаимообусловлено развивались два процесса: переход США на платформу самостоятельных превентивных действий в случае возникновения определяемой ими же самими угрозы международной безопасности и дистанцирование Соединенных Штатов от ООН.

Негативное отношение Соединенных Штатов к Организации Объединенных Наций накапливалось годами. При президентстве Рейгана США перестали перечислять свои взносы в бюджет ООН, прекратили участие в ЮНЕСКО, высказав недовольство тем, что эта организация критически относится к ряду проявлений американской политики. При Буше-старшем и особенно при Клинтоне наметилось некоторое потепление: США начали

погашать свои долги перед бюджетом ООН и отменили ранее введенный запрет на участие американских вооруженных сил в ооновских миротворческих операциях.

Приход к власти администрации Буша-младшего вновь обострил отношения США с ООН и рядом других международных структур. Д. Рамсфельд призвал прекратить американское участие в миротворческих операциях ООН, мотивируя это необходимостью «...вернуть военных, которых используют в мирных целях, на фронт» (это заявление было сделано незадолго до американского вторжения в Ирак). Колин Пауэлл и его сторонники не смогли воспрепятствовать в 2002 году инициированному правыми республиканцами официальному отзыву подписи Билла Клинтона под Римским статусом – уставным документом Международного уголовного суда. Это было сделано вопреки настроениям, господствовавшим среди европейских союзников США. В марте 2003 года Ричард Перл опубликовал в британской газете «Гардиан» статью под красноречивым заголовком «Слава богу, ООН скончалась».

Все четче среди правой части республиканцев в США стал звучать тезис: современным условиям адекватна именно НАТО, которая может с большей эффективностью выполнять функции Организации Объединенных Наций. Импульс получили обсуждения в различных комиссиях конгресса США на тему, нужна ли вообще ООН. Несомненно, толчком к такой постановке вопроса стало несогласие ООН и ее Генерального секретаря Кофи Аннана с американской политикой, особенно интервенцией в Ираке. Острая критика в адрес США прозвучала в ряде ооновских документов, в частности, в докладе о положении с правами человека в тюремном лагере, организованном США на своей военной базе в Гуантанамо (Куба).

Можно считать, что, отражая реальные настроения в мировом сообществе, ООН при Кофи Аннана все больше становилась самостоятельным игроком на международной арене. И все отчетливее проявлялась неоспоримая истина – ООН по своему уставу несовместима с политикой односторонних действий Соединенных Штатов. Именно с этим не соглашались США. Особенно неприемлемой для них стала практика, при которой постоянные члены ООН Россия и Китай имели право вето и использовали его в случаях несогласия с резолюциями, которые пробивали Соединенные Штаты. В таких условиях, очевидно, в Вашингтоне посчитали: уж если и необходима международная организация для осуществления многосторонних мер, то она должна быть не нейтральной, а подчиняться Соединенным Штатам.

Не помогло и стремление Генерального секретаря Кофи Аннана найти приемлемый вариант реформирования ООН. Эта задача побудила Кофи Аннана создать Группу высокого уровня, известную как «группа мудрецов», призванную выработать рекомендации по противодействию опасностям, в том числе исходящим от внутривострановых ситуаций, и представить предложения, как сделать Организацию Объединенных Наций более эффективной в борьбе с новыми вызовами и угрозами. Группа состояла из 16 человек, подобранных Генеральным секретарем из различных стран. В письме, адресованном мне как одному из участников Группы высокого уровня, К. Аннан писал 4 ноября 2003 года:

«События прошедшего года (операция США в Ираке. – *Е.П.*) потрясли основы коллективной безопасности и подорвали веру в возможность многонациональных решений. Группа должна провести обсуждение, имея в виду необходимость продемонстрировать, что коллективным ответным действиям следует отдавать предпочтение не потому, что это дело принципа, а потому, что данное средство в практическом плане является более действенным и эффективным, чем любые ему альтернативные. Для этого я прошу вас тщательно рассмотреть существующие отличные друг от друга угрозы и предлагаемые пути их решения, проблемы, вынуждающие некоторые государства чувствовать себя крайне уязвимыми, обсудить существующую обеспокоенность по поводу превентивной войны, незаконность использования этого средства в одностороннем порядке, а также другие темы, представляющие интересы для всех членов нашей

организации. Только на такой основе мы сможем установить, какие необходимо предпринять шаги для повышения эффективности наших коллективных институтов».

Так Генеральный секретарь видел задачи, которые призвана решить созданная им группа. Доклад группы «Более безопасный мир: наша общая ответственность» он намеревался утвердить на юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи, приуроченной к 60-летию ООН.

Когда доклад был готов, Генеральный секретарь ООН в письме от 20 декабря 2004 года на мое имя писал: «Вы и Ваши уважаемые коллеги не только оправдали, но и далеко превосходили все ожидания. Вы нашли единые подходы к решению вопросов, которые в течение многих лет разъединяли и парализовывали международное сообщество... Оценка группой коллективной безопасности в XXI веке укрепила мою надежду на то, что народы мира смогут предпринять подобные усилия для преодоления разногласий и достижения нового консенсуса в целях обеспечения „более безопасного мира“. Я уверен, что смелые и прагматичные предложения, выдвинутые группой, внесут свой вклад в обновление нашей организации, и я планирую посвятить значительную часть наступающего года популяризации взглядов и рекомендаций, изложенных в вашем докладе».

Одним из важных выводов группы, особенно в условиях, когда США навязывали миру односторонние решения, было общее мнение о том, что механизм ООН должен быть задействован против действительно существующих опасностей, таких как массовые убийства гражданского населения, неспособность центральных властей взять под контроль негосударственные субъекты, создающие угрозу международной безопасности, форсированное приближение к обладанию ядерным оружием с возможной перспективой его передачи террористическим организациям, предоставление правящим режимом своей территории для базирования международной террористической организации.

Но как противодействовать всему этому? В длительных дискуссиях члены группы согласовали ряд положений. Главные среди них следующие: существование внутристрановой угрозы должно выявляться не одним каким-либо государством, а коллективно через Совет Безопасности ООН. Именно Совет Безопасности ООН должен определять и систему мер по нейтрализации этой угрозы.

Не перечеркивает ли это суверенитет государств? Вопрос непростой. В сегодняшнем мире существует тенденция некоторого ослабления суверенитета государств. Часть суверенитета передается на наднациональный уровень интеграционными процессами, развитием транснационального предпринимательства. Но ни в коем случае не следует преуменьшать устойчивость национальных суверенитетов. Вывод об их размыве весьма опрометчив. Об этом свидетельствует хотя бы пример Европейского союза, создавшего наднациональные структуры. Но разве при этом не сохраняется суверенитет Франции, Германии, Великобритании и других стран, входящих в ЕС?

Вместе с тем, суверенитет не должен быть непреодолимым препятствием, когда речь идет о том, что внутри той или иной страны разворачиваются события, которые могут взорвать обстановку в регионе и даже на глобальном уровне. Но выяснение степени опасности таких событий и методов противоборства с ними должны определяться Советом Безопасности ООН, постоянные члены которого обладают правом вето.

В защиту унилатерализма не выступил и член группы Б. Скоукрофт, который не разделял позицию руководства Буша-младшего по этому вопросу.¹⁴

Появление новых вызовов человечеству создает принципиально иную международную обстановку, требующую усовершенствования механизмов Организации Объединенных Наций. Но решению этой задачи не способствует искусственное деление угроз на «жесткие»

¹⁴ Известно, что Дж. Буш-старший рекомендовал сыну прислушиваться к мнению генерала Скоукрофта – своего советника по вопросам национальной безопасности.

и мягкие». «Жесткие» – это угрозы безопасности, которые возникают либо как результат агрессивных действий со стороны другого государства, либо как следствие развития некоей нестабильной ситуации. «Мягкие» – все остальные: нищета, болезни, безработица и т. п. Деление угроз на две части оборачивается в конечном итоге идеей о том, что роль Организации Объединенных Наций должна ограничиваться противодействием «мягким» угрозам, так как ее механизм, дескать, не приспособлен к тому, чтобы быстро и эффективно реагировать на угрозы безопасности. Группа пришла к выводу о несостоятельности таких представлений.

Принципиальный вопрос: нужно ли искать в создавшихся условиях альтернативу Совету Безопасности внутри ООН в вопросах применения силы в том случае, «если Совет не может или не хочет принять решение»? После длительного обсуждения на заключительном заседании группы мне пришлось заявить, что если Генассамблея будет выдвинута в качестве органа, который даже при чрезвычайных обстоятельствах принимает решение о применении силы, то отказываюсь поддержать доклад в целом. Соответствующий параграф из доклада был исключен.

В Уставе ООН заложены все возможности коллективного противодействия угрозам безопасности и стабильности – это, пожалуй, стало одним из главных выводов доклада. Правда, Совет Безопасности ООН не всегда оказывается в состоянии оптимальным образом использовать имеющиеся у него полномочия. Однако надо отметить, что СБ ООН уже доказал на деле свою способность по-новому, именно по-новому подойти к применению положений Устава ООН. Например, после событий 11 сентября 2001 года Совет Безопасности дал, по сути, новую интерпретацию статьи 51 Устава ООН, подведя базу под применение силы в порядке самообороны в случае нападения негосударственного формирования на государство. Можно напомнить и о таких мерах, как введение решением Совета Безопасности санкций против движения «Талибан» и создание Контртеррористического комитета Совета Безопасности (КТК). Совбез принимал также решения и о силовых мерах в поддержку демократии и прав человека, например, резолюцией 940 от 31 июля 1994 года уполномочил государства – члены ООН «...сформировать многонациональные силы... и использовать все необходимые средства» в целях восстановления демократии на Гаити.

Совет Безопасности ООН, таким образом, продемонстрировал способность адаптироваться к ситуации, сложившейся после появления новых вызовов и угроз. Вместе с тем надо признать, что в Уставе ООН отсутствуют критерии, которые могли бы лежать в основе принятия решения о применении принудительных мер. Следует ли из этого, что нужно изменить устав? «Критерии вмешательства», как представляется, могут быть утверждены резолюцией СБ ООН, при этом нет необходимости вносить поправки в сам устав.

Ситуации, угрожающие миру и безопасности, связаны не с недостатками Устава ООН, а с вопиющим нарушением его положений. Однако это не снимает остроту необходимости повысить эффективность Совета Безопасности ООН. Конечно, его состав и структура, определенные исходя из расклада сил после Второй мировой войны, не могут сохраняться вечно – это вывод группы. Давно прошли те времена, когда Германию и Японию отличало от других стран – членов ООН прежде всего поражение в войне. За многие десятилетия существования Организации Объединенных Наций произошли и другие серьезные изменения на мировой арене. Целый ряд бывших колоний и полукolonий стали суверенными государствами и теперь играют активную самостоятельную роль в международной политике, наращивают свой удельный вес в мировой экономике (например, Индия). Следовало бы привести состав Совета Безопасности ООН в соответствие с современными реалиями. Речь может идти об увеличении числа его и постоянных, и непостоянных членов. Целесообразно также четче соблюдать принцип географического представительства в Совете Безопасности, особенно в отношении Африки и Латинской Америки. Однако значительное расширение числа членов Совбеза противоречит идее сохранения и усиления дееспособности ООН.

Что касается проблемы права вето, то нужно прямо сказать, что Организация Объединенных Наций как многосторонний механизм, эффективно действующий во благо мира и безопасности, не может существовать без этого права. История Лиги Наций в этом плане весьма поучительна. Но не менее губительно для ООН предоставлять право вето большому числу стран. Члены группы, в принципе, сошлись на том, что такое право должно принадлежать лишь нынешней «пятерке» постоянных членов СБ ООН.

Излюбленный аргумент критиков ООН заключается в том, что постоянные члены Совета Безопасности зачастую не способны находить консенсус по вопросам, касающимся силового реагирования на наиболее острые угрозы безопасности. Но эти утверждения несправедливы для тех случаев, когда дело касается бесспорных ситуаций, чреватых угрозами международной безопасности. Чтобы расширить возможности согласования в рамках Совета Безопасности решений по кардинальным проблемам, постоянные члены Совета Безопасности могли бы, к примеру, выступить с политически обязывающим заявлением, что будут прилагать усилия для достижения согласия по ключевым вопросам безопасности и стабильности.

Необходимо направить усилия на эффективное использование не только Совета Безопасности, но и других ооновских структур кризисного регулирования, а также, если нужно, на их адаптацию к новым угрозам. Прежде всего, это касается Контртеррористического комитета и Комитета СБ ООН по санкциям в отношении «Аль-Каиды», талибов и связанных с ними лиц и организаций (Комитет 1267).

Я считаю, что следовало бы обсудить идею разработки хартии антитеррористических действий, которая содержала бы набор конкретных обязательств по ликвидации террористических организаций и их отделений, перекрытию финансовых потоков, предотвращению транзита оружия, взрывчатки, боевиков, выдаче лиц, обвиняемых в терроризме (по списку «антиталибского» комитета). Неучастие в режиме, установленном хартией, рассматривалось бы как неприемлемое. Кстати, именно такое неучастие могло бы стать основанием для осуждения того или иного режима с последующими санкциями в различных формах.

Чтобы Организация Объединенных Наций стала работающим механизмом, альтернативой единолично принимаемым решениям о применении силы, она, как представляется, должна приобрести военное измерение. Необходимо не только продолжать практику осуществления по решению Совета Безопасности операций в формате коалиции заинтересованных государств (имеется опыт таких действий в Албании, Восточном Тиморе, Афганистане), но и продумать также систему мер по укреплению собственного ооновского потенциала проведения многофункциональных операций по поддержанию и, если потребуется, восстановлению мира (с силовым компонентом). В связи с этим, по моему мнению, целесообразно создание постоянных ооновских сил быстрого развертывания. Они могли бы быть дислоцированы с учетом «горячих точек». Кроме того, ООН может подписать с рядом региональных организаций и отдельными государствами специальные соглашения о том, что в случае принятия Совбезом соответствующего решения они направляют свои подразделения быстрого развертывания либо для операций под флагом ООН, либо для совместных с ООН действий.

Еще одно перспективное направление – формирование в Организации Объединенных Наций своего рода экспертно-аналитического пула, состоящего из представителей заинтересованных и располагающих солидными разведывательными возможностями государств. Уже сейчас происходит обмен информацией между спецслужбами различных стран в целях борьбы с терроризмом, раннего выявления кризисов и выбора оптимальных средств их нейтрализации. Однако американский опыт, когда даже наличие определенной информации не помогло заранее раскрыть планы террористов, готовивших нападение 11 сентября, свидетельствует о необходимости совместного анализа получаемых сигналов и постоянного мониторинга за кризисными ситуациями.

Следует создать в ООН структуру, способную выполнять практические функции по

управлению и в постконфликтных условиях, а также координировать восстановительные и другие реабилитационные проекты ООН.

Я, естественно, не претендую на исчерпывающие предложения по модернизации ООН. Многие из изложенных идей нашли свое отражение в докладе Группы высокого уровня.

Однако США, по сути, отвергли этот доклад. Во всяком случае, его рекомендации по приспособлению ООН для противодействия вызовам и угрозам миру и безопасности на современном этапе развития международных отношений были проигнорированы Вашингтоном. Вместо Кофи Аннана, срок которого на посту Генерального секретаря ООН истекал, был избран Пан Ги Мун.

Глава III

Тупики однополярного применения силы

Критерием истинности той или иной теории является практика. Мы в Советском Союзе убедились, что построение социализма в отдельно взятой стране – утопия. Утопическими оказались представления и о том, что наличие СССР революционизирует весь мир, а отсюда совсем недалеко до мировой революции. Жизнь решила по-другому. Столкновения с реальностью не выдерживает и теория, согласно которой США могут в настоящее время по своему образу и подобию переделать остальной мир, в том числе путем одностороннего применения силы. Мир оказался гораздо сложнее представлений о возможности его коренных изменений при помощи доктрины унилатерализма.

Провал с обоснованием интервенции

Неоконсерваторам, которые задолго до операции в Ираке намечали его в качестве первого объекта одностороннего применения американской военной силы, нужно было убедить в необходимости этого американское общество и заручиться хотя бы молчаливым согласием союзников. Тогда и появились обвинения Ирака в том, что он уже овладел ядерным оружием или, осуществляя интенсивную военную ядерную программу, по крайней мере, близок к этому.

Известно, что в течение целого ряда лет реальное положение дел в Ираке с ядерным оружием пыталась выяснить Спецкомиссия ООН, но безуспешно. Россия делала все, чтобы создать условия для бесперебойной работы этой комиссии. Усилия в этом направлении оказались необходимы, так как зарывавшийся Саддам Хусейн порой требовал исключить из объектов осмотра президентские дворцы или убрать из комиссии американцев. Положение выравнивалось каждый раз путем настойчивого давления России на Саддама Хусейна в пользу сотрудничества со Спецкомиссией. Я это знаю, так как принимал непосредственное участие в качестве министра иностранных дел, да и роль России могут подтвердить мои тогдашние коллеги, в том числе госсекретарь США Мадлен Олбрайт. И все это делалось нашей страной несмотря на то, что, по признанию заместителя руководителя комиссии Риттера, ряд американских специалистов действительно проявлял, вопреки мандату Спецкомиссии, интерес к внутреннему расположению помещений в саддамовских дворцах, подходам к ним.

Помню также, какое гнетущее впечатление на меня произвел разговор с руководителем Спецкомиссии Батлером во время его пребывания в Москве. На мой вопрос, может ли Спецкомиссия закрыть ядерное и ракетное досье, так как, судя по всему, ничего не обнаружено, Батлер ответил: договоритесь с США, и я это сделаю. Батлер был давно связан с ЦРУ, об этом говорили многие, но такого цинизма я от него все-таки не ожидал. Дело, видите ли, не в объективном характере проверки, а в согласии США на оговоренные результаты.

При всех обстоятельствах, однако, верх брала наша уверенность, что следует оказать

всяческое содействие Спецкомиссии ООН, чтобы выявить реальное состояние дел с ядерным оружием в Ираке. Мы не могли пренебречь и таким достижением Спецкомиссии, как расположение мониторинговых устройств, способных давать информацию с объектов и после проводимых инспекций. Саддам Хусейн, кстати, ни разу не поднял руку на эти устройства.

Поиски Спецкомиссии ООН закончились, как известно, безрезультатно. Им на смену США уготовили свою военную операцию в Ираке. Ее первоначальным обоснованием стали заявления должностных лиц США, что американские военные специалисты, не в пример Спецкомиссии ООН, обязательно обнаружат следы ядерного оружия в Ираке. Но и они ничего не нашли, и созданную с этой целью группу из экспертов американских вооруженных сил пришлось ликвидировать. А глава группы генерал Дэвид Кэй подал в отставку, заявив, что в Ираке не удалось обнаружить ничего, свидетельствующего о наличии в этой стране ядерного, химического или бактериологического оружия.

Можно считать, что все силы американской разведки были задействованы для того, чтобы подтвердить другое обвинение против Ирака, которое послужило бы оправданием военной операции США, – «связи Багдада с международным терроризмом». Официальные лица США заявляли во всеуслышание о тесных отношениях, которые, мол, установил Багдад с «Аль-Каидой». Эти обвинения тоже не выдержали соприкосновения с действительностью. Не кто иной, как директор ЦРУ США, выступая на слушаниях в американском конгрессе, заявил, что у Ирака не было никаких связей с бен Ладеном и его организацией. Таким образом, оказался мыльным пузырем и другой мотив американского вторжения в Ирак. Администрации США, в конце концов, пришлось, по сути, признаться, что Ирак не мог угрожать безопасности США или их союзников.

Потерпев неудачу с версиями тайного выхода Ирака на обладание ОМУ и его связей с «Аль-Каидой», США стали мотивировать свои действия уже не угрозами безопасности, исходящими из Ирака, а стремлением распространить демократию на эту страну. При этом подразумевается американская модель демократии, не имеющая, как уже говорилось, ничего общего ни с историческими, ни с религиозными традициями, ни с социально-экономическим положением, ни со сложившимся менталитетом иракского и других арабских народов. Кстати, со стороны видны промахи и самой американской демократии. Во всяком случае, ее абсолютная непригодность для универсального внедрения.

Конечно, Ирак не отделен стеной от остального мира и стал объектом технико-технологического прогресса, подвергается влиянию общедемократических мировых веяний. Но это не повод для того, чтобы «причесать» Ирак, да и другие страны, под американскую «демократическую гребенку».

Как показали события в Ираке, сам механизм определения реальных вызовов и опасностей, содержащийся в доктрине унилатерализма, служит исключительно политике одного государства – Соединенных Штатов. Об одном из мотивов этой политики на иракском направлении авторитетно и откровенно заявил бывший глава Федеральной резервной системы США Алан Гринспен, назвав в качестве истинной причины вторжения в Ирак «поход за нефтью».

Оккупация Ирака: ожидания и действительность

Оккупируя Ирак, США исходили, очевидно, из того, что иракцы будут приветствовать американские силы как освободителей. На самом деле эти «приветствия» вылились в вооруженное сопротивление. В администрации США считали, что с арестом Саддама Хусейна сократится сопротивление. Этого не произошло, так как против оккупационных сил выступают главным образом не сторонники свергнутого режима, а широкие слои населения, для которых абсолютно неприемлема иностранная оккупация.

В Вашингтоне, судя по всему, думали, что послевоенное обустройство Ирака не будет представлять особых трудностей. Сначала ставка была сделана на политических эмигрантов, покинувших страну при режиме Саддама Хусейна. Рассчитывали, что они возглавят

государственную машину, которая стабилизирует обстановку. Политические эмигранты возвратились, однако стало ясно, что они скорее сосредоточились на борьбе друг с другом, а их роль в руководстве страной оказалась мизерной, так как у них попросту не было никакой опоры в массах.

Когда стало ясно, что возвратившиеся эмигранты «не делают погоды», а борьба против оккупационных сил в тот период опиралась на «суннитский треугольник»,¹⁵ ставка была сделана на то, чтобы «нейтрализовать» суннитов с помощью иракских шиитов. При Саддаме Хусейне шииты, составляющее большинство населения Ирака, действительно были задавлены. Поэтому расчеты строились на шиитскую поддержку сил, которые свергли режим Саддама Хусейна. Однако оказалось, что не так все просто. Среди шиитского населения тоже росла непримиримость к иностранной оккупации, что проявилось в ряде восстаний шиитов против оккупационных войск.

Одним из прямых результатов операции США стало превращение Ирака в плацдарм «Аль-Каиды». Произошла массовая переброска боевиков-террористов в Ирак из афгано-пакистанской пограничной зоны. Стремясь укрепиться в этой стране, боевики «Аль-Каиды» стали не только использовать в своих интересах, но разжигать вспыхнувшие после американской оккупации кровавые столкновения между иракскими шиитами и суннитами. Объектами взрывов стали мечети, в которых погибали сотни молящихся. Многие акции против шиитских мечетей, в частности в Самарре, организовывались и осуществлялись боевиками «Аль-Каиды», базировавшимися в «суннитском треугольнике» в центре Ирака.

Отряды «Аль-Каиды» установили тесные отношения и с ушедшими в подполье группами баасистов. Здесь начала сказываться еще одна грубая ошибка США: после захвата Багдада американцы решили перенести на Ирак оккупационную модель, использованную ими в Западной Германии. Там, совершенно очевидно, были уместны и объявление вне закона правящей при Гитлере партии, и ликвидация гитлеровских армейских и полицейских структур. В Ираке положение было другим. Массовая партия «Баас», членами которой состояли 2 млн иракцев, вобрала в себя главным образом людей не по политико-идеологическим, а по карьерным соображениям. Это был трамплин для занятия государственных постов или продвижения по службе. В результате все мало-мальски способные менеджеры, администраторы, офицеры оказались в рядах «Баас». Кроме того, эта партия была единственной в Ираке, в которой – конечно, мягко говоря, в различных пропорциях – находились арабы и курды, сунниты и шииты, лица других национальностей и конфессий. А после оккупации был введен запрет на привлечение бывших членов «Баас» для занятия любых важных должностей. Аналогичная ситуация сложилась и с армией, и с полицией.

Действуя по принципу разрушить все, что было при Саддаме Хусейне, оккупационные власти прошли мимо возможности частично использовать уже отлаженные механизмы, развернув их на стабилизацию обстановки в Ираке. Сделать это, естественно, при необходимой фильтрации было реально, так как без средств к существованию, враз лишившись денежного довольствия, оставались и военные, и полицейские. В результате возник вакуум власти, который начали заполнять главным образом представители шиитской общины, значительно менее компетентные, чем те, кто оказался с клеймом «баасист».

В Вашингтоне явно не учли, что разгром Ирака в стратегическом плане ликвидирует баланс сил на Ближнем и Среднем Востоке, где в качестве региональной державы сразу же начал себя проявлять Иран. Это стало серьезнейшим фактором воздействия на шиитскую общину Ирака, в которой резко усилились проиранские элементы. Иран получил дополнительные возможности в своих отношениях с Сирией по влиянию на внутреннюю ситуацию в Ливане. Ряд обозревателей даже заговорили о создании «шиитского пояса» на

¹⁵ Территория в центре Ирака, населенная преимущественно арабами-суннитами.

Ближнем Востоке. Безусловно, это усилило позиции Тегерана в противостоянии со значительной частью мирового сообщества по ядерной проблеме.

Администрация Буша-младшего, будучи под влиянием неоконцов, отказывалась от советов и рекомендаций американских опытных политиков-реалистов. Так, не были приняты во внимание выводы двухпартийной комиссии, созданной конгрессом и возглавляемой бывшим (при Буше-старшем) госсекретарем Дж. Бейкером и сенатором-демократом Гамильтоном.¹⁶ Большую роль в ее работе сыграл лучший, пожалуй, американский специалист-ближневосточник Э. Джереджян – бывший посол США в Сирии. Комиссия рекомендовала, в частности, незамедлительно приступить к переговорам с Ираном и Сирией. Контакты, которые установил американский посол в Багдаде с иранскими представителями невысокого ранга, естественно, не были адекватными крупномасштабным переговорам, предлагаемым комиссией Бейкера – Гамильтона. К тому же эти контакты происходили на фоне непрекращающихся угроз совершить удары по Ирану и Сирии.

Всем этим в полной мере пользовались боевики из «Аль-Каиды». Можно считать, что «однополярная» военная операция США в Ираке открыла «Аль-Каиде» второе дыхание. Положение стало меняться, но лишь в начале пятого года оккупации Ирака. Причем это произошло не после того, как президент Буш увеличил американский вооруженный контингент в Ираке, а когда американцы начали конфиденциальные контакты с суннитскими повстанцами, а также финансировать и поставлять оружие суннитским племенам, подталкивая их к разрыву с «Аль-Каидой». Во второй половине 2007 года, по утверждениям американцев, контакты с шейхами племен позволили вытеснить боевиков «Аль-Каиды» из суннитской провинции Анбар. Представители армии США установили отношения также с традиционными лидерами в других провинциях Ирака с преобладающим суннитским населением.

Однако эти подвижки не приобрели необратимого характера. Более того, выросли антиамериканские и антиправительственные настроения в шиитской части населения – в Басре, на юге страны и в шиитском районе Багдада – Мадина ас-Садре.

Характерным проявлением этого были вспыхнувшие в марте 2008 года бои между иракской армией, поддержанной оккупационными силами ударами с воздуха, и боевиками, сгруппировавшимися вокруг «Армии Махди», руководимой популярным в Ираке имамом Муктадой ас-Садром. В мае 2008 года иракская армия заняла позиции в Мадина ас-Садре. По некоторым оценкам, столкновения в этом районе Багдада унесли жизни около тысячи человек, ранения получили более трех тысяч. Трудно предположить, что это все пройдет бесследно. Тем более что руку на пульсе иракской шиитской общины держит Иран, заинтересованный в сохранении на нее своего влияния, далеко не всегда совпадающего с американским.

Положение усугубляется тем, что отказались участвовать в центральном правительстве и вышли из него сторонники радикального шиитского лидера Муктады ас-Садра, бывшего премьер-министра И. Аляви и министры-сунниты.

Из всего этого видно, что, несмотря на все предпринимаемые оккупационными властями меры, еще далеко до национального примирения. Явно мешает этому тенденция к созданию в Ираке исламского государства, развившаяся после оккупации страны. Шиитское сообщество представлено в парламенте и в правительстве исключительно религиозными партиями.

Навряд ли осуществимы планы федерального устройства Ирака, в чем Вашингтон

¹⁶ Одним из авторов доклада комиссии был Р. Гейтс, ставший впоследствии министром обороны.

Бывший федеральный канцлер Германии Г. Шредер в интервью журналу «Шпигель» (2008. № 34. С. 90–94) сказал: «Конец однополярного американского мира связан не только с продвижением демократического кандидата Обамы, но и с политикой рационально мыслящих республиканцев. Если вы ознакомитесь с внепартийным докладом Бейкера – Гамильтона о будущем Ирака, то легко поймете, что у следующего президента США не будет иных шансов, кроме как действовать в многополярном мире».

видит ключ к разрешению проблемы. В условиях уже состоявшейся автономии курдов федерализация страны сводится к созданию автономий по религиозному принципу – суннитской и шиитской. Это весьма трудное, если вообще осуществимое мероприятие, в том числе в связи с чересполосицей проживания суннитов и шиитов в Ираке.

Насколько умнее и опытнее оказались Буш-старший и его команда, включающая Скоукрофта, Бейкера, Пауэлла, которые в 1990 году сначала создали коалицию, состоящую в том числе из арабских стран, заручились поддержкой мирового сообщества, а затем по решению Совета Безопасности ООН силой заставили Саддама Хусейна уйти из оккупированного иракской армией Кувейта. И самое главное – ограничились военными действиями в Кувейте и не поставили своей целью оккупировать Ирак, захватить его столицу Багдад. В совместной книге президент Буш-старший и его советник по национальной безопасности Brent Скоукрофт, объясняя принятые решения, пишут, что в случае оккупации Ирака, «...коалиция сразу бы перестала существовать», никто «...не хотел развала иракского государства», «...не было реальной стратегии вывода сил». «Если бы мы пошли по пути вторжения, – пишут авторы, – Соединенные Штаты до сих пор наверняка были бы оккупационной державой в стране с ярко выраженным враждебным отношением населения», и «нас беспокоило сохранение баланса сил в заливе в долгосрочной перспективе».¹⁷

Это было написано в 1998 году. Не думаю, что Буш-младший, Чейни, Рамсфельд и плотно окружившие их неоконсервативы серьезно отнеслись к этому анализу. А стоило бы.

А как в Иракском Курдистане?

Положение здесь резко отличается от остальной части страны стабильностью и безопасностью обстановки. Но это не означает отсутствия проблемы, в том числе для державы, оккупирующей Ирак.

В мае 2008 года я побывал в Иракском Курдистане. Характерно, что получил приглашение посетить Курдистанский район Ирака (КР), а не Багдад, от президента Ирака курда Джаляля Талабани, с которым меня связывают отношения, завязавшиеся сорок с лишним лет назад. Талабани прилетел на встречу со мной из Багдада в Сулейманию. После длительных бесед с Талабани я перелетел из Сулеймании в Эрбиль – нынешнюю столицу Иракского Курдистана. Поразил невиданный размах строительства в этом городе, в котором сейчас проживает миллион двести тысяч человек. У руководства Курдистанского района стоит семья Барзани, известная своей многолетней борьбой за права иракских курдов. Двери официальных резиденций и простых жилых домов были широко открыты – сказались мои дружеские отношения с главой семьи, покойным Муллой Мустафой Барзани. В конце 60-х годов, будучи корреспондентом «Правды», неоднократно встречался с ним и по указанию из Москвы принимал участие в выработке соглашения о мире между курдами и Багдадом, подписанного в марте 1970 года. Через пять лет после его подписания на севере Ирака возобновились вооруженные действия, но тем не менее соглашение 1970 года было весьма важным, так как провозглашало автономию иракских курдов.

После свержения режима Саддама Хусейна курды, составляющие около 20 процентов населения Ирака (4–5 млн человек), добились очень многого. Собственные вооруженные отряды – пешмерга, полиция, таможня, 18 процентов всех доходов от экспорта нефти, полное отсутствие в Иракском Курдистане чиновников из центра, играющих сколько-нибудь влиятельную роль, и наряду с этим сильные позиции в центральной власти: пост президента Ирака, вице-премьера, министров иностранных дел, планирования, промышленности, жилищного строительства и реконструкции, водных ресурсов, по делам окружающей среды, вице-спикера парламента – такова общая картина.

Некоторые характеризуют КР как государство в государстве. Действительно, в КР свой

¹⁷ *Bush G., Scowcroft B. A World Transformed. N. Y., 2005. P. 489.*

президент, правительство, парламент. Но я бы сделал другой вывод: осуществились идеи Муллы Мустафы Барзани, сражавшегося, как он мне говорил, за настоящую автономию курдов и их влияние – тоже в реальности – на политику Багдада. Однако возникает вопрос – он все время прокручивается в головах политиков, журналистов, политологов, следящих за обстановкой на севере Ирака: не продвигается ли таким путем дело к созданию самостоятельного курдского государства? Я этот вопрос задал Масуду Барзани – президенту КР, и другим курдским руководителям. Ответ ныне, по сути, был таким же, как тот, который в конце 60-х годов дал его отец Барзани: наша задача добиться самоопределения курдов, не выходя из Ирака. Мотивация такого решения была тогда образно представлена в словах Барзани-старшего: «Меня палкой не выгонишь из Ирака. Разве я не понимаю, что самостоятельное курдское государство будет сразу же иметь против себя объединившихся Ирак, Турцию, Иран и Сирию. Они не без причины будут опасаться, что созданное курдское государство подтолкнет к присоединению к нему проживающих в этих странах курдов».

Такие же аргументы высказывали мне и нынешние курдские руководители. При этом они ссылались также и на «свободу рук», полученную ныне в составе Ирака, особенно в экономическом плане. Как сказал мне председатель правительства КР Нечирван Барзани – и эту мысль подтвердил спикер парламента КР А. Муфти, – с Багдадом нужно в экономическом плане согласовывать лишь контракты с компаниями в области добычи нефти и газа в районе, а все остальное решается на месте. Подтверждением этих слов служит наплыв иностранных компаний в КР – их привлекает стабильность, безопасность в районе и, естественно, финансовые возможности местных властей в сочетании с прогнозами пока еще не подтвержденных, но вполне вероятных больших природных богатств Иракского Курдистана.

У иракских курдов установились хорошие отношения с США. Это, пожалуй, единственный район в Ираке, население которого не требует вывода оккупационных войск. Но насколько безоблачными будут эти отношения в будущем? Тем более что далеко не застраховано развитие отношений Эрбиля с Багдадом. Не хочу предрекать худшее, но многое может измениться, особенно при окончательном определении границ Курдистанского района Ирака. Так, в середине 2008 года обстановка накалилась, когда премьер аль-Малики потребовал, чтобы отряды курдов покинули север провинции Диала, город Ханакин. Население этой части провинции в основном курдское. Дело чуть ли не дошло до столкновений иракской армии с пешмерга.

Основные противоречия могут развернуться в связи с районом и городом Киркук. Курды фактически контролируют сейчас этот город и прилегающие к нему богатейшие нефтяные территории. Подтвержденные запасы нефти Киркукского района составляют 10 млрд баррелей. По идее, согласно конституции Ирака, должен состояться референдум, призванный решить статус Киркука и его района, на который не без исторических причин претендуют курды. В Эрбиле мне передали ксерокопию карты времен Османской империи, на которой Киркук и его район однозначно отнесены к «вилайету, населенному курдами». Но арабское большинство населения Ирака против присоединения Киркука к курдской автономии. При Саддаме Хусейне из района Киркука были насильственно переселены на юг Ирака десятки тысяч курдских семей – в настоящее время многие из них вернулись.

На Киркук претендуют и проживающие на севере Ирака туркмены. В 1995 году был основан Иракский туркманский фронт. После падения режима Саддама Хусейна фронт начал требовать создания автономии в тех районах, где проживают туркмены. Претензии были предъявлены и на Киркук. Выступая на конференции в Нью-Йорке 29 июля 2007 года, председатель фронта Садэдин Эргеч прямо заявил, что борьба фронта имеет своей целью превратить Киркук в столицу иракских туркман или добиться особого статуса для этой провинции.

Категорически против присоединения в Киркука к КР Турция, получающая из этого района более 400 тысяч баррелей нефти ежедневно. Турецко-курдские отношения желают много лучшего не только из-за территориальных споров, особенно вокруг Киркука. В горах

Северного Ирака базируются боевики созданной турецкими курдами Рабочей партии Курдистана (РПК), требующей создания в Турции курдской автономии. Вооруженные столкновения турецкой армии с боевиками РПК в 2008 году были перенесены с территории Турции на приграничную часть Северного Ирака, куда перебазировались курдские боевики. Периодические бомбардировки, сухопутные вылазки турецкой армии создают напряженность между Эрбилем и Анкарой. Представляется, что не лучшая политика США в этой ситуации – фактическое согласие на такие действия своего союзника по НАТО Турции, и даже более того – передача турецкой армии разведывательных данных о местах скопления боевиков РПК. Из бесед с курдскими руководителями в Эрбиле я вынес убеждение в их желании мирного разрешения возникшей напряженности с Турцией, в хороших отношениях с которой явно заинтересованы иракские курды, в том числе по экономическим соображениям. Однако добиться договоренности с Турцией пока не удается.

Представитель Генерального секретаря ООН Стефан де Мистура справедливо назвал вопрос административной принадлежности курдских земель способным породить длительный очаг вооруженных конфронтаций в Ираке. США, которые оказывают самое непосредственное влияние на развитие обстановки в Ираке и вокруг него, как мне представляется, слабо учитывают это немаловажное обстоятельство.

Что касается внутривнутриполитической ситуации в Курдистанском районе Ирака, то в настоящее время она вполне стабильная. Нужно надеяться, что окончательно в прошлое ушли соперничество между семьей Барзани и Талабани и борьба между двумя ведущими курдскими партиями – Демократической партией Курдистана (Барзани) и Патриотическим союзом Курдистана (Талабани), неоднократно порождавшие вооруженные столкновения и приведшие к существованию двух курдских правительств – в Эрбиле и Сулеймании. Масуд Барзани договорился с Джалялем Талабани о разделе функций: второй стал президентом Ирака, а первый возглавил Курдскую автономию в Ираке, которая ныне предстает в виде объединения двух провинций – Эрбиля и Сулеймании.

В Иракском Курдистане образовывается сплав традиционных и молодых лидеров. Некоторые западные политики предрекают усиление разногласий между ними. Навряд ли это выльется в откровенное соперничество. Лидером молодых считают, не без оснований, премьер-министра регионального правительства Курдистана Нечирвана Барзани – внука Муллы Мустафы Барзани и сына умершего в 1987 году Идриса. Я хорошо был знаком с Идрисом, который всегда выступал в паре со своим младшим братом (но от разных матерей) Масудом. Во время моей встречи с президентом Масудом Барзани 10 мая 2008 года он сказал, что смерть Идриса для него была даже большим горем, чем смерть отца. Нечирван женат на дочери своего дяди – Масуда. В этом отношении намек со стороны западных экспертов на разные «кланы» Барзани, как представляется, далек от действительности. Конечно, это люди разных поколений даже по внешнему виду. Не расстающийся с традиционным одеянием племени барзан президент Масуд и с иголочки одетый в европейский костюм, с отлично подобранным галстуком премьер-министр Нечирван. Знакомство и беседы с этим незашоренным политиком, признающим ошибки, которые привели к ряду поражений курдского освободительного движения, верящим в возможность построения безусловно светского (курды вообще не очень религиозны), демократического общества в КР, оставили большое впечатление.

Встреча с другим представителем власти новой формации, руководителем Национального агентства безопасности и разведки сыном Масуда Барзани Масруром, подтвердила позитивный настрой молодых лидеров. Очень важно, что они прошли не только через участие в вооруженных отрядах пешмерга, но и учебу в университетах. Очевидно, эти люди – будущее Иракского Курдистана. Причем, мне кажется, переход к этому будущему обойдется без серьезных конфликтов.

Еще раз прочувствовал, находясь на севере Ирака, насколько, несмотря на приверженность курса стратегического партнерства с США, сохраняется в неизменности добрая, дружеская предрасположенность курдов к России. Власти КР говорят о своей

готовности широко открыть двери для российского предпринимательства, к сожалению, практически не представленного в курдской автономии. На севере Ирака проживают еще десятки советских женщин – многие из них вдовы, в свое время выехавшие из Советского Союза со своими мужьями-курдами.¹⁸ Они перенесли страшные тяготы жизни, вместе с мужьями и детьми сражались за права курдов. Участники встречи с ними не смогли сдержать слез. Сотрудничая с генеральным консульством России, открытым в Эрбиле, они и оставшиеся в живых члены их семей (все говорят по-русски), несомненно, служат укреплению российско-курдских отношений.

Уйти, чтобы остаться?

Вскоре после первых признаков неудачи в стабилизации иракской ситуации и усилившихся антиамериканских настроений во всем мире США резко приглушили первоначальную браваду: дескать, мы сами решим все проблемы, связанные с операцией в Ираке. Последовали обращения к союзникам с просьбами о хотя бы символическом присутствии в оккупационных силах. Откликнулись немногие, да и то через какое-то время, некоторые отказались от участия своими вооруженными контингентами в операции в Ираке. Испания, Австралия вывели свой военный персонал из Ирака. Ряд стран сократил свое участие, даже такой верный союзник США, как Великобритания.

Вопреки первоначальным заявлениям, что, осуществляя свою операцию, США не нуждаются в присутствии ООН в Ираке, последовала просьба к Совету Безопасности ООН о мандате на нахождение в этой стране «многонациональных сил» (МНС), преобладающая часть которых – надо отдать должное, этого никто не скрывает – войска Соединенных Штатов. 18 декабря 2007 года Совет Безопасности ООН по обращению иракского правительства в очередной раз продлил мандат МНС. Однако под воздействием внутрииракской ситуации премьер-министр Нури аль-Малики указал в этом обращении, что продление – последнее.

На смену резолюциям Совета Безопасности ООН о продлении должно было прийти американо-иракское соглашение о партнерстве. Характерна та обстановка, в которой готовилось это соглашение. Заместитель председателя комитета по вопросам безопасности и обороны иракского парламента Ас-Самараи в интервью эмиратской газете «Галф ньюс» признал, что переговоры очень сложны для иракцев – представители США отвергли те условия и ограничения, которые иракские переговорщики пытались установить для американских вооруженных сил, остающихся в стране на определенный срок. Американские переговорщики настаивали на том, чтобы в соглашении указать «общие временные горизонты» для передачи контроля иракским силам над городами и провинциями страны и связанное с этим уменьшение численности американских войск в Ираке.

Не могу не согласиться с мнением профессора Багдадского университета х. Хасана, который заявил корреспонденту «Галф ньюс», что сохранение американского военного присутствия на долговременной основе в Ираке может стать «дополнительным осложняющим фактором», препятствующим достижению внутрииракского согласия.

В ноябре 2008 года поступило сообщение о том, что кабинет министров Ирака, а затем и парламент, одобрили «соглашение стратегического партнерства с США» о продлении срока пребывания американских войск еще на 3 года – до конца 2011 года. Вашингтон поспешил приветствовать решение иракского правительства.

Есть основания считать, что американская сторона стремилась, чтобы соглашение было подписано до вступления в должность президента США Барака Обамы, который, как

¹⁸ Двенадцать лет в эмиграции в СССР находились М.М. Барзани и несколько сотен его соплеменников, вернувшихся на родину после победы иракской революции в 1958 г. Подробнее об этом в моей книге «Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами» (М., 2006).

известно, вообще настроен против американской военной операции в Ираке и нахождения там американских вооруженных сил. Не связано ли с этим согласие администрации Буша установить, наконец, срок вывода войск, документально получив право держать их в Ираке еще три года?

Трудно рассчитывать, что такое, оставляющее много вопросов, соглашение станет переломным рубежом, после которого произойдет стабилизация обстановки в стране. Дело не только в далеких от нормализации суннитско-шиитских отношениях. Мало надежд и на прочность союза шиитских организаций с курдами. Соглашение между ними может иметь лишь тактический характер с целью создания правительства. Но слишком разные интересы у этих двух групп населения Ирака. К тому же никакая стабилизация не произойдет при изоляции суннитской части иракского населения – не нужно забывать, что она составляет 40 процентов.

Будущее Ирака может быть построено только на трех основах. Первая – окончание иностранной оккупации и передача всей полноты власти в руки самих иракцев. Вторая – такая модель управления страной, которая учла бы интересы арабов и курдов, шиитов и суннитов. Третья – категорический отказ всех сопротивляющихся оккупации иракских сил от поддержки в любой форме террористических организаций и групп, в результате преступных действий которых гибнут сотни тысяч мирных людей. Освободительная борьба и терроризм – понятия разные, несовпадающие. Их объединению не может быть никаких оправданий.

Забыли про Афганистан

Крайне негативным последствием одностороннего решения по Ираку является тот факт, что американская операция в этой стране отвлекла внимание от необходимости объединения усилий мирового сообщества для борьбы с международным терроризмом. Произошло несомненное снижение интереса к антитеррористической операции в Афганистане. А там события стали развиваться совсем не по тому сценарию, который США начали осуществлять в 2001 году при широкой поддержке со стороны преобладающего большинства государств.

Прежде всего, не удалось нейтрализовать руководителя «Аль-Каиды» бен Ладена. Судя по многочисленным публикациям, он скрывается в зоне пуштунских племен в приграничном районе Афганистана с Пакистаном, главным союзником США в антитеррористической операции (так назвал его президент Дж. Буш). Там же, очевидно, базируется и глава свергнутого режима «Талибан» мулла Мухаммад Омар. Периодически подаются голоса, призывающие всех не на жизнь, а на смерть бороться против иностранных войск в Афганистане. Однако ни пакистанская армия, ни вооруженные силы коалиции, возглавляемой США, не совершают рейды на эту территорию с целью захватить или ликвидировать бен Ладена, Омара и им подобных. Не думаю, что такая уж неразрешимая задача, в первую очередь для пакистанской военной разведки, обнаружить более точное месторасположение главарей террористов. Так почему этого не происходит? Создается впечатление, что захват бен Ладена перестал быть сверхзадачей для США, как провозглашалось в начале операции в Афганистане. Эта тема ушла и из выступлений американских руководителей – ее вытеснили «более актуальные» темы обустройства послевоенного Ирака или поиски следующих за Ираком целей для удара.

Немаловажное значение приобрело и отвлечение финансовых средств, необходимых для антитеррористической деятельности. В американской прессе фигурирует цифра затрат на операцию в Ираке – 50 млрд долларов за каждые три месяца.

Между тем проявляются признаки того, что движение «Талибан» не сломлено и ставит своей целью возвращение свергнутого режима. Мулла Омар даже назначил «Совет руководителей Афганистана», куда вошли десять наиболее преданных движению «Талибан» полевых командиров – ветеранов войны против СССР в 1979–1989 годах. Постоянно

происходят вооруженные столкновения талибов или близких им групп с частями «антитеррористической коалиции». Лидер Исламской партии, бывший премьер-министр Гульбеддин Хекматъяр выступил против правительства Хамида Карзая и примкнул к вооруженной борьбе талибов. Произошла перегруппировка сил талибов, и партизанские действия приобрели активный характер. Совершаются атаки на небольшие уездные города, захваты заложников, рейды вблизи Кабула. Правительство Карзая практически не контролирует ситуацию в провинциях. В стране хозяйничает разруха, обостряются социальные проблемы, происходит ухудшение криминогенной обстановки.

Не изменила ситуацию к лучшему и линия Х. Карзая, не иначе как согласованная с Вашингтоном, на вовлечение «умеренных талибов» в различные органы власти: несколько известных талибов, числящихся в санкционном списке Совета Безопасности ООН, были назначены указом президента Карзая в верхнюю палату парламента, вошли в число депутатов нижней палаты, один из них получил должность губернатора провинции Урузгон. Заигрывание с талибами еще больше накалило внутривластную ситуацию в Афганистане, усилились противоречия в высших эшелонах власти, включая парламент и правительство.

Заигравшийся с талибами, Х. Карзай даже потребовал, чтобы США представили «календарный план» поэтапного вывода коалиционных сил из Афганистана. Он прямо пригрозил, что в случае отказа оставляет за собой право договориться с «Талибаном» «об установлении мира и безопасности». Стало известно, что афганское правительство начало конфиденциальные переговоры с руководством «Талибана» о прекращении огня. Если даже будет достигнут положительный результат на этих переговорах, он будет носить, скорее всего, временный характер. Слишком глубоки противоречия, с одной стороны, между талибами и кабульским режимом и, с другой стороны, между талибами-пуштунами и населением северной части страны – таджиками, узбеками, хозарейцами, так или иначе ныне поддерживающими режим.

Общая нестабильность усугубляется резким увеличением производства наркотиков. Из Афганистана поступает 93 процента потребляемого в мире опиума. Особую опасность вызывает тот факт, что в производство опийного мака все больше втягиваются широкие слои крестьянства, и они вовсе не намерены отказываться от своих заработков. Между тем 75 процентов афганского опиума производится на территориях, контролируемых талибами, которые собирают «дань» с крестьян, сами производят героин, а часть доходов от наркобизнеса направляется боевикам «Аль-Каиды».

27 июля 2008 года газета «Нью-Йорк таймс» поместила статью Томаса Швейча, до июня служившего координатором Государственного департамента США по антинаркотической деятельности и судебной реформе в Афганистане. По его наблюдениям, наркобизнес проник на самый верх афганской власти. Швейч обвинил премьер-министра Карзая в том, что тот остерегается вести борьбу с наркобаронами в политических целях. И не только в политических. Как пишет Швейч, «...друзья Карзая становятся богаче и богаче от наркоторговли». Он обвинил также НАТО и ряд американских генералов в том, что они не проявляют готовности включиться в антинаркотическую борьбу, мотивируя это тем, что уничтожение урожая мака «усилит поддержку «Талибана» со стороны племен». По словам Швейча, производство наркотиков взлетело до небес после возглавляемой США интервенции в Афганистане. Только с 2003 по 2007 год поля под маком выросли в 2 раза.¹⁹

Очень медленно идет процесс создания новой афганской армии. Полевые командиры не спешат отказываться от своих вооруженных формирований. Большинство из них вообще не подчиняются правительству Карзая.

Далеки от решения проблемы полиэтнического характера. Организованные, в том числе и в военном отношении, таджики, узбеки и хозарейцы, которые сыграли решающую

¹⁹ The New York Times. 2008.27.07. P. 45.

роль в свержении режима «Талибан», требуют правового закрепления роли своих представителей во всех властных структурах. В свою очередь, пуштуны стремятся восстановить свое привилегированное положение. Первые призывают к возрождению Афганистана на федеральной базе, вторые выступают за унитарное государство.

Можно прийти к общему выводу: правящий режим в Афганистане неустойчив. А это может привести к знакомой ситуации 1996 года, когда талибы триумфальным маршем прошли по Афганистану. Этому мешают 11,5 тысячи иностранных солдат. Но ведь они когда-нибудь уйдут. В результате возникает законный вопрос: может ли Афганистан снова превратиться в базу международного терроризма, в то время как Вашингтон под лозунгом антитеррористической борьбы занят событиями в Ираке, спровоцированными самой же операцией США?

* * *

Таковы плачевные итоги практического применения доктрины унилатерализма, изобретенной американскими неоконсерваторами. «Неадекватность неоконсерватизма в качестве основного принципа политики не нуждается в доказательствах: проведен эксперимент, и его результаты налицо. Если бы врач ставил неправильные диагнозы так же регулярно, как неоконсерваторы неверно толковали события мировой политики, то его услугами пользовались бы только пациенты, желающие умереть».²⁰ Эти слова принадлежат американскому ученому, профессору Стивену Уолту. Я полностью с ним согласен.

После возникновения иракского тупика, в который завела США политика унилатерализма, и в результате промежуточных выборов в конгресс, когда демократы получили большинство в его нижней и верхней палатах, Буш вынужден был убрать многих неоконсерваторов с государственных постов. Некоторые тихо покинули государственную службу чуть раньше своего покровителя министра обороны Рамсфелда. К таким «тихоушедшим» принадлежал Пол Вулфовиц. А отставке Дугласа Фейса предшествовал скандал, в результате которого ему пришлось отбиваться от обвинений в подтасовке разведанных с целью втянуть США в войну с Ираком.

Но вытеснение видных неоконсерваторов из аппарата не означало окончания их влияния на Белый дом и его политику в период президентства Буша-младшего. Они оставались важной составляющей сил, которые определяли политические и идеологические подходы американского руководства к тем или иным международным событиям, в полной мере сохранили свои позиции в СМИ.

Глава IV

Столкновение цивилизаций или кризис диалога между ними

Модной темой, обсуждаемой на Западе, стало столкновение в сегодняшнем мире различных цивилизаций. Человечество не успело еще окончательно оправиться от разъединявших его идеологических противоречий между социализмом и капитализмом, как на смену им предрекают раздел мира тоже на идеологической основе, но теперь – по религиозно-цивилизационному принципу. Эта тема приковала к себе интерес особенно в связи с тем, что исламскую окраску приобрел целый ряд экстремистских, террористических организаций и групп. Достаточно ли этой констатации для вывода о столкновении в мировом масштабе различных цивилизаций?

Напряженность между западной и исламской цивилизациями существует, и закрывать на это глаза бессмысленно. Но откуда берется эта напряженность – из сущности

²⁰ The National Interest. 2008. No. 97. Sept./Oct. P. 32.

сталкивающихся между собой «непримиримых антагонистов» или переживаемого по тем или иным причинам кризиса диалога между ними? Это еще один вопрос, ответ на который определяет сегодня степень близорукости того или иного игрока на международной арене.

Кому служит теория Хантингтона

Параллельно с неоконсерватизмом, не пересекаясь, но не будучи разделенной глухой стеной, возникла теория американского ученого Сэмюэла Ф. Хантингтона. В 90-е годы он стал, пожалуй, самым известным политологом в научных и политических кругах многих стран. Во всяком случае, его имя чаще других мелькало, а его работы цитировались и продолжают цитироваться в самых различных статьях и книгах, посвященных геополитике. Хантингтона прежде всего знают как автора концепции «столкновение цивилизаций». В 1993 году в статье под таким же заголовком (правда, с вопросительным знаком), опубликованной в американском журнале «Форин полиси», он в качестве главных противоборствующих сил назвал мировые цивилизации, объединяющие группы стран. В 1996 году Хантингтон развил эти идеи в книге «Столкновение цивилизаций и переосмысление мирового порядка».

Теория Хантингтона была воспринята как альтернатива идеям другого известного американского политолога, Фрэнсиса Фукуямы, прославившегося своей концепцией «конца истории», так как противоборство либерализма с авторитаризмом, что, по его словам, является двигателем истории, закончилось полной победой либерализма, у которого не осталось никаких жизнеспособных альтернатив на идеологическом поле битвы.²¹

Некоторые авторы зачисляют Фукуяму в лагерь американских неоконсерваторов, ссылаясь на его связи и деятельность в прошлом. Он действительно вместе с Вулфовицем, Либби, Абрамсом, а также Чейни, Рамсфельдом и братом президента, губернатором штата Флорида Бушем, подписал в середине 1997 года «Заявление о принципах». Это заявление приобрело широкий резонанс в США после избрания в 2000 году президента Дж. Буша. В нем содержался призыв вернуться от «брошенной на произвол судьбы» (при Клинтоне) внешней и оборонной политики к «главным слагаемым успеха администрации Рейгана». В заявлении уточнялось, что эти слагаемые – «...мощная военная машина, готовая ответить на всевозможные реальные проблемы внешней политики, смело и целеустремленно претворяющая в жизнь американские принципы за границей, а также национальное лидерство, которое США принимает на себя во всем мире и во всем объеме ответственности». Однако Фукуяма, выступая с позиции превосходства либеральной над всеми другими моделями построения общества, отличается от неоконсерваторов тем, что далек от огульного восхваления всех черт современной либеральной демократии.

По Хантингтону, история не заканчивается, как у Фукуямы, а после окончания холодной войны продолжается в столкновениях между семью-восемью цивилизациями: китайской, японской, индуистской, исламской, православной, западной, латиноамериканской и, возможно, африканской. Конкретизируя это положение, Хантингтон утверждает, что главной современной тенденцией стало разделение на «Запад и всех остальных», а наиболее агрессивна в борьбе против Запада исламская цивилизация. В 2004 году в своей новой книге «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности» Хантингтон проиллюстрировал этот вывод также на основе миграционных потоков из стран Востока.

Таким образом, по Хантингтону, столкновения неизбежно происходят не только между государствами – носителями различных цивилизаций, но и внутри государств с исламскими «анклавами». Нужно сказать, что вывод о таких столкновениях не беспочвенен. Но главное в том, что Хантингтон утверждает, с одной стороны, неизбежность таких столкновений, и с другой – рассматривает их в виде основного противоречия, определяющего мироустройство.

²¹ В 1989 г. была опубликована статья Ф. Фукуямы «Конец истории?», а в 1992 г. книга «Конец истории и последний человек?».

Именно с этим нельзя согласиться. И именно это льет воду на мельницу тех, кто ратует за объединение сил Запада для борьбы с «агрессивным мусульманским миром».

Показателем распространенности таких идей является то, что они охватили даже такого выдающегося востоковеда, как почетный профессор кафедры исследований Ближнего Востока Принстонского университета (США) Бернард Льюис. Он обвинил «современных мусульман» в «возвращении к идее борьбы за мировое господство между христианством и исламом».²²

Конечно, те, кто разрабатывает и осуществляет внешнюю политику США, не мыслят столь прямолинейно. Но нужно сказать, что антиисламскими настроениями заражается общественное мнение на Западе, и это не может не сказываться на политике.

Однако одно – общее объективное воздействие той или иной теории, а другое – субъективные устремления ее автора. Хантингтон не согласен с претензиями на безгрешность западных ценностей и попытками продвинуть их силой в другие страны. И Хантингтон, и Фукуяма оказались среди тех, кто не поддержал американскую военную операцию в Ираке.

Новый идеологический раздел мира?

Для доказательства несостоятельности теории цивилизационного раздела мира нужно начать с выяснения того, что такое цивилизация. Как правило, это понятие рассматривается в двух планах. Во-первых, как уровень, степень развития всего человечества, как «сквозная эволюционная линия исторического движения»²³. Иными словами, таким понятием обозначают движение человечества от каменного века к «совокупности достижений человеческой культуры и стремлений, выходящих за пределы собственно животного уровня»³. Во-вторых, при рассмотрении понятия «цивилизация» упор делается не на поступательное историческое развитие, а на особенности различных ее типов, каждый из которых определяется «совокупностью идей и политических институтов, условиями материальной и культурной жизни, производительными силами и общественными отношениями, всеми проявлениями религиозной, интеллектуальной и художественной деятельности».²⁴

Обе эти интерпретации понятия «цивилизация» исходят из того, что она представляет собой развивающийся процесс, состоящий из двух взаимосвязанных частей – духовной и материальной. На духовную составляющую цивилизации оказывает непосредственное влияние материальная часть – техника, предметы потребления, одежда, все то, что в совокупности во многом определяет образ жизни. При этом достижения материальной составляющей связаны в значительно большей степени не с отдельными цивилизационными особенностями, а с глобальными достижениями техники, технологии, организации производства, с разными этапами развития процессов глобализации. Следовательно, различные цивилизации, менталитет, национальные традиции нельзя рассматривать в статике, они меняются в связи с развитием общества.

Вместе с тем само восхождение человечества от нижней фазы развития происходило и происходит при взаимодействии и взаимовлиянии различных цивилизаций. В этом плане характерно диалектическое единство между взаимопроникновением европейской и арабской, шире – цивилизациями Запада и Востока и периодическими столкновениями между ними.

²² Россия в глобальной политике. 2007. № 5. Сент. – окт. С. 163.

²³ Рейснер Л.И. Цивилизация и способ общения. М., 1999. С. 33. 3 Определение из словаря английского языка Вебстера.

²⁴ Определение М. Крузе – одного из видных французских исследователей истории цивилизации.

Само название «химия» взято из арабского слова «аль-кимийя». Самой известной медицинской работой в средневековой Европе был труд «Аль-Канун» («Закон») Ибн Сины (Авиценны). Труды Аристотеля сохранились благодаря их переводу на арабский язык.

Даже в периоды кровавых столкновений между Западом и мусульманским миром две цивилизации влияли друг на друга. Не удержусь от пространного цитирования статьи видного российского историка-арабиста В.В. Наумкина: «В течение двух веков господства епископов и рыцарей-крестоносцев над частью Арабского Востока его цивилизация оказывала огромное влияние на многие стороны материальной и духовной культуры европейцев. Благодаря контактам с мусульманами, европейские рыцари стали не только чаще мыться, но даже использовать при этом горячую воду, устраивая неизвестные им прежде горячие бани, относительно часто менять белье и верхнее платье, чего раньше не делали вовсе, носить бороду, похожую на восточный фасон, и тюрбан. Познакомившись в Сирии с ветряными мельницами, они заимствовали это техническое новшество, равно как и водяное колесо. Они узнали о существовании почтовых голубей, научились выращивать немалое число новых сельскохозяйственных культур, впервые получили представление о сахарном тростнике.

Европейские рыцари полюбили мягкие и красивые восточные одеяния, сменившие их грубые одежды, ковры, которыми украсили свои жилища, переняли производство многих изящных тканей, которые до сих пор называются по-арабски. На Запад попали восточные геральдические знаки, арабские музыкальные инструменты и другие атрибуты ближневосточной культуры».²⁵

Примеры можно продолжить. Несомненно и то огромное и многостороннее влияние, которое оказала на восточный мир западная цивилизация, в том числе и в период колонизации. Я далек от того, чтобы восхвалять этот период – колониальные войны, захваты, закабаления стран и народов, их нещадную эксплуатацию, выкачку в метрополии природных богатств этих стран. Все это происходило в действительности. Наряду с этим, однако, во многие колониальные и зависимые страны пусть ограниченно, но проникала западная культура, и они приобщались к технико-технологическим новшествам, распространяемым на Западе. Произошло и внедрение европейских общественных отношений, которые частично разрушали традиционные структуры, но и сами во многом к ним приспособлялись.

Развитие стран Востока тормозилось характерными для них устойчивыми общественными отношениями, возникшими еще до периода колонизации. Во время колониальной зависимости в целом тоже задержалось развитие стран Востока, но в этом, несомненно правильном, магистральном выводе нельзя утопить то позитивное воздействие, которое оказывала западная цивилизация на цивилизацию восточных стран.

И это не только ретроспективный вывод. Категорически неправы те, кто вне времени наделяет определенные цивилизации неизменными, постоянными чертами – Запад, мол, рационален, организован, ставит во главу угла благополучие человека, Восток – эмоционален, иррационален. Тот факт, что локомотивами мирового экономического развития стали во второй половине XX – начале XXI века страны Востока, показывает, насколько не соответствуют реальности такие «незыблемые» представления.

Уже говорилось о том, что Хантингтон насчитывает в нынешнее время семь-восемь цивилизаций. Естественно, они отличаются друг от друга, но важно отметить, что имеет место и сближающее их общее – глобализация, которая непосредственно отражается на материальной части этих цивилизаций: народы, принадлежащие ко всем современным цивилизациям, пользуются резко продвинутыми в XX веке технологиями, техникой, способами связи, информацией. Это, несомненно, оказывает влияние на их жизнь, быт, менталитет, отношения в обществе.

И дело не ограничивается сближением материальных частей различных цивилизаций.

²⁵ Россия в глобальной политике. 2007. № 5. Сент. – окт. С. 175, 176.

Составляющие их различные культуры тоже тяготеют друг к другу. Под воздействием общечеловеческих ценностей и интенсивного развития коммуникаций культура в широком понимании этого слова объединяет людей, страны, следовательно, и разные цивилизации. Во всяком случае, выполняет в большей мере объединительную функцию, чем разобщающую. Я считаю неправильной релятивистскую теорию, в целом отрицающую культурный универсализм и утверждающую, что процесс становления общечеловеческой цивилизации разводит различные культуры в разные стороны.

Движение общечеловеческой цивилизации происходит не в равномерном ритме. На данном этапе исторического развития процесс убыстряется, так как все более мощное воздействие на все человечество оказывает рывок в росте производительных сил, развитие мирового хозяйства как единого целого, взаимопроникновения культур. Но это не идентично представлению об уходе от самобытных, самостоятельных форм цивилизационного развития тех или иных народов. Очевидно, это не произойдет и в будущем. Но происходит другое: локальные цивилизации, во многом видоизменяясь, развивают общечеловеческую. Естественно, это не одноразовый процесс, который к тому же развивается не по прямой линии, а зигзагообразно, что предполагает возможность на определенных отрезках времени противопоставления локальных цивилизаций общечеловеческой. Однако общая направленность развития однозначна.

Известно, что понятие «цивилизация» значительно шире, чем «религия». Выдающийся российский ученый Н.Н. Моисеев писал, что «цивилизация старше любой религии... Цивилизации выбирают религию и адаптируют ее к своим традициям, оправданным историческим опытом». ²⁶ Религия, несомненно, является важной, зачастую определяющей частью цивилизации. И это тоже придает относительную устойчивость локальным цивилизациям. Но отсутствие перспективы создания общей для всех религии отнюдь не означает враждебную настроенность различных мировых религий друг против друга и не перечеркивает процесс создания общечеловеческой цивилизации. Этому препятствует в том числе и суть самих мировых религий.

В связи со всем изложенным согласен с выводом о перспективах отношений между западной и исламской цивилизациями, к которому пришел исследователь Вашингтонского института ближневосточной политики Рэй Тейки: «В конечном счете интеграция исламской демократии в глобальное демократическое общество зависит от желания Запада принять исламский вариант либеральной демократии. Исламистские умеренные, хотя и признают, что фактически существуют некоторые определенные „универсальные демократические ценности“, считают, что различные цивилизации должны иметь возможность выражать эти ценности в контексте, который является приемлемым и уместным в их конкретном районе. Поэтому исламистские умеренные будут продолжать вести борьбу против любых форм гегемонии Соединенных Штатов и в политическом, и в культурном смысле и считают гораздо более устраивающей их многополярную, «многоцивилизационную» международную систему». ²⁷

Диалог должен влиять на политику

Организация Объединенных Наций объявила 2001 год Годом диалога между различными цивилизациями. В этот год и в последующем состоялся целый ряд встреч, конференций, «круглых столов», на которых ученые, представители общественности, религиозных и политических кругов разных стран обменивались мнениями по проблемам отношений и взаимовлияния цивилизаций. В связи с особенностями современной

²⁶ Моисеев Н.Н. Судьба цивилизаций: Путь разума. М., 1998. С. 42.

²⁷ Foreign Policy. 2001. Nov. – Dec. P. 70.

международной обстановки акцент был сделан на необходимость диалога, условно говоря, западной и исламской цивилизаций, между иудо-христианством и исламом.

Диспуты, обсуждения, нашедшие отражение в средствах массовой информации, происходят и в наши дни, и они, несомненно, нужны. Между тем нельзя считать, что они вывели из состояния кризиса диалог между западной и мусульманской культурами. Дело даже не в политической некорректности некоторых видных государственных деятелей Запада, которые продолжают оперировать такими nepозволительными словосочетаниями, как «исламский фашизм», – так сказал в одном из своих выступлений в 2007 году президент США. И не в напутствиях террористам-самоубийцам, произносимых теми муллами, которые от случая к случаю призывают к джихаду, чтобы покончить с инакомыслящими. Диалог не может быть продуктивным, если он не отражается на политических процессах. А этого пока не происходит. Запад в целом и мусульманский мир разделены противостоянием в связи с положением в Ираке после американской оккупации этой страны, поддержкой Израиля в столкновениях с палестинцами, угрозами в отношении Ирана, тревожной обстановкой в Афганистане, взрывоопасным положением в Пакистане, тем фактом, что справедливая борьба против терроризма подчас принимает антиисламскую окраску. Все это разжигает неприязнь, враждебность, апогеем чего стали, с одной стороны, неуважительное отношение к культуре мусульманских народов, обвинения ислама в агрессивных помыслах и, с другой стороны, призывы создать исламский халифат на всех территориях, населенных мусульманами, и покончить с «тлетворным западным влиянием».

Изменение политики, практических действий в отношении стран с мусульманским населением – вот что необходимо. Именно проводимая США политика, их практические действия нагнетают антиамериканизм и в целом антизападные настроения на Востоке. Все это ведет к тупиковой ситуации.

Глава V

Трудное возвращение России в число мировых лидеров

Министерство экономического развития Российской Федерации опубликовало в марте 2008 года «Концепцию долгосрочного социально-экономического развития РФ», которая предрекает к 2020 году превращение России в «глобального лидера мировой экономики», «инновационное лидерство России в мире», «выход России на стандарты благосостояния развитых стран». Не будучи сторонником слишком амбициозных (так называют поставленные цели сами авторы «Концепции») прогнозов, можно, однако, с уверенностью сказать: при правильном использовании огромных природных и интеллектуальных ресурсов, последовательном проведении стратегического курса, решительного искоренения зол, мешающих продвижению страны вперед, Россия, несомненно, будет одним из ведущих центров многополярного мира. И в первую очередь с экономическими достижениями России придется считаться тем, кто ныне недооценивает ее возможности.

Политическая стабильность: ее будущее при «тандеме»

Когда в ряде стран СНГ произошли так называемые цветные революции, немало было предсказаний, что такие же «цветные» перемены ждут Россию. Со временем подобные предположения явно пошли на убыль. Немалое значение имело разочаровывающее развитие событий во всех странах, где к власти пришли поднимаемые Западом на щит «демократы». Но главное – это политическая стабильность в России, на расшатывание которой строили расчет некоторые западные круги, да и отдельные группки в нашей стране. Однако стабильность не сохраняется сама по себе. Нужны усилия по ее удержанию.

После того как состоялись выборы президента Д.А. Медведева и В.В. Путин стал председателем правительства, вопросы о будущем России переместились в плоскость

взаимоотношений между двумя лидерами – кто в «тандеме» будет старшим, уживутся ли, сохранит ли президент свои конституционные полномочия, или они перейдут к главе кабинета министров. Представляется, что жизнь сводит ответы на эти вопросы к тому, продолжится ли стратегический курс России, которым она пошла в XXI веке. И если да, то будет ли при этом сделан упор на решение тех задач, которые остались нерешенными, и проявится ли стремление исправить те ошибки, которые имели место.

Что свидетельствует в пользу преемственности взятого стратегического курса, естественно, при необходимости его совершенствования? Прежде всего, поддержка преобладающей частью российского населения. Кандидатура Медведева не навязана со стороны – это был выбор самого Путина, который, как показала жизнь, мог бы сохранить за собой президентский пост, действуя через большинство в Государственной Думе, готовое внести конституционные изменения, позволявшие ему идти на третий срок. Наконец, став главой правительства, Путин одновременно возглавил партию, которая составляет парламентское большинство. Следовательно, он контролирует и исполнительную, и законодательную власти. Но президент – это ясно обозначилось сразу же после его избрания – ни в коей мере не занял должность, аналогичную английской королеве. Он на деле сохраняет атрибуты высшей власти в России. Такова властная конструкция, способная обеспечить преемственность курса.

Устойчивость этой конструкции определяет время. Дело в том, что недостатком не одного, а практически всех сменявших друг друга российских руководств было образование политических элит, лично преданных главному руководителю. Элиты не были однородны, но всех объединяла эта преданность одной личности. Тяга российского чиновничества к служению не столько государству, сколько лично его главе, живуча. В таких условиях не исключены поползновения тех, кто ныне окружает Медведева и Путина, – здесь аргументом не является прежняя ориентация – вбить клин между двумя руководителями, несмотря на их стремление быть вместе. Настораживают и появившиеся в прессе публикации, ретроспективно критикующие В.В. Путина. Авторы и организаторы этих публикаций, которые предпочитали хранить молчание во время его президентства, теперь как бы пытаются обратить на себя взор нового главы государства.

Но навряд ли все это может перечеркнуть сам курс, объективная необходимость которого для России стала очевидной. Этот курс в экономике, прежде всего, предполагает продолжение движения к цивилизованному рынку. Возможно, мечтает о возвращении России к командно-административной системе ничтожно малая группка людей, которую не следует путать с большим слоем населения, испытывающим ностальгию по великому государству – Советскому Союзу. К тому же у этой группки нет покровителей вне России. Таким образом, проблема реставрации дореформенного, дорыночного курса практически отсутствует.

Отсутствует – этого не примет народ, можно сказать об этом твердо – также перспектива возврата от нынешнего курса к периоду олигархического капитализма, характерному для начального этапа перехода России к рыночному хозяйству.

Преодоление олигархического капитализма

Олигархи – это не просто крупные предприниматели, которые в считанные годы заработали огромные состояния далеко не коммерческими путями, а используя установившиеся личные отношения с властью или с семьей того, кто был на ее вершине. Олигархами стали называть в России тех, кто, не довольствуясь своим положением в экономике, практически заправляли делами в государстве, назначали своих людей на командные позиции, оказывали серьезное влияние на законотворческие и нормотворческие процессы.

К моменту избрания В.В. Путина президентом в 2000 году группы олигархов, использовав известные особенности приватизации в России, реально создали условия для

сказочного обогащения. Очевидно, сразу было невозможно радикально изменить роль олигархов без экономической дезорганизации и политической дестабилизации в стране. С учетом особенности положения российское руководство пошло по пути сохранения существовавших экономических условий, но при этом приватизированные сырьевые монополии должны были взять на себя обязательства, которые могли бы эволюционным путем изменить олигархический характер развития России: честно выплачивать налоги, поднимать заработную плату своим работникам, социально обустривать территории, на которых оперируют их предприятия, вкладывать достаточные средства в приращивание запасов природных ресурсов страны и, самое главное, отказаться от грубого вмешательства в политику, не развращать общество, насаждая во всех властных структурах лоббистов своих интересов.

Расчет властей на понимание со стороны олигархических групп оказался несостоятельным. Они продолжали своевольничать, все больше уверовав во вседозволенность своих действий. Не только продолжалось, но и усиливалось проникновение олигархических групп во все властные структуры. Нарастивались махинации с налогами. Как заявил в интервью агентству Рейтер в ту пору министр экономического развития Герман Греф, «...сначала они покупают дырки в законодательстве, потом покупают чиновников, а потом «оптимизируют» налоги. Наши нефтяники, – сказал он, – не гнушаются никакими методами, чтобы эти дырки просверлить».

В наибольшей степени активничал по всем этим направлениям «ЮКОС». В результате возникло в 2003 году «дело „ЮКОСа“», которое не может рассматриваться, как это представляют некоторые, в качестве «схватки под ковром» «питерских чекистов» с «питерскими юристами» или тех и других с «московскими либералами». Такие умозаключения – типичное скольжение по поверхности. «Дело „ЮКОСа“» показало стремление власти, пока не поздно, дать отпор вседозволенности групп олигархов. Оно свидетельствовало о намерении отказаться от олигархического характера экономического, да и не только экономического, развития России. Причем отказаться не через глобальный пересмотр результатов приватизации – речь шла о лицах, совершивших преступления, нарушающих налоговые обязательства.

Результаты выборов в Государственную Думу в 2003 году продемонстрировали, что такая линия пользуется широкой поддержкой россиян. Дело в том, что каждый, кто голосовал за «Единую Россию», голосовал за принятый российским руководством путь. Вместе с тем абсолютно неправильно относить всех тех, кто голосовал за другие партии, к противоположному лагерю. Их выбор был обусловлен скорее не отказом от поддержки президентского курса, а неприятием партии «Единая Россия», как говорится «с колес» объявившей себя партией власти в стране, которая лишь недавно рассталась со статьей Конституции, провозглашавшей партией государственной власти КПСС. А сокрушительное поражение «Союза правых сил» (СПС), который не прошел в Госдуму, было связано с тем; что его ассоциировали с прямой поддержкой в 90-х годах и позже олигархического капитализма в России.

Хотя итоги выборов в Госдуму в 2003 году свидетельствовали о победе курса, которым пошла Россия, нельзя было закрывать глаза на то, что в обществе, особенно в предпринимательских кругах, существовало беспокойство, как бы меры против всевластия олигархических групп не привели к установлению режима, неблагоприятного для предпринимательства в целом. Опасались усиления элементов, которые хотели использовать ситуацию для введения авторитарных методов управления. Подпитывало такие настроения явно непопулярное взятие до суда под стражу М. Ходорковского.

В таких условиях была принята линия на то, чтобы не допустить перерастания борьбы с олигархическим всевластием в наступление против предпринимательства в целом. Был нанесен, хотя не без серьезных негативных издержек и в правовом поле, и в общественном мнении, точечный удар по олигархической структуре, что переломило обстановку. Есть основания считать, что те крупные предприниматели, которые владеют огромными

капиталами за счет далекой от совершенства и справедливости приватизации 90-х годов, развернулись спиной к своему коллеге Ходорковскому, оказавшемуся за решеткой, и приняли условия руководства страны – не пытаться оседлать политику, заниматься бизнесом на основе действующих законов. Весьма важно, что наряду с этим вырос слой новых крупных предпринимателей, которые обрели большие состояния не в результате скандальной приватизации, махинаций на рынках, преступного сговора с представителями власти, а нормального ведения бизнеса, процессов концентрации и централизации их капиталов.

Это не означает, что уже нет пережитков олигархической стадии развития России, проявляющихся в попытках, не всегда неудачных, создавать лоббирующие группы в Госдуме, Совете Федерации, правительстве, «Единой России», в органах исполнительной и законодательной власти на местах, финансировать ряд партий. Этому следует серьезно противостоять. Но фактический приход к власти в России олигархов не состоялся.

Участие государства в реальной экономике

На Западе не только люди во властных структурах, но даже расположенные к нам представители интеллигенции, предпринимательских кругов очень часто пользуются сведениями об экономической ситуации в России из уст тех, кто жизнью отстранен на российскую политическую обочину, или из односторонне извлекаемой из контекста и широко тиражируемой критики со страниц российской прессы. Так в чем же проявляется стратегический курс, которым пошла Россия в экономике, проложенный через видимую и невидимую борьбу, приведший к несомненным успехам и отягощенный нерешенными проблемами?

Характерной чертой политики, обозначившейся особенно в последние годы президентства Путина, стало увеличение государственного участия в развитии реальной экономики. После долгого перетягивания каната была преодолена идея, согласно которой на заре рыночного хозяйства, даже до того момента, когда создан развитый цивилизованный рынок, можно обойтись без решительного государственного вмешательства в экономическую жизнь страны. Позиция либералов-догматиков заключается в том, что роль государства должна ограничиваться лишь макрорегулированием и нет никакой необходимости в государственных вложениях в реальный сектор экономики. Примером может служить позиция Министерства финансов, первоначально возражавшего против создания инвестиционного фонда, иными словами, против целенаправленного финансирования, осуществляемого из госбюджета тех проектов, в которых испытывает нужду страна. Лишь настойчивость, проявленная Минэкономразвития, поддержанным президентом, привела к тому, что этот фонд все-таки появился на свет. Победила линия на государственное участие в развитии реальной экономики, конечно, при сохранении регулирования на макроэкономическом уровне, которое во многом сдерживает инфляцию, укрепляет рубль, увеличивает золотовалютные запасы страны.

Механизмом развития российской экономики стало частногосударственное партнерство. Нередко оно подменяется понятием государственного капитализма. Однако в России курс был взят даже не просто на смешанную экономику, а на тесное взаимодействие двух ее секторов – государственного и частного – с перспективой, следует это подчеркнуть, изменения баланса в пользу частного сектора. Важно отметить, что государственные предприятия или предприятия с государственным участием функционируют как субъекты рыночных отношений и открыта возможность их частичной или полной приватизации.

Существовали и продолжают существовать противники укрепления роли государства в российской экономике. Часть из них связана с Западом и черпает оттуда идеи – это псевдолибералы. Они, как правило, уже не выступают с открытым забралом против экономической роли государства, но утверждают, что государство приобрело излишне большое место в российском рыночном хозяйстве. Действительно, государство вернуло

контроль над «Газпромом», выкупило активы «ЮКОСа» и «Сибнефти», является главным акционером двух самых крупных банков в России – Сбербанк и Внешторгбанк, монополистом в экспорте вооружений. А в 2007 году созданы мощные государственные корпорации в различных областях экономики – «Роснано», «Ростехнологии», «Росатом», Агентство по страхованию вкладов, Банк развития, «Олимпстрой», Объединенная авиастроительная корпорация, Объединенная судостроительная корпорация и другие.

Государственное участие в производстве во многом объясняется спецификой перехода к рыночному хозяйству в России – выросшая не из производства и не из научно-технических прорывов, преобладающая часть крупных бизнесменов погрузилась в сказочно прибыльную добычу энергоносителей. Перелив их доходов в другие отрасли оказался ничтожным. В создавшихся условиях лишь государственное участие в экономике было способно обеспечивать отход от односторонней сырьевой ориентации, которая уготавливала России незавидное будущее второстепенного члена мирового сообщества.

Начавшаяся перестройка структуры экономики отразилась в том, что уже к 2007 году почти две трети ВВП были созданы за счет внутреннего фактора – строительства, торговли, обрабатывающей промышленности. Инвестиции в эти сферы экономики осуществлялись частнопредпринимательскими структурами, как правило, не zaangażированными в сырьевом секторе экономики. Однако опять чисто рыночный регулятор привел к тому, что в областях экономики, которые создают ВВП, обрабатывающая промышленность оказалась на последнем месте и инвестиции обошли стороной целый ряд важных для России отраслей и производств. Лишь государство своим непосредственным участием могло выправить положение.

В то же время нельзя не видеть негативных черт наращивания государственного участия в российской экономике. Создание государственных корпораций, что было необходимо для подъема таких деградирующих отраслей, как, например, самолетостроение и судостроение, сопровождалось в целом ряде случаев действиями властей, ограждающих их от рыночной конкуренции. Государственные органы передавали имущество в собственность госкомпаниям без торгов, часть госкомпаний использовали административный ресурс. Механизм надзора за финансами госкорпораций отличается от контроля за бюджетными средствами, а правила раскрытия информации установлены менее жесткие, чем у акционерных обществ. Все это создает угрозу конкуренции. Между тем опасность монополизации и без этого приняла в России большие масштабы: свыше 80 процентов нефти добывается и больше 75 процентов перерабатывается пятью компаниями; 70 процентов авиационного грузооборота осуществляется четырьмя перевозчиками; 90 процентов калийных удобрений производятся двумя компаниями. Этот список можно продолжить. Федеральная антимонопольная служба ведет борьбу против тенденции монополизации рынков, но не всегда успешно.

Отсутствие прозрачности управления ресурсами госпредприятий, получаемыми из бюджета, в ряде случаев приводит к их нецелевому использованию, в конечном итоге способствует инфляции. «Роснано», например, было выделено в декабре 2007 года из федерального бюджета в качестве первоначального взноса 130 млрд рублей, что больше 5 млрд долларов. Эти средства пошли не в высокотехнологичные проекты, поиск которых явно затянулся, а были размещены в июне 2008 года в качестве «временно свободных средств» на депозитах восьми банков.

Все громче звучали голоса тех, кто предлагал, если не требовал, вывести чиновников, работающих в исполнительных органах, из руководства компаний, принадлежащих государству, заменить их в советах директоров таких компаний независимыми лицами. Об этом сказал и президент Медведев. Он считает, что государство должно быть представлено только председателем совета директоров, так как все остальные «занимаются лоббизмом или кормлением». Но существует и другое мнение: без всяких исключений поручить представлять государство в госкомпаниях профессиональным поверенным не из числа госслужащих. Кстати, практика показала, что далеко не всегда чиновники всех рангов,

призванные в государственных компаниях защищать интересы общества, выполняют свои функции. Это проявилось в том, что в ряде естественных монополий огромные средства, получаемые в виде доходов, распределялись на строительство престижных зданий, среди высшего персонала менеджеров, а не на столь необходимую замену устаревшего оборудования.

При создании госкорпораций В.В. Путин объявил, что государство не будет их вечным собственником. Не исключается со временем их частичная и даже полная приватизация. Тем более необходимо решать вопрос о замене чиновников всех уровней в их руководстве, чтобы исключить любые рецидивы приватизационной практики 90-х годов.

Перетоку избыточных государственных функций к частнопредпринимательским и некоммерческим структурам могла бы способствовать административная реформа. Для ее осуществления указом президента в 2003 году была создана правительственная комиссия, возглавляемая в ту пору заместителем премьера Б.С. Алешиним, которая – знаю, так как был членом этой комиссии, – предложила перевести с государственного уровня почти полторы тысячи полностью и около одной тысячи частично избыточных госфункций. К сожалению, административная реформа скончалась, ограничившись реорганизацией правительства, да и то такой, от которой впоследствии пришлось во многом отказаться. А передачу функций от государства частнопредпринимательским или саморегулируемым структурам заблокировала бюрократия, на том этапе победившая тех, кто рассчитывал отобрать у нее многие рычаги коррупционного обогащения.

Не меньший ущерб нанесли России действовавшие с противоположной стороны псевдолибералы. Под влиянием их идей произошла задержка с признанием необходимости промышленной политики, которая означает государственное стимулирование развития национально значимых отраслей и производств. Торгово-промышленная палата России еще в 2003 году разработала основные подходы к промышленной политике, включая проекты соответствующих законов. Палату услышал и поддержал целый ряд регионов, но в то время не федеральное правительство.

Проблема выработки промышленной политики остается актуальной, так как сделано недостаточно для создания льготных условий, поощряющих предпринимателей инвестировать в инфраструктуру и обрабатывающую промышленность, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке, внедрять новации в производство. Сконцентрировавшись хоть и на важных, но фискальных функциях, правительственные финансисты, как правило, не стали инициаторами использования экономических рычагов для решения этих важнейших стратегических задач для России.

При этом слишком часто отсутствовала элементарная административная дисциплина с исполнением решений и указаний высшей власти, или же была неоправданная медлительность в их исполнении. И практически никто за это не нес ответственности. Примером могут служить «институты развития» – Инвестиционный фонд, Банк развития, Российская венчурная компания и другие. Само их создание является несомненным достижением. Но явные недочеты в работе исполнительной власти на всех ее уровнях привели к серьезному торможению выделения и использования государственных средств. Это самым негативным образом сказалось на осуществлении федеральных целевых программ. Не торопился вкладывать свои средства в федеральные программы и частнопредпринимательский сектор. Новое руководство – Медведев и Путин – с самого начала стали уделять повышенное внимание эффективности государственных вложений и подъему дисциплины исполнения со стороны чиновников всех рангов. Приобретет ли это столь необходимые постоянные черты, особенно в условиях мирового экономического кризиса, покажет время.

В России впервые со дня рыночных реформ официально была признана необходимость разработки и принятия долгосрочной стратегии социально-экономического развития страны. Это уже не простой прогноз, а индикативное планирование, которое, к сожалению, ранее начисто отрицалось. Отличительными особенностями индикативного планирования, как

известно, является выстраивание показателей-индикаторов, призванных помочь предприятиям сориентироваться в экономической конъюнктуре и разрабатывать собственные планы развития. Индикативный план, рассчитанный, скажем, на пять лет, имеет рекомендательный характер, но при этом оформляется, например во Франции, как законодательный акт.

Требование времени: инновационный путь

Без перевода на инновационные рельсы российская экономика никогда не будет конкурентоспособной. Причем задача обеспечения инновационного пути развития не только не притупляется, но напротив, обостряется в связи с мировым экономическим кризисом.

В Советском Союзе претворение в жизнь передовых достижений фундаментальных наук, как правило, ограничивалось военной сферой. Гипертрофированный рост военно-промышленного комплекса (ВПК), обусловленный в том числе и международной обстановкой, тормозил развитие гражданского производства. Оно отставало от зарубежных аналогов и потому, что в СССР в 2–3 раза больше по времени занимал путь от научного открытия через развитие прикладной науки до реализации в производстве.

Переход экономики на инновационные рельсы не произошел и в 90-е годы, уже на рыночной стадии развития России. Ставшие у руля экономики псевдолибералы считали, что технико-технологический прогресс возникнет главным образом из рыночной конкуренции. Так действительно происходит в странах с развитой рыночной экономикой, но не в России, где крайне недостаточны затраты предприятий на обновление основных фондов и на НИОКР.

Отойдя от представлений псевдолибералов, упор был сделан на целенаправленное государственное регулирование. Однако оно еще не стало эффективным в деле стимулирования модернизации производства. Средний возраст оборудования российских предприятий достиг 25 лет, что вдвое больше нормального уровня, обеспечивающего конкурентоспособность. Это диктует необходимость увеличения объема и темпов роста капитальных вложений, то есть увеличения нормы накопления, которая в России в 2,5 раза ниже, чем в Китае, и в 2 раза ниже, чем в Индии. В прогнозе Минэкономразвития на 2020–2030 годы предусматривается наращивание инвестиционной активности, но далеко не «прорывное» – лишь в конце прогнозируемого периода определяется доведение уровня накопления до 30 процентов от ВВП, что значительно ниже этого показателя у Индии в 2006 году.

Рывок в модернизации производства может обеспечить целенаправленное стимулирование замены морально и физически устаревшего оборудования высокотехнологичным. Ныне, например, уже существует освобождение и от таможенных пошлин, и от НДС импорта первоклассного оборудования, не производимого у нас в стране. Торгово-промышленная палата России, которая в течение нескольких лет добивалась этого, также ставит вопрос о выделении специальных кредитов предприятиям для закупки такого оборудования. Оно могло бы закупаться за рубежом и через «институты развития» по заявкам российских компаний и предоставляться им в лизинг.

К срочным радикальным мерам наряду с либерализацией рынка закупок нового производственного оборудования можно отнести:

- введение в полном объеме инновационных и инвестиционных льгот при установке нового, конкурентоспособного оборудования на срок минимум 5 лет;
- разработку экономических мер по скорейшему изъятию парка производственного оборудования устаревшей техники, включая штрафы за использование машин и оборудования в возрасте свыше 15 лет, тем более что к этому сроку уже накоплены необходимые амортизационные средства, иногда неоднократно.

Инновационное развитие российской экономики в решающей степени зависит от гражданского машиностроения, которого по большому счету не было в СССР, нет и в

современной России. Для развития гражданского машиностроения особое значение имеют госкорпорации в области наноиндустрии, атомной индустрии (включая атомное машиностроение для мирных целей), новейших технологий. По замыслу они создают возможности для инновационного рывка в машиностроении. Но для реализации замысла необходимо сопровождать эти госкорпорации научно-технической и образовательной инфраструктурой, восстанавливая отраслевую науку, КБ и опытные производства. Для обеспечения квалифицированными кадрами потребуются целевые образовательные программы в тесном взаимодействии с вузами страны, что уже частично осуществляется. Необходимо также финансирование профессионально-технической подготовки кадров для высокотехнологичных отраслей.

Вместе с тем – я хотел бы это особо подчеркнуть – нельзя, чтобы крупные промышленные структуры, которым уделялось столь большое внимание, отвлекали от необходимости поддерживать средний и малый бизнес. По расчетам Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук (ИМЭМО), производительность труда в средних компаниях в два раза выше, чем в крупных. Необходимо также отметить, что среди средних промышленных компаний очень мало выросших с нуля. Почти все они созданы на базе советских активов и за счет не очень дорогой модернизации добились высоких темпов роста.

Государственная политика, должна быть ориентирована на повышение устойчивости и конкурентных преимуществ, главным образом, средних и малых предприятий. Кстати, в машиностроении средние предприятия составляют 62 процента, а в строительстве и производстве строительных материалов – более 77 процентов.

Без преодоления технической отсталости российских предприятий, обладающих устаревшим оборудованием, без решения все более обостряющейся проблемы низкой квалификации кадров невозможно ликвидировать отсталость России в производительности труда. И речь идет не только о недостающем числе работников высшей квалификации. Назрела реформа среднего профессионального образования, возрождение системы профессионально-технических училищ, так бездумно ликвидированной в 90-е годы.

Развитие нашей экономики приводит к достаточно высокой динамике потребления. Это очень хорошо. Но рост потребления происходит при сохранении низкой конкурентоспособности продукции российской промышленности. Такой дисбаланс стимулирует дальнейший рост импорта, который значительно превышает темпы роста отечественной промышленности. Естественно, нельзя ставить преграду для импорта. Но еще острее становится вопрос конкурентоспособности отечественного производства. А достичь этого можно только через перевод промышленности на инновационные рельсы.

Многие меры, призванные стимулировать создание инновационной экономики, намечались, но их осуществление откладывалось. Эта медлительность непозволительна для России. Медленно развиваются у нас венчурные компании, а также особые экономические зоны, призванные стать механизмом поддержки высокотехнологичного производства и экспорта. Непонятно их отсутствие на Дальнем Востоке. Да и в целом в России создаются всего 4 технико-внедренческие зоны, а в Китае, для сравнения, их 57. Насколько важны организационные меры для инновационного развития экономики, показывает пример КНР. В России в 5 раз больше ученых на тысячу населения, чем в Китае, в 2,5 раза больше выпускников инженерных специальностей. В то же время на мировом рынке наукоемкой продукции доля Китая достигла 6 процентов, а России – где-то около половины процента.

Девиз «все подчинить рынку» чуть ли не сказался на судьбе Российской академии наук, которой уготовляли реорганизацию не для повышения ее отдачи в фундаментальных исследованиях, а с целью коммерциализации ее деятельности. Такая инициатива была вовремя остановлена. Ведь нельзя игнорировать тот факт, что около двух третей всех мировых новаций XX века имели своим происхождением или были реализованы с использованием фундаментальных открытий Академии наук СССР. Нужно надеяться, что реформаторскому зуду в отношении РАН положен конец.

Критику со стороны псевдолибералов, поддерживаемую на Западе, вызвали предпринятые меры против ослабления ВПК. Такие меры были продиктованы жизнью. Дело не только в том, что от производства новых поколений оружия зависит безопасность России, а продажа вооружений за рубеж (при четком следовании международным ограничениям) в немалой степени обеспечивает доходы бюджета. Дело также в том, что, во-первых, накопленный в ВПК в советский период и еще нерастраченный интеллектуальный потенциал может и должен быть использован для инновационного развития сугубо гражданских отраслей и, во-вторых, в стране существует реальная возможность выйти на концепции «двойных инноваций» для их одновременного использования в военном и гражданском секторах экономики. Будучи директором Службы внешней разведки России, я говорил на заседании президиума РАН об опыте США, который наглядно показал, что военно-техническая политика является одной из форм инновационной политики. В 90-е годы Минобороны США обозначило и профинансировало реализацию 22 «критических технологий». Из них 75 процентов имело двойное назначение. В результате был создан мощный импульс для инновационного развития американской экономики.

Внимание малому предпринимательству

Без выращивания – не боюсь этого слова – малого и среднего предпринимательства нашей страны чрезвычайно затруднены перспективы не только перехода на инновационные рельсы, но практически отсутствует перспектива создания цивилизованного рынка, свободного от удушающих объятий монополистов, наконец, радикального подъема уровня жизни населения, в чем мы так нуждаемся.

Государство далеко не исчерпало своих возможностей также в деле роста среднего класса. Главным источником его пополнения служит развитие малого бизнеса. С развитием малого предпринимательства связана и устойчивость экономики (доля малого бизнеса в ВВП постиндустриальных стран, как правило, превышает половину ВВП, а у нас не достигает 20 процентов), и решение во многом проблемы занятости населения. В условиях мирового экономического кризиса, влияние которого на Россию, следует ожидать, скажется в сокращении производства и даже закрытии ряда предприятий, расширение малого предпринимательства призвано абсорбировать часть высвобождаемых работников.

Один из первых указов президента Медведева был посвящен снятию административного давления на малые предприятия. Этому же посвятил ряд заседаний руководимого им правительства Путин. Принят закон, по которому вводится уведомительная практика создания малых предприятий вместо существующей лицензионной практики, вводится положение, согласно которому устанавливается срок одного раза в три года плановой проверки, а внеплановую проверку малых предприятий можно теперь осуществлять лишь с согласия прокурора. Но этим не должны ограничиваться усилия, направленные на развитие малого предпринимательства в России.

На начальном этапе перехода к рыночным отношениям преобладающее большинство малых предприятий в России создавалось в торговле и сфере услуг. Это было закономерно, так как эти сферы в советский период были запущены, должного внимания им не уделялось. Со временем структура малого предпринимательства в России меняется к лучшему. Увеличивается доля малых предприятий, работающих в производстве и в области научно-технического прогресса. Но происходит этот процесс медленно. Его ускорение во многом зависит не только от поощряющих мер государства, но и от политики крупных компаний. В России, по сути, отсутствует практика, когда крупные компании обрастают малыми компаниями, которым передается ряд функций в сфере не только услуг, но и непосредственно производства. У нас примеров такого рода раз-два и обчелся. Между тем это модель организации производства, хорошо зарекомендовавшая себя в индустриальных зарубежных странах.

Более того, в России крупные компании, особенно оперирующие в нефтедобыче,

перекрывают кислород малому и среднему предпринимательству. Известно, что при необходимости диверсификации производства в России отнюдь не теряет своего значения развитие и совершенствование нефтегазового сектора, который в течение длительного времени сохранится в виде важнейшего источника бюджетных доходов. Для создания условий, способствующих приращению запасов нефти и газа, снижается налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ). Представляется, что не менее важно дополнительно снизить НДПИ для малых и средних предприятий, занимающихся нефтедобычей. Известно, что крупные нефтяные компании сосредоточиваются на высокорентабельных месторождениях и скважинах с высоким дебетом. При этом остается неиспользованным большой резерв малорентабельных месторождений и скважин, а этот резерв приближается к уровню годовой добычи нефти в стране в целом. Мы с беспокойством говорим о снижающейся динамике роста добычи нефти. Некоторые даже предрекают близкую перспективу резкого уменьшения добычи.

Почему в таких условиях по-хозяйски, как это делают, например, в США, не поддержать малый бизнес в добыче нефти. Следует обратить серьезное внимание и на тот факт, что крупные нефтяные компании закрывают малым предпринимателям доступ к трубе.

Малый и средний бизнес должен стать мощной силой для инновационного прорыва нашей экономики. В США и других развитых странах малый бизнес обеспечивает 55 и более процентов инноваций. А что у нас? В России – колоссальный интеллектуальный потенциал. На состоявшемся в 2008 году студенческом чемпионате мира по программированию наши студенты из Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики завоевали звание чемпионов. Они вырвали победу у представителей знаменитого американского Массачусетского технологического института – второго в рейтинге лучших вузов планеты. Из 30 студенческих команд, показавших лучшие результаты, – 11 из России.

Однако по доле предприятий, осуществляющих инновации на практике, Россия прозябает на последнем месте в Европе. А ведь здесь открывается поистине необозримое поле для малого инновационного предпринимательства. В этих целях необходимо радикальным образом скорректировать налоговую политику государства, предоставив значительные, а не символические преференции малому бизнесу.

Резкий скачок цен на продовольствие на мировых рынках и замаячившая угроза глобального продовольственного кризиса должны заострить наше внимание к развитию малых форм хозяйствования в агропромышленном комплексе. Многие из них избавились от хронической нерентабельности. Но ни темпы роста производства в аграрном секторе, ни качество имеющегося здесь бизнеса не соответствуют общественным ожиданиям. В результате предприниматели, занимающиеся переработкой пищевого сырья, все в большей степени зависят от импортных поставок.

Заслуживает особого внимания потребительская кооперация. Через ее развитие можно рыночными способами повлиять на абсурдный в принципе порядок вещей, когда на пути от производителя к потребителю сельскохозяйственная продукция дорожает в 3–4 раза. Производитель из возрастающей цены производимой им продукции не получает ни копейки. Хорошо известно, к примеру, что в городах-миллионниках с согласия местных администраций развернулось тотальное наступление сетевых структур. В российскую Торгово-промышленную палату не иссякает поток жалоб, суть которых можно сформулировать кратко: если где-нибудь появляется сетевой гигант, то в радиусе нескольких километров погибает любая торговая точка, принадлежащая малому бизнесу, реализующему продукцию по более низкой цене.

Своеобразный «флюс», который появился у нас в виде крупных компаний, должен быть ограничен нормальной конкуренцией, в том числе в ценообразовании и в свободном входе на рынки. Нужно преодолеть лоббирование крупных собственников против ужесточения антимонопольного законодательства и ввести механизмы по изъятию значительной части сверхприбыли, возникающей в результате искусственно созданных

монопольных ситуаций на рынках. Разве не поучителен в этом отношении пример США, где в 2007 году конгрессом был принят закон, по которому предусматриваются штрафные санкции до 150 млн долларов для фирм и три года тюремного заключения для их руководства за неоправданное повышение цены на бензозаправках.

Высокие цены на сырье: достижения и просчеты

Острое противостояние произошло и в определенной мере продолжается по вопросам использования для многостороннего развития России средств, полученных за счет высоких мировых цен на экспортируемое сырье. Центром такого противостояния стало само правительство. Впервые в истории СССР и России к середине 2008 года, т. е. к началу финансовых трудностей, вызванных мировым кризисом, золотовалютные запасы страны приблизились к отметке 600 млрд долларов.²⁸ Стабилизационный фонд, в который поступали доходы от высоких цен на экспорт нефти, составил в 2008 году 4 трлн рублей. К этому следует добавить еще и высокий профицит федерального бюджета, который в течение многих лет верстался, исходя из мировых цен на нефть, намного более низких, чем реальные.

Все это создало беспрецедентные возможности для развития экономики и подъема жизненного уровня населения России. Все это несомненно играет положительную роль и на сегодняшнем этапе, характеризующемся отрицательным влиянием мирового финансового кризиса на российскую экономику. Однако этот вывод, как представляется, не должен исключать стремления разобраться, что было сделано правильно, а что ошибочно в деле использования таких огромных финансовых средств в России.

Нужны ли были резервы на случай продолжительного падения цен на нефть? Конечно, нужны. Но даже если мировые цены действительно на продолжительное время опустятся ниже прогнозируемого правительством уровня, то все равно создаваемых «амортизаторов» хватит лишь на небольшой период. Разве не ясно это из позитивного (!) примера, приведенного министром финансов А.Л. Кудриным, который заявил, что, если даже цена нефти упадет до 50–40 долларов, то «бюджетники, программы дорог, лекарств не почувствуют этого» аж «в течение трех лет». Ну а что дальше?

Разве этот пример не свидетельствует о чрезвычайной важности вкладывать значительные средства в диверсификацию экономики? Этот справедливый вывод многих, я бы даже сказал, большинства российских экономистов приобретает, особое значение в связи с мировым финансовым кризисом.

Еще в «докризисный период» среди правительственных финансистов имели хождение идеи о том, что любые вложения средств, накопленных в результате высоких мировых цен на нефть, внутри России противопоказаны, так как раскрутят инфляцию. Такая позиция часто выражалась в вопросе: что приоритетнее – экономический рост или борьба с инфляцией? По мнению некоторых финансистов, инфляция в России порождена ростом денежной массы и потребительского спроса. Однако причины инфляции в нашей стране не монетарные. Инфляцию, которая действительно превратилась в серьезную проблему уже для докризисной России, подстегивали главным образом тарифы естественных монополий и неуправляемое скачкообразное повышение цен, в том числе на продовольственные товары и услуги, что имело место при отсутствии конкуренции. А поиски и применение реальных механизмов против этого явления часто уступали место призывам к санации денежной массы в обращении. Антиинфляционные меры должны осуществляться, но не ценой отказа от экономического развития и подъема уровня жизни в России.

Понятна – это характерно для министерств финансов многих стран – озабоченность российских правительственных финансистов тем, чтобы большие государственные расходы не раскачали экономику. Но разве такое стремление идентично звучавшим утверждениям о

²⁸ В связи с кризисом золотовалютные запасы страны начали сокращаться.

невозможности затратить средства, полученные от экспорта нефти и газа, даже на совершенствование транспортной инфраструктуры, что имеет жизненное для страны значение? Порядка сорока тысяч населенных пунктов России, где живут почти 2 млн человек, круглогодично вообще не связаны с магистральными дорогами. Отставание России в дорожном строительстве бьет по нашей конкурентоспособности. Низкий технический уровень дорог оборачивается увеличением себестоимости перевозок в полтора раза, а расхода горючего – на 30 процентов по отношению к показателям зарубежных стран. Одновременно такое отставание – это снижение подвижности населения, увеличение безработицы, рост смертности.

Резко возросли бюджетные ассигнования на дорожное строительство. Но разве это равносильно «прорывному» решению вопроса с использованием всех возможностей? В том числе за счет средств Фонда благосостояния?²⁹ Или почему не затратить полученные большие средства на покрытие той части бюджетных доходов, которая сокращается при значительном снижении налогов на наукоемкое производство, обрабатывающую промышленность и малый бизнес? Снижение налоговой нагрузки по этим направлениям, несомненно, способствовало бы необходимому изменению структуры российской экономики, привело бы к дополнительному ее росту и в конечном счете увеличило бы поступления в бюджет.

Парадоксальная ситуация складывается и с внутренним потреблением добываемого газа. Имея треть общемировых запасов газа, занимая первое место в мире по его добыче, Россия сама газифицирована лишь на 62 процента (данные на 1 января 2008 года). Кстати приграничные с Россией Финляндия, Польша, страны Балтии газифицированы российским газом на 95 процентов. «Газпром», правда, заявил о долгосрочной программе ускоренной газификации России.

Никто не стремится и не может стремиться к ослаблению фискальной функции налогов – без этого нет бюджета. И во всяком случае, примитивно представлять предпринимателей, ученых, общественных деятелей, ратующих за сокращение налогового бремени или за замену НДС налогом с продаж, чуть ли не как людей, не понимающих значения налогов, и в частности НДС, для обеспечения разносторонних расходов бюджета. Просто в своем большинстве эти лица, очевидно, реально понимают кумулятивный эффект от снижения налогового бремени, видят, что в таком случае бюджет, общество получают больше, чем потеряют от сокращения налогов. Нельзя не отметить также, что от снижения НДС выигрывают в первую очередь промышленные предприятия, производящие продукцию с высоким уровнем добавленной стоимости. Таким образом, такое снижение создает условие для изменения структуры экономики.

Естественно, предприниматели обязаны – и это показатель их органичной принадлежности к российскому обществу – честно, не прибегая ни к каким противозаконным схемам, выплачивать налоги.

Нам часто ставили в пример Норвегию, которая откладывает денежные средства, полученные за счет высоких цен на нефть, на будущие поколения. Представляется, что лучшим, наиболее подходящим примером для нас является не современная Норвегия, несопоставимая с нами по уровню жизни населения, а успешно вышедшие из глубокого кризиса после Второй мировой войны европейские страны и Япония. В Западной Европе, кстати, и не думали замораживать финансовые средства, поступившие по «плану Маршалла». И в Японии, и в Западной Европе опирались на то, что развитие экономики невозможно без роста платежеспособного спроса, иными словами, без роста доходов населения. События показали, что регулируемое государством экономическое развитие стран

²⁹ Раздел Стабилизационного фонда на Резервный фонд и Фонд благосостояния произошел в начале 2008 года по инициативе В.В. Путина. Ему же принадлежали слова о том, что все средства, полученные за счет высоких мировых цен на нефть и не вложенные в Резервный фонд, должны идти на развитие экономики России и подъем уровня жизни российского населения.

Западной Европы и Японии увенчалось превращением их в страны с высоким уровнем жизни населения. В Японии рост производства происходил на основе трех индикативных планов.

По той же стезе идут сегодня Китай и Индия. Главным образом не за счет макрорегулирования, что, несомненно, тоже важно, а увеличения потребительских расходов населения, целенаправленных государственных расходов, высокой инновационной активности.

Влияние мирового экономического кризиса

Разразившийся в 2008 году мировой кризис означает конец неолиберализма, поражение тех, кто, отрицая необходимость государственной регулирующей роли в экономике, уповал на то, что все задачи экономического развития решит сам рынок. Этот в корне неверный постулат лежит в основе причин, которые породили раковую опухоль финансового кризиса в США, распространившую метастазы по всему взаимосвязанному миру. Знаменательно, что в борьбе с кризисом применяются главным образом государственные, а не неолиберальные меры. И начали этот процесс Великобритания и те же Соединенные Штаты.

При всех положительных чертах экономического развития Россия не может сохраниться в виде спокойного островка в мировом бушующем океане. Антикризисные меры российского правительства абсолютно необходимы. Одновременно необходимо переосмысление ряда идей, заложенных в наши отношения с финансовыми центрами в США, других странах. Еще острее сегодня звучит вопрос: правильна ли линия Минфина и Центрального банка на вложение средств бывшего Стабфонда в американские ценные бумаги вместо их использования внутри страны? И правильным ли было фактическое поощрение наших предпринимателей на получение необходимых им кредитов из зарубежных источников?

На момент написания этих строк на 90 млрд долларов были снижены внешние долги Советского Союза и России. Но сокращение государственного долга сопровождалось быстрым увеличением внешнего корпоративного долга, который на начало октября 2008 года составил астрономическую цифру – 488 млрд долларов США. Эти внешние займы, в своей значительной части государственных компаний («Газпром», «Роснефть», Внешторгбанк, Сбербанк), получены под проценты, превышающие проценты от размещения за рубежом средств Стабфонда, а позже Резервного фонда. Общий внешний долг России составил на 1 июля 2008 г. 527 млрд долларов, что вскоре превысило золотовалютные резервы страны. С середины августа до середины ноября они сократились почти на четверть – до 453,5 млрд долларов.

Разве не ясно, что создалась серьезная зависимость экономики от притока заемных средств из-за рубежа и необходимости оплачивать громадный зарубежный долг, а это чревато финансовыми трудностями, особенно в условиях мирового кризиса. Постановкой этого вопроса еще задолго до кризиса на одном из заседаний Совета по конкуренции, созданного при правительстве (вел заседание в то время председатель правительства В.А. Зубков), я вызвал многословную реакцию министра финансов, который развернул дискуссию таким образом, будто речь шла о закрытии возможности для российских предпринимателей получать иностранные кредиты. Конечно нет. Но нужно было при этом уделить большее внимание развитию внутренних источников кредитования, увеличению ликвидности всех звеньев финансовой системы, в том числе при использовании части накопленных государством финансовых средств. Представляется, что такие меры могли быть осуществлены еще до того, как Россия почувствовала дыхание мирового финансового кризиса.

Государство было вынуждено выделить 50 млрд долларов на покрытие только в 2008 году зарубежной задолженности российских компаний. Навряд ли правительство возьмет на себя погашение всего огромного долга, да и средств едва ли хватит. Следовательно,

необходима серьезная работа с *государственными* (подчеркиваю это слово) компаниями, получившими зарубежные кредиты. Они обязаны сосредоточиться на погашении из собственных средств зарубежных долгов в обозначенные сроки. Иначе могут быть серьезные осложнения не только у компаний-должников, но и у России в целом. Для того чтобы избежать этого, компаниям следует резко пересмотреть расходные части своих бюджетов, не уповая на то, что в последний момент необходимые средства предоставит государство. Пишу об этом и думаю: а все-таки очень сильны во властных структурах лоббисты этих компаний.

Мировой финансовый, а точнее, теперь уже мировой экономический кризис может оказать понижающее влияние на темпы роста российской экономики, значительно превысившие в последние годы темпы развития мировой экономики. По темпам прироста ВВП Россия намного превзошла США, Японию, Германию, Францию, Великобританию, Европейский союз в целом. Причем устойчивое увеличение ВВП сопровождалось все большим вписыванием России в мировую экономику. Об этом свидетельствовал тот факт, что прямые иностранные инвестиции увеличивались быстрее, чем инвестиции в основные фонды в целом. Значительно росли и зарубежные активы целого ряда российских компаний. Россия вошла в пятерку стран – экспортеров капитала. Объем накопленных за рубежом прямых инвестиций к началу 2008 года достиг 250 млрд долларов.

Цифры из этого перечня могут измениться в результате негативного влияния внешней среды. Но это, как представляется, не должно подталкивать нас самих к снижению внимания к факторам роста российской экономики, ослаблять интерес к ее инновационному развитию.

Между тем мировая финансовая ситуация привела к тому, что реальный сектор российской экономики чувствует острую нехватку средств для инвестиций, нуждается в рефинансировании своих долгов. Было решено смягчить положение путем передачи в реальный сектор экономики весьма значительных государственных средств через российские банки, сначала крупные, государственные, которым было поручено финансирование более ста коммерческих банков, кредитующих предприятия. Через некоторое время выяснилось, что государственные средства очень многими банками стали конвертироваться в валюту и вывозиться за рубеж. Это произошло потому, что выделение государственных финансов не сопровождалось выработкой жестких правил, обязывающих банки, которым передаются государственные средства, сохранять имеющиеся кредитные линии, а также предоставлять кредиты средним и малым предприятиям по устанавливаемым государством процентным ставкам и срокам.

На практике вместо этого произошла закупорка кредитных линий, повышение процентных ставок, что прямо ведет к сокращению производства. Д.А. Медведев в своем послании Федеральному Собранию говорил о необходимости протолкнуть тромбы. Это можно сделать лишь при жестком государственном диктате в отношении банков, получающих государственные средства. Понятно, что, получив их под весьма низкий процент, банки должны действовать не на сугубо коммерческой основе, а принимать те правила игры, которые им диктует государство. Увещеваниями и предупреждениями тут делу не поможешь, тем более, когда преобладающая часть банков не исходит из того, что в пределах выполнения функций предоставления государственных средств реальной экономике они становятся агентами государства.

Если затронуть проблему шире, то главная суть мирового кризиса для России в том, что внешние источники перестали быть *основными* в финансировании нашей экономики. Следовательно, для ее сохранения на плаву и развития необходимо создание адекватной внутренней системы финансирования российского производителя товаров и услуг.

В новых условиях особое значение приобретают долгосрочные депозиты юридических лиц и населения, свободные средства Пенсионного фонда, часть средств Фонда благосостояния и профицит бюджета. Цели создания внутренней системы финансирования экономики в России несомненно служит и увеличение ликвидности российских банков. Но это правильное направление правительственных антикризисных мер не должно вступать в противоречие с необходимостью уже сейчас, уже в настоящий момент целенаправленно

использовать накачиваемую в российскую банковскую систему ликвидность для смягчения кризисных проявлений в реальной экономике.

Необходима прямая государственная поддержка производителей под конкретные проекты. В Китае, например, выделяемые государством огромные средства (15 % ВВП) непосредственно направляются в реальный сектор: строительство транспортной инфраструктуры, выполнение экономических и социальных программ.

В США выделили еще в феврале 2008 года почти 170 млрд долларов на стимулирование потребительского спроса – главным образом через налоговые скидки на малый и средний бизнес, индивидуальных налогоплательщиков, а также возвращение части подоходного налога. Вначале, согласно плану министра финансов США Г. Полсона, намечалось выкупать безнадежные ипотечные ссуды. Но, по словам Полсона, планы изменились: покупка проблемных активов перестала быть основным направлением – средства антикризисного фонда пойдут на расширение потребительского кредитования.

Характерно, что еще до вступления в должность президента Б. Обама настаивал также на необходимости выделить 50 млрд долларов непосредственно «для спасения автомобилестроителей США».

Особое значение приобретают в России меры стимулирования производства – налоговые льготы и антикоррупционные действия. Не следует, очевидно, опасаться быть неправильно понятыми, если изменятся те решения, которые принимались раньше, до того, как Россия почувствовала дыхание финансового кризиса. Я имею в виду решение об откладывании на будущее сокращение НДС.

Для снижения коррупционного давления на бизнес очень важное значение имеет наращивание усилий в деле защиты прав собственности. Особенно острой в России стала проблема разгула рейдерства, которое, по сути дела, есть не что иное, как криминальный сговор между нечистоплотными бизнесменами и коррумпированными представителями властных инстанций и судебных учреждений.

Государственные антикризисные меры должны быть нацелены на поддержку всего бизнеса – малого, среднего и крупного. Более того, малый и средний бизнес, как известно, отличаются от крупного меньшей способностью сопротивляться кризисным явлениям. Не надо отрицать важность линии на поддержку крупных предпринимателей – банков и нефтегазовых компаний, – особенно в деле покрытия их зарубежных договорных обязательств. Но нельзя объективно способствовать тому, чтобы кризисная ситуация помогла укрепиться монопольному сектору во вред средним и малым компаниям, которые должны стать стеновым хребтом экономики. Неизбежный в целом рост государственного присутствия в экономике в кризисных условиях не должен ударить по конкуренции.

Сконцентрироваться на поиске оптимальных решений, способных вывести страну из надвигающейся тяжелой экономической ситуации, должно помочь осмысление того, что не было сделано или сделано неправильно в прошлом:

- отказ от вливания значительной части накапливаемых средств в реальную экономику;
- вложение накапливаемых средств в американские ценные бумаги вместо их использования внутри России для диверсификации ее экономики;
- отсутствие докризисных мер по увеличению капитализации российских банков, ликвидности всех звеньев финансовой системы, в том числе при использовании части накапливаемых средств;
- фактическое поощрение получения кредитов, необходимых нашим предпринимательским структурам, из зарубежных источников;
- слабое использование налоговой системы для развития экономики на инновационной основе;
- потерянное время, связанное с явно запоздалым признанием промышленной политики, стратегического планирования, создания инвестиционного фонда;
- медленное использование бюджетных средств и осуществление уже принятых программ, в том числе создание особых экономических зон, сети венчурных компаний,

призванных стать механизмом поддержки высокотехнологичного производства и экспорта.

И конечно же необходимым атрибутом кризисного управления является обязательная для всех министерств, ведомств, субъектов хозяйственной деятельности жесткая дисциплина. Вспоминаю, когда в 1998 году один из министров сказал на заседании кабинета, что не сможет выполнить предписанного ему снижения на 50 процентов тарифов на перевозку сельскохозяйственной продукции (страна начала испытывать ее нехватку), то ответ председателя правительства был немногословен: «Не подпишите, завтра на ваше место придет другой, который подпишет». Предостережение незамедлительно подействовало.

Социально ориентированная экономика

И Д.А. Медведев, и В.В. Путин подчеркивают: антикризисные меры не должны осуществляться за счет проводимого курса, направленного на рост благосостояния россиян. Такая позиция чрезвычайно важна, в том числе и для поддержания социально-политической стабильности в России.

С самого начала рыночного реформирования российской экономики либералы-догматики твердили: государство должно заботиться лишь о немощных людях, а остальные самостоятельно решат все свои социальные проблемы. Государственные вложения в человека ими, по сути, отрицались. В последние годы президентства Путина произошел поворот к социально ориентированной экономике. Были выдвинуты четыре национальных проекта – по здравоохранению, образованию, жилищному строительству и развитию сельского хозяйства.

Ориентация государства на подъем уровня жизни населения – это важная характеристика курса, которым пошла Россия. Старт был дан с очень низкой отметки. Общие потери российской экономики за время проведения либеральных реформ 1992–1998 годов превысили более чем в 2 раза потери советской экономики в годы Второй мировой войны.

На восстановительном этапе борьба с бедностью в России ограничивалась небольшими прибавками к пенсиям и зарплатам бюджетников. Однако уже к 2007 году рост реальных доходов населения почти в полтора раза превысил рост ВВП. Произошло снижение уровня безработицы, который все-таки оставался высоким в деревне и в малых населенных пунктах. Пока не преодолено тяжелое материальное положение пенсионеров, получающих в виде пенсий лишь 25 процентов от зарплаты.

Следует обратить внимание и на другую, отягощающую сторону проблемы низкого уровня жизни российского населения. Известно, что в развитых странах бедность локализуется среди безработных, мигрантов, многодетных семей, а у нас в России 35 процентов лиц, находящихся ниже или рядом с чертой прожиточного минимума, составляют семьи работающих с одним или двумя детьми. Основная масса бедных в России – это работающие по найму или пенсионеры. Достаточно сказать, что в сельском хозяйстве зарплату ниже прожиточного минимума получают более двух третей работников. Дешевизна рабочей силы, помимо всего прочего, создает незаинтересованность в технико-технологическом прогрессе.

Социальная ориентация развития России может быть обеспечена, когда национальные программы приобретут постоянный характер, будут год от года набирать вес. Надо признать, что даже при небывало больших для России затратах на социальную область, прежде всего в рамках приоритетных национальных проектов, уровень финансирования социальных расходов у нас вдвое ниже среднемирового и втрое ниже уровня развитых стран.

Постоянный рост социальных расходов из консолидированного бюджета должен положительно сказаться на выходе России из демографического кризиса. Достижения в этом плане имеют место: растет рождаемость и сокращается смертность – это очень важный показатель полезности предпринимаемых мер. Но другим аспектом демографической проблемы является отток населения из азиатской части России. За Уралом на площади в 15 млн кв. км, что в 5 раз больше территории европейской части нашей страны, проживает

всего около 20 млн человек. А там сосредоточено 80 процентов природных богатств России. К концу 2025 года, по прогнозу Росстата, в Сибири останется чуть больше, чем 17,5 млн человек, то есть по сравнению с 1991 годом население сократится почти на 20 процентов. Причем население там проживает крайне неравномерно. Как говорил, выступая на заседании «Меркурий-клуба», представитель президента в этом округе А.В. Квашнин, если ножкой циркуля провести круг радиусом в 300 км вокруг Новосибирска, то окажется, что 12 млн из ныне проживающих в Сибири сосредоточено в этом круге.

Еще более тяжелая демографическая ситуация складывается на Дальнем Востоке, где между двумя последними переписями населения – в 1989 и 2002 годах – число жителей сократилось на 13 процентов и тенденция к сокращению населения не преодолена.

Прекращение оттока и рост населения за Уралом может обеспечить лишь обгоняющее среднероссийский уровень социально-экономическое развитие Дальнего Востока, Восточной Сибири и Забайкалья. По данным социологов, если в России в целом за порогом бедности находится 20–25 процентов населения, то в Сибири – 35–37 процентов.

Не последнее место в создании условий для социально-экономического подъема этих территорий принадлежит политике дозированной и контролируемой иммиграции. Дело в том, что в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах сохраняется устойчивый спрос на иностранную рабочую силу, что требует четкой иммиграционной политики, которая отсутствует. Обо всем этом мы говорили и говорим, а делами похвалиться не можем. Это серьезный недочет, который может обернуться стратегическими для России потерями.

Одним из самых болезненных и, я бы даже сказал, опасных явлений становится уровень неравенства доходов в российском обществе. Если в начале рыночных реформ доходы 10 процентов наиболее обеспеченных граждан России превышали доходы 10 процентов самых малоимущих наших сограждан в 4,5 раза, то к 2008 году разрыв достиг 17 раз. Несмотря на рост средних доходов населения, 10 процентов наиболее благополучных россиян получают почти половину прироста денежных доходов, а на долю 10 процентов самых бедных приходится только 3 процента доходов. Процесс имущественного расслоения продолжается. Такая тенденция вступает в явное противоречие с положением в индустриально развитых странах, где разрыв в доходах самых богатых и самых бедных граждан сокращается.

Следует признать, что не в полной мере оправдала себя так называемая «плоская» шкала подоходного налога. За годы ее применения, как считают многие эксперты, масштабная легализация доходов граждан так и не наступила – доля зарплат «в конвертах» сократилась, но незначительно, и далеко не очевидно, что это произошло именно вследствие снижения налоговой ставки. А темпы прироста личных состояний наиболее богатых россиян многократно превысили темпы прироста уплачиваемых ими налогов.

В нашей стране наряду с введением прогрессивной шкалы налогообложения, скажем до 20 процентов, можно было бы вообще освободить от подоходного налога тех, кто живет ниже официально определяемой черты бедности.

Торгово-промышленная палата давно и неоднократно обращала внимание руководителей финансового блока правительства на то, что социальная функция налоговой системы должна проявляться также и в активном стимулировании государством благотворительной деятельности. Однако из-под налогообложения не выводятся даже те средства, которые направляются благотворителями на целевое финансирование учреждений для детей-сирот, детей-инвалидов и детей, оставшихся без попечения родителей. Эти вопросы нужно решать.

Демократия или диктатура

Такая дилемма перед Россией не стоит. Да и эти два понятия в отношении России интерпретируются специфически. На Западе многие думают, что усиление борьбы за порядок, стабильность в России, сохранение ее территориальной целостности противоречит

движению в сторону демократии. Как будто демократическое состояние общества может быть достигнуто через хаос, межэтнические столкновения, сепаратизм. Много упреков было высказано в адрес России в связи с действиями с целью сохранения территориальной целостности, против поднимавшего голову сепаратизма на Северном Кавказе. Время, однако, показало правильность предпринятых мер. Еще полностью не подавлены разрозненные группы бандитов, но перелом произошел, когда действия федеральных сил против боевиков были усилены самими чеченцами. Некоторые поступки чеченских властей вызывают негативную реакцию в общественном мнении, но главное в том, что обстановка в Чечне стабилизирована.

Ряд западных руководителей считают, что наша страна может считаться демократической, если в ней устанавливается американская или, при всех ее различиях с американской, западноевропейская модель демократии. У нас в стране в понятном и справедливом противодействии такому представлению распространилась идея «суверенной демократии». Однако такая идея, на мой взгляд, имеет ряд изъянов.

Россия идет к общечеловеческим ценностям, таким, как демократия, своими путями с учетом традиций, истории, многонационального характера государства, географического положения. Она, впрочем, как и многие другие страны, не примет безосновательных и абстрактных зарубежных поучений и тем более навязывания тех или иных моделей построения общества, форм управления. Однако необходимо, чтобы все это, укладываемое в понятие суверенитета государства, а не суверенной демократии, не использовалось теми, кто пытается и внутри страны, и вне ее отделить Россию от происходящих объективных процессов – глобализации, транснационализации экономической деятельности, сближения различных цивилизаций.

Мы не можем проходить мимо такого болезненного явления, как активизация националистов, движимых ксенофобией. Одной из главных черт гражданина России должен быть патриотизм. Это любовь и к своей Родине, и к своему народу. Националистов же характеризует стремление смотреть на других свысока, подчеркивая превосходство своего народа над другими. Некоторые рассматривают противостоящий этому интернационализм как коммунистическую дефиницию, которой на смену в условиях рыночного развития России якобы должен прийти национализм. Такая трактовка абсолютно неправильна и вредна.

Далека от российской действительности и ее характеристика как диктатуры. Нельзя подменять этим понятием укрепление государства и его функций, особенно в период перехода к цивилизованным рыночным отношениям. Как говорил Ф.Д. Рузвельт, «...сильное, деятельное государство никогда не вырождается в диктатуру. Диктатура всегда приходит на смену слабой и беспомощной власти».

Сильное государство нужно России не только для того, чтобы создать необходимые условия для продвижения стратегического курса, которым пошла страна, но и для того, чтобы обезопасить его от попыток повернуть вспять. Сегодня, как уже говорилось, тенденция перехода власти в руки олигархов подавлена. Но это не означает, что псевдолибералы отказались от стремления вернуть страну ко времени их правления в 90-е годы.

Это не снимает вопроса о необходимости видеть и другую опасность – стремление части госаппарата обеспечить свою деятельность не демократическими средствами, а созданием командно-рыночной системы. Такие госслужащие, как правило, сращиваются с бизнесом, лоббируют интересы его различных групп. Эта часть госаппарата является рассадником коррупции, которая в России превращается в эпидемию. По словам начальника Управления контроля за размещением госзаказа ФАС, размер «отката», то есть взятки при государственных закупках, подчас достигает 50 процентов от стоимости заказа. И это далеко не единственное проявление коррупции, которая разъедает общество.

Потенциальная опасность для курса, направленного на развитие демократии в России, – призрак однопартийности. Если восторжествует линия на то, что Госдума не является

местом для дискуссий, о чем говорилось вслух, то это будет означать начало деградации всей российской общественно-политической системы.

Такая опасность осознается. Поэтому звучат предложения создать в России двухпартийный стержень. На роль второй ведущей партии может претендовать левоцентристская «Справедливая Россия». Но осуществление этого проекта, авторство которого приписывается Кремлю, сопряжено с большими трудностями. Когда создавалась «Единая Россия», то в максимальной степени был задействован административный потенциал. Многие руководители регионов, муниципалитетов посчитали себя обязанными стать членами этой партии. Могут ли они теперь занять хотя бы нейтральную позицию, а не то чтобы оказывать поддержку «Справедливой России» во время выборов в Государственную Думу? Да еще в условиях, когда лидером «Единой России» стал В.В. Путин.

Левый центризм для России, как представляется, является преимущественным – и по традициям, от которых нельзя абстрагироваться, и в связи с социально ориентированным экономическим развитием. Укрепление партийного левоцентризма могло бы произойти в случае, если Коммунистическая партия России, за которую выступают почти 20 процентов избирателей, могла бы, как это происходит с мировым коммунистическим движением, при редких исключениях, взять крен в сторону социал-демократии. Однако пока это не происходит.

Демократизация в нашей стране неотделима от совершенствования вертикали власти и государственного федерального устройства. Необходимость политической централизации в такой огромной стране, как Россия, очевидна. На сегодняшний день, можно считать, укреплено звено, связывающее Центр с регионами, – думаю, что рано отходить от назначаемости глав субъектов Федерации. Много нерешенных вопросов на отрезке вертикали власти между субъектами Федерации и муниципалитетами: сделано далеко не все для определения прав и обязанностей тех и других, распределения полномочий.

Но политическая централизация – это одна сторона медали. Другая заключается в необходимости передавать больше экономических прав от Центра регионам и соответственно от регионов муниципалитетам. На практике это начинается.

В результате перераспределения функций в правительстве Министерство регионального развития должно определять распределение средств Инвестфонда, становиться заказчиком федеральных целевых программ.

Одной финансовой составляющей дело не ограничивается. Да и она не исчерпывается простым увеличением поступающих из центра в регионы финансовых средств. Очевидна необходимость разработки всей системы бюджетного федерализма, с тем чтобы решить целый ряд задач: оптимизировать налоговое распределение средств между Центром и регионами, регионами и муниципалитетами, стимулировать субъекты Федерации и муниципалитеты на использование своих возможностей для экономического развития. Особое значение может иметь активизация хозяйственной деятельности экономически мощных регионов в других регионах. Проблемы депрессивных субъектов Российской Федерации могут быть решены и за счет внутристрановой миграции капиталов, создания смешанных межрегиональных компаний. Примером является перемещение ряда московских предприятий в Смоленскую область.

В федеральном строительстве многое будет зависеть от четкого продолжения уже начавшейся практики укрупнения регионов. Современное российское федеральное государство базируется на том административно-территориальном делении, которое было в советский период. Но тогда высшими целями было решение политических задач. Пересмотр административного устройства России призван служить также решению задач экономических и социальных.

Однако укрупнение субъектов Федерации часто упирается в сложную, но чрезвычайно важную для государства с федеративным устройством проблему межнациональных отношений. Российский феномен заключается в том, что ряд административных образований

потерял свой национальный характер по составу населения – так называемая титульная нация составляет сравнительно небольшой процент. Наряду с этим некоторые автономные республики Северного Кавказа созданы на двухнациональной основе, и не последнее место в них занимают межэтнические трения, противоречия, усугубляемые «клановыми» назначениями. При социально-экономической целесообразности объединения таких субъектов Федерации с соседними, более крупными, естественно, следует сохранять культурную автономию для утрачивающей административный статус титульной нации или наций. Конечно, этот процесс не должен затронуть те крупные национальные автономии, где коренное население составляет значительный процент. Объективная необходимость укрупнения российских регионов, очевидно, приведет в будущем также к объединению малых областей с преимущественно русским населением – это тоже диктуется социально-экономическими требованиями.

Для такого многонационального и многоконфессионального государства, как Россия, особенно важна выверенная национальная политика. Ее значение возрастает также в связи с иммиграцией – временной и постоянной – в нашу страну миллионов жителей других бывших республик Советского Союза. Причем состав иммигрантов все больше меняется в пользу нерусских. Шовинизм и национализм обычно подпитывают друг друга. Общество раскачивается, а не сплачивается на основе любой идеи, не носящей интернационального, общероссийского характера.

Серьезную проблему создает ныне существующий состав Совета Федерации. Отход от первоначальной избираемости его членов населением тех субъектов Федерации, интересы которых они призваны защищать, по существу, привел к тому, что этот важнейший орган подчас пополнялся людьми, далекими от этой своей функции. Среди них оказались даже люди с криминальным прошлым или настоящим. Положение предполагается изменить, ибо без этого невозможно совершенствование федерального устройства России.

Вдохновляет тот факт, что Медведев сразу же сделал акцент в своей работе на борьбе с коррупцией. Учитывая ее масштабы в России, такая борьба должна выходить за рамки временной кампании. И конечно, ее успех будет зависеть от того, захотят ли выводить из-под удара коррупционеров, занимающих высокие посты. В обществе именно это служит критерием серьезности долгожданного претворения в жизнь антикоррупционных намерений руководства. Многие в этом плане зависят от подлинной независимости Генеральной прокуратуры и судебного аппарата, незаангажированности других правоохранительных органов.

Глава VI

Энергетическое поле: сотрудничество или конфронтация

В начале ноября 2007 года в интервью газете «Даллас морнинг ньюс» в Техасе государственный секретарь США Кондолиза Райс заявила, что главный вызов России внешнему миру – это ее энергетическая политика.³⁰ В такой констатации она не была оригинальна. Нечто подобное говорили и Збигнев Бжезинский, и Джордж Сорос – я их выбрал из числа аналогично настроенных политиков, журналистов и бизнесменов, так как именно эти два часто цитируемых деятеля – известный политик и легендарный финансист – претендуют в своих оценках на истину в последней инстанции. В виде жертвы обычно называют Европу, которую Россия хочет взять в «энергетические клещи», или страны СНГ, которые Россия стремится приручить, манипулируя «энергетическим краном».

Европейский союз, конечно, нуждается в поставках российских нефти и газа, которые уже в настоящее время покрывают весьма значительную часть его потребностей.

³⁰ The Dallas Morning News. 2007.09.11.

Необходимость импорта газа и нефти из России будет несомненно возрастать. По прогнозам Международного энергетического агентства (МЭА), к 2030 году потребление энергоресурсов в странах ЕС будет ежегодно увеличиваться на 7 процентов при росте совокупного ВВП на 1,9 процента в год. Особенно большим прогнозируется рост потребления газа в ЕС – с 2000 по 2030 год почти в 2 раза, что потребует возрастания его импорта за этот период почти в 4 раза. Испытывает необходимость в получении российских нефти и газа также ряд стран СНГ – Украина, Белоруссия, Молдавия, Армения и вышедшая из СНГ Грузия. Действительно ли Россия делает ставку на то, чтобы использовать свое энергетическое превосходство как имперское оружие?

Принципы энергетической политики России

Россия сказочно богатая страна первичными энергоресурсами, а по добыче нефти и газа вошла в группу мировых лидеров. Имеет место ряд специфических обстоятельств, которые непосредственно влияют на ее энергетическую политику. Они не всегда и не в полной мере учитываются нашими западными оппонентами.

Первое. Несмотря на возрастающий внутренний спрос на энергоресурсы, страна жизненно заинтересована в расширении экспорта нефти и газа. Он обеспечивает более 50 процентов доходной части федерального бюджета, более 70 процентов стоимости всего экспорта и валютной выручки, 100 процентов Резервного фонда и Фонда благосостояния. Такое или близкое к нему положение сохранится на длительную перспективу даже при серьезном продвижении процесса диверсификации российской экономики.

Таким образом, если Европа испытывает и будет испытывать в будущем потребность забрать как можно больше газа и нефти, экспортируемых Россией, то и сама Россия испытывает и будет испытывать не меньшую потребность в беспрепятственной реализации возрастающего экспорта своих энергоресурсов.

Второе. В настоящее время основная добыча нефти и газа осуществляется с месторождений, открытых еще в советскую эпоху в Западной Сибири. Их запасы истощаются. Столь необходимый стране рост добычи станет возможным лишь при освоении новых месторождений в труднодоступных местах Восточной Сибири, на шельфе северных морей, на Каспии. Для этого необходимы огромные средства, призванные обеспечить разведку, обустройство, защиту окружающей среды, дорожную инфраструктуру, дорогостоящую новую технику, особенно для добычи на шельфе. Получение таких средств, в свою очередь, возможно при бесперебойных поставках российских энергоресурсов на внешние рынки.

На государственном уровне предпринимается целая система мер, стимулирующих нефтяной и газовый бизнес развернуться к новым источникам. С целью активизировать геологическую разведку сокращается налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ). Вводятся нулевая ставка НДПИ для месторождений с труднодоступными запасами и налоговые каникулы на добычу на шельфе. Освоение новых месторождений нефти и газа наряду с продолжением курса на то, чтобы снять Россию с сырьевой иглы, становится жизненно необходимым.

Конечно, рост добычи нефти и газа усиливает внешнеполитические позиции России. Никто с этим не спорит. Но главные побудительные мотивы наращивания потенциала энергоносителей для их внутреннего потребления и экспорта лежат в плоскости интересов экономического развития нашей страны.

Третье. Географическое расположение основных месторождений, с которых ныне добывается нефть и газ в Западной Сибири, делает наиболее выгодным рынком для их российского экспорта Европу. Выбор европейского рынка порожден чисто экономическими причинами. После вступления в строй месторождений Восточной Сибири, на шельфе Арктики и новых трубопроводов, строительство которых уже происходит, появится и будет использована реальная возможность диверсификации рынков сбыта российских нефти и газа

– Китай, Япония, Корея, Соединенные Штаты.

Между тем значение Европы как потребителя основной части нефтегазового экспорта России сохранится на десятилетия. Вот почему в интересах и России, и ее европейских партнеров заключение долгосрочных контрактов на поставки российских нефти и газа. Надежность российских поставок подтверждается историей – они не прерывались даже во время холодной войны. Сегодня эта надежность опирается на уже существующие и дополнительно создаваемые трубопроводы, которые связывают российских производителей с европейскими потребителями.

Следует принимать во внимание и благоприятные перспективы увеличения добычи энергоносителей с месторождений в Западной Сибири. В настоящее время коэффициент извлекаемости нефти там равен 30, следовательно, 70 процентов остается в недрах. Это значительно больше, чем у основных зарубежных производителей, а также в сравнении с практикой советского периода. Серьезные резервы увеличения добычи существуют и по газу – наряду с ростом использования попутного газа при нефтедобыче, на что сейчас обращается особое внимание, предстоит ввод в строй Штокмановского месторождения, обладающего огромными запасами.

Четвертое. В реализации нефти и газа за рубежом Россия жестко переходит на рыночные рельсы. Она полностью отказывается от занижения цен на нефть и газ, поставляемые в ряд стран СНГ только по причине их формального нахождения в Содружестве. Переход на рыночные цены будет завершен для всех стран СНГ в 2011 году. Ценовая дифференциация имеет место только на переходный период – она связана главным образом с выполнением страной – членом СНГ обязательств по транспортировке нефти и газа по своей территории и наличием согласованного плана перехода на рыночные цены.

Когда Россия искусственно занижала цены на поставки нефти и газа в нуждающиеся в них страны СНГ, ее никто не обвинял в семи смертных грехах. Но когда, убедившись, что субсидирование экономик этих стран за счет своего благополучия оказывается неудачным как средство развития и укрепления Содружества Независимых Государств, Россия перешла на общемировую практику рыночных цен, ее стали обвинять в давлении на страны – потребители нефти и газа. Где здесь логика? И как, интересно, поступят «обвинители», если так произойдет, что будут снижены рыночные цены на нефть и газ, поставляемые тем странам СНГ, которые решительно пойдут по пути создания единого с Россией экономического пространства? Станет ли это опять поводом для обвинений в адрес нашей страны?

Как тут не вспомнить, что на переговорах о вступлении России во Всемирную торговую организацию (ВТО) требовали, чтобы она подняла внутренние цены на нефть и газ до уровня мировых. А теперь Россию подвергают острой критике за то, что она поднимает цены до уровня мировых и переходит на общепринятую коммерческую практику в отношении всех потребителей своих первичных энергоресурсов. При этом Россия еще дает время импортерам подготовиться к переходу на мировые цены и к тому же взяла курс на постепенное выравнивание внутренних и экспортных цен. Неужели непонятно, что подоплека нелогичной, несуразной критики России лежит в политической области?

Пятое. Разведку, добычу и транспортировку нефти и газа Россия осуществляет не изолированно. Она привлекает к этому иностранных участников. Разве не свидетельствует об этом, например, приглашение французскому концерну Total и норвежскому Statoil-Hydro совместно с «Газпромом» участвовать в консорциуме по освоению богатейшего в мире Штокмановского газового месторождения? Или участие немецких компаний в строительстве газопровода по дну Балтийского моря и одновременно в добыче газа в Западной Сибири? Или тот факт, что американская Exxon Mobil (30 %) совместно с индийской ONGC (20 %), «Роснефтью» (20 %) и японской SODECO (30 %) вывели на проектную мощность добычу нефти на «Сахалине-1», а американская Conoco Phillips расширяет сотрудничество с компанией «Лукойл»?

Готовность сотрудничать с иностранными корпорациями – и государственными, и

частными – стратегическая линия России, которая заинтересована в получении передовых технологий, опыта, инвестиций. Без всего этого было бы гораздо труднее разрабатывать новые месторождения. Но такое сотрудничество должно быть равноправным и взаимовыгодным, что проявляется, в частности, в желании России получить соответствующую долю в сфере распределения и транспортировки своих нефти и газа.

Шестое. Государство усилило свое участие в нефтегазовом комплексе. Оно не только создает условия, благоприятствующие деятельности частных компаний в этой области, но и имеет основные позиции в добыче и транспортировке нефти и газа. Во многом это диктуется необходимостью обеспечить обоснованные потребности внутреннего рынка и энергетическую безопасность России.

Что вкладывается в понятие энергетической безопасности? Прежде всего, не односторонняя гарантия поставок, как трактуют энергетическую безопасность многие западные представители, что проявилось, например, при подготовке документов Санкт-Петербургского саммита «восьмерки» в 2006 году. Безопасность должна обеспечиваться «тройственной» гарантией: поставок со стороны стран-производителей; транспортировки со стороны стран, по территории которой она осуществляется; спроса со стороны стран-потребителей. Все они должны делить ответственность и риски за бесперебойное функционирование глобальной энергетики.

Переломный 2006 год

В этот год произошли два события, оказавшие серьезное влияние на отношения России с зарубежными партнерами в энергетической области и вызвавшие наибольшую волну наскоков на ее политику. Первое из них – кульминация, которой достиг конфликт с Украиной, по территории которой проложен трубопровод для экспорта российского газа в Центральную Европу. Второе – кризис в отношениях с иностранным оператором проекта «Сахалин-2».

В результате «оранжевой революции» в Киеве действительно пришли к власти люди, далеко не во всем импонировавшие Москве – и по своим заявлениям, и по начавшейся антирусской политике. Новая обстановка наложила отпечаток на российско-украинские отношения в энергетической сфере. Украина ответила отказом на предложения «Газпрома» в отсутствие соглашения по цене сесть за стол переговоров. В свою очередь «Газпром» сначала предупредил, а затем прекратил поставки газа, предназначенные для Украины, что не должно было, по мнению Москвы, повлиять на поставки по соглашениям с европейскими странами. Однако украинский «Нафтогаз» решил наступить на «больную мозоль» Москвы и начал отбирать себе из газа, предназначенного европейским потребителям. Возобновление через три дня поставок газа на Украину в полном объеме произошло сразу после того, как украинская сторона согласилась на переговоры и прекратила отбор газа по проложенному по ее территории трубопроводу.

Сокращение поставок российского газа на Украину имело место еще раз в марте 2008 года, когда украинская сторона отказалась документально оформить свою задолженность по импорту газа, достигшую 1,5 млрд долларов. Положение выправилось, как только Киев дал согласие на такое оформление.

Но практика несанкционированного отбора газа была продолжена. Как писала газета «Коммерсантъ-Украина», правительство Украины официально подтвердило, что отобрало 1,3 млрд кубометров газа, который должен был быть поставлен из России в Европу в 2008 году, и обещало вернуть его трейдеру RosUkrEnergo.

Подобные эпизоды, к сожалению, происходили, так как некоторые страны СНГ, получавшие прежде нефть и газ по заниженным ценам, протестовали против перехода на рыночные расчеты. В конце концов, ситуация, можно считать, улаживается еще и потому, что Россия, как уже говорилось, растянула на несколько лет переходный период к рыночным ценам. Однако эти события были широко использованы для того, чтобы обвинить Россию в

злонамеренной возможности «перекрывать кран», что, дескать, делает ее крайне опасным партнером в энергетической области и требует поиска альтернативного источника снабжения нефтью и газом Европы.

Что касается кризиса в отношениях с компанией Sakhalin Energy, созданного англо-голландской Royal Dutch Shell и японскими Mitsui и Mitsubishi, то смысл его заключался в нежелании окрепшей, вставшей на ноги России мириться с грабительской практикой иностранного партнера. В середине 1994 года Россия подписала с этими компаниями Соглашение о разделе продукции (СРП) для разработки богатейшего нефтью месторождения на Сахалине. Для инвесторов был создан сверхльготный налоговый режим. По соглашению иностранный оператор обязан был в установленный срок и в пределах установленной сметы обустроить месторождение и довести добычу до уровня, покрывающего его расходы. С этого момента добытая нефть по СРП делится 50 на 50 процентов между российским правительством, администрацией Сахалинской области, с одной стороны, и компанией Sakhalin Energy – с другой. Такое соглашение было подписано Россией, когда она не имела собственных финансовых возможностей. Но иностранный партнер, очевидно, решил, что Россия будет терпеливо переносить те манипуляции, которые он осуществлял в контексте соглашения. Оператор отодвинул срок раздела нефти, нанес большой экологический урон своей деятельностью, не посчитался с условием соглашения о том, что 70 процентов поставок товаров и услуг должны осуществляться российскими компаниями. Чаша терпения переполнилась, когда иностранный оператор заявил, что почти в 2 раза увеличивает ранее обусловленную смету расходов.

Назревал нешуточный скандал. В события оказался втянут и Совет Федерации Федерального Собрания РФ, который создал рабочую группу по оценке ситуации. На Западе, как это обычно бывает, появились статьи с предположениями, что Россия прибегнет к силе: отберет лицензию у иностранной фирмы, дело дойдет до экспроприации иностранной собственности, до громких уголовных дел. Одновременно Россию обвиняли в одностороннем – опять ненадежность! – выходе из соглашения. Тех, кто поднял шумиху, ждало разочарование. Оператору проекта «Сахалин-2» трудно было опровергнуть факты, и он, согласившись на изменение условий, уступил за справедливую цену (к такому выводу пришли аналитики Deutsche UFG и другие солидные иностранные оценщики) в 7,45 млрд долларов 51 процент акций «Газпрому». Royal Dutch Shell сохраняет 27,5 процента акций, а остальные 22,5 процента принадлежат японским компаниям. Проект продолжает работать.

Если стороной конфликта в отношении проекта «Сахалин-2» было Российское государство, то от этого принципиально отличается спор, возникший между акционерами ТНК-ВР, созданной в начале 2003 года британо-американской British Petroleum и Тюменской нефтяной компанией. Они разделили акции совместной компании 50 на 50. Суть спора между частными акционерами в том, что В. Вексельберг, М. Фридман, Г. Хан и Л. Блаватник – российские совладельцы компании – настаивали на развитии бизнеса ТНК-ВР за рубежом, а британцы, напротив, хотели сконцентрироваться только на добыче российских энергоресурсов. Российских совладельцев не устраивало также, что операционный контроль за деятельностью совместной компании – у британцев. По сути, это корпоративный конфликт. Российскому государству он невыгоден, хотя это не делает его безразличным к происходящим событиям.

Тем не менее на Западе готовы были представить этот конфликт как часть общей политики России по ограничению иностранных инвестиций в разведку и добычу полезных ископаемых. При этом, как правило, не называют суть этих ограничений, в чем конкретно они проявляются. Действительно, Россия ввела обязательное согласование с правительственной комиссией сделок, в результате которых иностранные компании приобретают более 50 процентов голосующих акций предприятий, осуществляющих геологическое изучение недр, разведку и добычу полезных ископаемых на участках федерального значения. Любому непредубежденному человеку ясно, что вводится ограничение на приобретение более половины голосующих акций и лишь на

месторождениях федерального значения. Разве это выходит за рамки международной практики? Почему не вызывает в таком случае критику, например, заявление главы представительства Еврокомиссии в Москве Марка Франко: «Евросоюз не возражает против инвестиций крупных компаний в газораспределительные сети ЕС и в энергетический сектор в целом, однако будет настаивать на том, чтобы контрольный пакет акций находился в руках европейских государств»? От такого требования, по словам Франко, «...напрямую зависит европейская энергетическая безопасность». А разве нам не пристало заботиться о своей энергетической безопасности?

Истинная цена обвинений

Об отсутствии намерений России использовать в политических целях поставки своих энергоресурсов в Центральную Европу свидетельствует, может быть, больше, чем что-либо другое, курс на диверсификацию маршрутов доставки первичных энергоресурсов в европейском направлении. Хорошим примером является проект «Северный поток» (прежнее название Североевропейский газопровод). Он предусматривает транспортировку российского газа по дну Балтийского моря непосредственно в Германию. Строительство этого газопровода протяженностью в 1200 км начато. Партнерами «Газпрома» (51 %) в проекте выступают немецкие концерны BASF и E.ON и присоединившаяся к ним голландская корпорация Gasunie. В результате ее участия «Газпром» получает девятипроцентную долю в интерконнекторе, соединяющем континент с Великобританией.

Проект «Северный поток» содержит несколько выигрышных моментов и для российских производителей, и для европейских потребителей. Надежность поставок будет зависеть от одного «Газпрома», который их гарантирует. Не следует забывать, что до ввода в строй «Северного потока» 80 процентов транзитных объемов газа из России в Европу проходит через Украину. Создается реальная основа для увеличения поставок российского газа, в чем особенно заинтересованы концерны Германии, Франции, Бельгии. Новая труба позволит подключить к российскому газу несколько новых стран – Великобританию, Нидерланды и Данию. Наконец, те страны, по территориям которых проходят ныне действующие трубопроводы, лишаются возможности шантажировать Россию, несанкционированно отбирать в свою пользу газ, спекулируя на заинтересованности «Газпрома» быть надежным поставщиком газа в Европу.

Против этого проекта, по понятным соображениям, выступили Украина, Польша, страны Балтии, которые, помимо всего прочего, опасаются потерять возможность зарабатывать на увеличении транзита российского газа. Но что при этом стоит за крайне негативной позицией Соединенных Штатов? Об этом несколько позже.

Бессмысленно высказывать недоверие России в том, что с помощью увеличения поставок нефти и газа в Европу она стремится монополизировать рынок, чтобы повышать на нем цены. «Газпром», впрочем, как и наиболее дальновидные его европейские партнеры, предпочитает долговременные соглашения, содержащие формулу корреляции цен на российский газ с динамикой мировых цен на нефть. Россия в таких условиях не диктует, да и не может диктовать цены.

Высшие чиновники ЕС не без поддержки из Вашингтона считают одним из самых болезненных вопросов взаимоотношений с Россией ее отказ ратифицировать Договор об энергетической хартии – документ, который, по мнению руководства ЕС, устанавливает правила сотрудничества в области энергетики. В хартии провозглашается ряд важных принципов: поощрение иностранных инвестиций в энергетику, свободная торговля энергоматериалами, свобода транзита по трубопроводам и сетям, сокращение негативного экологического воздействия. Это, естественно, не вызывает никаких возражений. Но в хартии, подписанной Россией в 1994 году, содержатся положения, которые могут быть интерпретированы как приходящие в противоречие с национальным суверенитетом страны. Самое главное, что эти положения не только подтверждены, но ужесточены в Транзитном

протоколе, который был присоединен к Энергетической хартии в 2003 году.

В существующей редакции Россия не могла передать Энергетическую хартию на ратификацию в Государственную Думу. Немецкий политолог, эксперт по России Александр Рар писал: «В то время как потребители на Западе беспокоятся по поводу надежных энергетических поставок, Россия считает немаловажным вопрос надежного заработка на энергетическом экспорте. Зеленая книга комиссии ЕС, которая требует дополнительных гарантий от государств-экспортеров в ходе либерализации энергетического рынка ЕС, но не дает такому экспортеру, как Россия, никаких гарантий его сбыта в ЕС, не слишком способствует устранению разногласий».³¹

Кстати, Норвегия тоже подписала, но не ратифицировала Энергетическую хартию и отказывается применять ее на практике.

И все-таки не все безупречно в делах и «Газпрома». Хотя он и является собственностью Российского государства, но функционирует как один из крупнейших в мире концернов и неминуемо воспринимает некоторые черты, присущие его зарубежным партнерам. Подчас проявляется монопольное положение компании. Например, непонятно звучит в устах отдельных газпромовских руководителей противопоставление двух вариантов для европейских потребителей газа: диверсификация источников либо увеличение поставок «Газпромом». Стремление увеличить поставки в Европу ни в коей мере не должно противопоставляться законному желанию Европейского союза использовать и другие источники снабжения газом. Такое противопоставление может дать повод для неправильной интерпретации действий «Газпрома» по закупке газа у ряда его производителей за пределами России по мировым ценам. На самом деле «Газпром», очевидно, озабочен главным образом тем, чтобы создать дополнительную гарантию заполнения трубы, по которой экспортируется газ, в условиях ожидаемого роста потребления внутри России. Немалое значение при этом имеет стремление контрдействовать, когда предпринимаются очевидные меры, направленные на подрыв европейских позиций «Газпрома».

Неправильной интерпретации действий «Газпрома» способствуют и такие залихватские и к тому же неосуществимые предложения, разрекламированные прессой, как скупить по мировым ценам «на корню» всю нефть, газ и сжиженный природный газ, экспортируемые Ливией, у которой существуют многолетние связи со странами-потребителями. С этим контрастируют выверенные и взвешенные предложения В.В. Путина ряду стран СНГ продавать России по мировым ценам энергоресурсы для их транспортировки по уже работающим и запланированным трубопроводам.

Известно, что Туркмения, Казахстан и Узбекистан согласились с 1 января 2009 года продавать газ «Газпрому» по мировым ценам.

Когда особенно выпирает корпоративный интерес «Газпрома», вмешивается руководство страны. Так, например, президент Медведев потребовал у «Газпрома» и «Роснефти» неуклонного выполнения своего еще в бытность первым заместителем председателя правительства указания о снабжении газом регионов российского Дальнего Востока. Для исполнения этого указания необходимы модернизация газотранспортной системы, строительство нового газопровода и договоренность с участниками проекта «Сахалин-1». Как писала газета «РБК daily», «...ранее «Газпром» хотел забрать весь газ с проекта. Причем он хотел его не для обеспечения российских потребителей, а чтобы ликвидировать альтернативу для получения российского газа Китаем».³² Пришлось и председателю правительства Путину потребовать от «Газпрома» обеспечить допуск к своей трубопроводной сети в России желающим ее использовать производителям газа. Речь идет о российских производителях, не связанных с «Газпромом», которые в настоящее время

³¹ Рар А. Россия жмет на газ. М., 2008. С. 24.

³² РБК daily. 2008.21.07.

добывают 14–16 процентов от общего объема добычи, а могли бы добывать в 2 раза больше, если бы не было ограничений доступа к трубе.

Концентрация в руках государства энергетических гигантов – «Газпрома» и «Роснефти» в настоящее время представляется оптимальным вариантом. Это должно служить единой энергетической политике России, для чего необходимо их тесное взаимодействие. На практике оно не всегда получается, и, как мне представляется, причиной является, как правило, защита компаниями своих корпоративных интересов.

Так или иначе, но энергетическую политику России вырабатывают, конечно, не компании, какими бы они ни были большими и сильными, а правительство – это бесспорно.

Трубопроводное противоборство

Хотя основные причины российского энергетического интереса к Европе лежат в экономической плоскости, было бы неправильно отрицать политические мотивы в энергетическом курсе России. Но каковы они – вот в чем вопрос.

Опять небольшой экскурс в прошлое. Россия при всем своем своеобразии, характерных, присущих ей одной чертах, исторически формировалась как европейская страна. И дело было не только в ее географической расположенности. Призыв варягов в Древнерусское государство, окно в Европу, открытое при Петре I, тесные связи российских династий с европейскими, русской интеллигенции с Европой, общехристианская цивилизация – все это реальная история. Противоречия между славянофилами и представителями проевропейского направления заключались не в том, что первые отрицали связи России с Европой, а в том, что вторые отрицали своеобразие России, открывавшее для нее самостоятельный путь в будущее.

После Второй мировой войны Восточная Европа контролировалась Советским Союзом, а западная часть Европейского континента приняла проамериканскую ориентацию, практически контролировалась Соединенными Штатами. Наиболее прозорливые политики, несмотря на это, ратовали за единую Европу от Урала до Атлантики. Таким был де Голль, и не он один. После окончания холодной войны, казалось бы, лозунг единой Европы обрел более прочную основу. Однако превалирующая часть Западной Европы оставалась в НАТО и была интегрирована в Европейский союз. Во время холодной войны Советский Союз, по сути, был настроен одновременно против этих двух организаций. Но СССР постепенно отошел от первоначальной примитивной оценки интеграционного процесса в Западной Европе, когда предрекалась его недолговечность в результате «отсутствия объективных условий». Постепенно вырисовывалось стремление СССР в последние годы его существования, и особенно России, построить мосты к Европейскому союзу. Не в решающей степени, но все-таки этому способствовали проблемы Калининграда, который превратился в эксклав в результате распада СССР, а после приема в ЕС Польши и стран Балтии оказался «российским островком» в Европейском союзе.

Изменение позиции в отношении ЕС сказалось и на отсутствии российского негативизма при расширении союза, несмотря на то что Россия не была к этому подготовлена, и при вхождении в Европейский союз Финляндии сначала значительно потеряла в экономическом плане. Но был учтен «финский опыт», и временные экономические потери не превратились в постоянные в связях с той же Финляндией и другими странами, за счет которых расширился Европейский союз. Более того, в результате расширения ЕС для России появились новые перспективные возможности. Отсюда – прямая заинтересованность России в сотрудничестве не только с европейскими странами на двусторонней основе, но и с такой реальностью сегодняшнего мира, как их интеграционное объединение.

Я даже не исключаю, что Россия не прочь сама войти в ЕС, но это неосуществимо. Организаторы этого союза опасаются, что она своими масштабами если не раздавит ЕС, то в нем может создаться «двоецентрие». Что касается НАТО, то создаваемая ею ситуация в

прямом смысле слова препятствует сближению России с остальной частью Европы. Все это не способствует претворению лозунга единой Европы в жизнь.

В таких условиях механизмом для сближения с Европейским союзом – Москва не намерена отказываться от одного из своих главных внешнеполитических приоритетов – может стать выработка новой модели европейской безопасности и развитие энергетической взаимозависимости. В этом и заключается политическая составляющая энергетической линии России на европейском направлении. Хочу подчеркнуть: речь идет не о том, чтобы сделать ЕС зависимым от поставок российских нефти и газа, привязать его к России, а совместными усилиями создать всем участникам единое энергетическое поле, что будет способствовать продвижению к единой Европе.

А как ко всему этому относятся Соединенные Штаты?

На поверхности лежит их стремление поддержать строительство целой системы трубопроводов для снабжения Центральной Европы нефтью и газом из Каспийского бассейна и Центральной Азии в обход России. Правда, прогнозы, обещающие грандиозные ресурсы нефти и газа в каспийском регионе, явно съезжились, но тем не менее регион считается одним из самых перспективных по добыче энергоресурсов. Нефтегазовая связь этого региона с Европой, по идее, могла бы осуществляться через уже существующую систему трубопроводов, но они в основном проложены по российской территории, и это не устраивает США. На момент написания книги к таким нефтепроводам можно было отнести в первую очередь Баку – Новороссийск, Тенгиз (Казахстан) – Новороссийск, построенный Каспийским трубопроводным консорциумом (КТК), а также маршрут танкерами через Каспийское море на Махачкалу, а оттуда трубопроводом на Новороссийск. В направлении Европы действовали также транспортные маршруты по нефти, минуя Россию: Баку – Супса, азербайджано-грузинский железнодорожный коридор ТРАСЕКА до Батуми. Всего этого вполне хватит, по мнению экспертов, для снабжения нефтью Европы из Каспийского бассейна и Центральной Азии.

Однако США упорно добивались в дополнение к существовавшим маршрутам построить нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан (БТД). Летом 2006 года нефтепровод был торжественно открыт, однако оказалось, что нет возможности полностью заполнить трубу. В течение целого ряда лет этот дорогостоящий нефтепровод будет в экономическом смысле нерентабельным. Но не об экономической рентабельности пеклись те, кто выдвигал идею его сооружения.

Давно уже обсуждался и наконец начал осуществляться, да и то с осложнениями, вызванными мировым финансовым кризисом, проект нефтепровода Бургас (Болгария) – Александруполис (Греция). Он будет перекачивать, минуя Босфор, российскую нефть в Европу. Россия делит с болгарскими и греческими партнерами затраты на сооружение и в соответствии с этим будет иметь 51-процентный пакет акций компании, владеющей нефтепроводом. Как только начались переговоры о сооружении этого нефтепровода, Евросоюз, не без одобрения США, безоговорочно поддержал строительство альтернативного нефтепровода Констанца – Триест. Еврокомиссар по энергетике А. Пиебалгс прямо сказал, что этот проект будет осуществляться в рамках общей стратегии ЕС, направленной на сокращение энергетической зависимости от России.

По газу основное внимание Вашингтоном и Брюсселем уделялось вначале созданию транскаспийского газопровода по дну Каспийского моря. Когда выяснилось, что осуществление этого проекта на грани срыва, так как не оправдались расчеты на заполнение трубы казахстанским газом, да и прокладка трубы по дну Каспия зависит от согласия всех прикаспийских стран, включая Россию и Иран, в Вашингтоне сделали ставку на сотрудничество с Баку в деле строительства газопровода «Набукко» («Навуходоносор»). Газопровод протяженностью в 3,3 тысячи км должен пройти в обход России по территории Азербайджана, Турции, Болгарии, Румынии, Венгрии, Австрии. Проект предусматривает присоединение к трубе также поставщиков из Центральной Азии. В ответ Москва предложила компромиссный вариант: продлить расположенный по дну Черного моря

трубопровод «Голубой поток», по которому поступает российский газ в Турцию, трубопроводом, построенным на территории стран, zaangażированных ныне в проекте «Набукко». Судя по всему, ЕС и США будут продолжать негативно действовать, с тем чтобы склонить главным образом Азербайджан и Туркмению к участию в проекте «Набукко».

Отнюдь не слабая позиция

Конфронтация по вопросу выбора пути трубопроводов из Каспийского бассейна и Центральной Азии в Европу стала явью. Россия не заинтересована в этой конфронтации не потому, что у нее слабые позиции. В ее недрах – около 30 процентов мировых резервов газа. Иран, обладающий почти 15 процентами мировых запасов газа, предложил создать жестко действующий газовый ОПЕК, привлекая сюда еще и страны СНГ из Центральной Азии. Такое объединение владело бы газовым потенциалом, превышающим в 6 с лишним раз доказанные запасы газа США и Европы. Представьте себе гипотетическую ситуацию, при которой предложение о создании газового ОПЕК было бы претворено в жизнь в условиях энергетической конфронтации. Да еще когда, согласно данным Министерства энергетики США, потребление природного газа увеличится в стране к 2025 году на 40 процентов.

Не следует выводить из поля зрения и перспективное азиатское направление энергетической политики России. Прошло то время, когда дискуссии сосредоточивались на вопросе, пойдут ли трубопроводы с новых нефтяных и газовых месторождений Восточной Сибири в Китай или Находку для потребителей из Японии, Кореи, других стран региона. Была внесена корректировка: и в Китай, и на побережье Тихого океана.

Положение изменилось также после создания Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Его члены – Россия, Китай и четыре центральноазиатские республики – Казахстан, Таджикистан, Киргизия и Узбекистан – представляют собой больше четверти населения земли. В то же время Иран, Индия и Пакистан, будучи принятыми в качестве наблюдателей, стремятся стать полноправными членами этой организации. В случае расширения ШОС, а это не исключается, возрастает значение ее энергетической составляющей. Одним из магнитов, притягивающих к ШОС государства региона, является заинтересованность в создании энергетического союза, включая совместные проекты в области атомной энергетики, унификации электроснабжения. Большое значение имеет соглашение о сооружении прикаспийского газопровода и развитие газотранспортной системы в Центральной Азии (помимо стран – членов ШОС к соглашению присоединилась Туркмения). В структурах ШОС обсуждаются также проекты новых газопроводов, не только начинающихся с российских месторождений, например, труба из Ирана через Пакистан и Индию в Китай. Казахстан проявляет интерес к прокладке трубопровода из Центральной Азии к Индийскому океану. Обсуждаются проекты трубопроводов в Китай из России, Туркмении и Казахстана. «Газпром», по всей вероятности, мог бы принять участие в их сооружении. Россия, имеющая серьезные позиции в ШОС, и в данном случае не осталась бы в стороне.

Словом, реальная обстановка не представляется неблагоприятной для России. Однако Россия настроена не на конфронтацию с Соединенными Штатами, с Западом, а на равноправное и взаимовыгодное сотрудничество в области энергетики.

Речь может идти о создании энергетического союза с ЕС. Идея включает в себя не только надежное снабжение энергоресурсами и взаимное участие в их добыче, транспортировке, европейских распределительных системах, но и переработке энергетического сырья на основе современных технологий.

Поистине широкую перспективу может открыть и российско-американский энергетический диалог, предлагаемый в сочинской Декларации о стратегических рамках российско-американских отношений, принятой в апреле 2008 года. В декларации говорится о значительном потенциале энергетического сотрудничества обоих государств. Оно включает в себя диверсификацию поставок энергии «с помощью экономически обоснованных

маршрутов и транспортных средств», развитие новых источников энергии, экологически чистых технологий. В российско-американской декларации подчеркивается: «Мы будем работать совместно с другими странами-производителями, странами-потребителями и странами транзита для укрепления партнерства между всеми заинтересованными сторонами в целях повышения глобальной энергетической безопасности на основе открытости, транспарентности и коммерческой обоснованности».

Два исследовательских центра – американский Центр стратегических и международных исследований и Французский институт международных отношений – ведут совместный проект «Европа, Россия и США: нахождение нового баланса», содержащий рекомендации для политических лидеров. В июле 2008 года в рамках этого проекта была опубликована работа бывшего спецпомощника президента Буша-младшего Томаса Грэма «Американо-российские отношения». Энергетическая часть работы содержит следующий вывод: «Прогресс в развитии двусторонних отношений мог бы исходить из: 1) принятия Соединенными Штатами существующей структуры российского энергетического сектора, готовности рассматривать серьезные российские инвестиции в энергетические активы США, совместных американо-российских предприятий в „третьих странах“; 2) признания Россией необходимости в управленческом опыте и технологическом ноу-хау крупных американских энергетических компаний для разработки труднодоступных месторождений (в частности, на северном шельфе), что является сейчас необходимым условием поддержания уровня добычи в России». ³³ Такой «обмен» важен для двух сторон, для всего мира. Следует лишь добавить, что претворение в жизнь этих рекомендаций подрывается стремлением определенных кругов в Вашингтоне не только ослабить Россию, но и создать труднопреодолимые препятствия на пути ее сближения с Европейским союзом. Последнее, опасаясь, становится одним из основных направлений внешнеполитической стратегии США. Причем эта стратегия направлена на наращивание мускулов не только в отношениях с Россией, но и с Европой.

Глава VII

Внешиполитическая стратегия США: взгляд из Москвы

Можно ли считать, что американская внешнеполитическая стратегия подвергается корректировке после провала иракской операции? Думаю, что можно. Но это не развитие тенденции изоляционизма, хотя после разразившегося кризиса американской ипотечной системы внутренняя ситуация в США потребовала к себе куда большего внимания администрации Буша. Это и не отказ от силовых приемов во внешней политике, хотя иракский синдром, конечно, не мог не сработать. Скорее всего, это стремление создать более благоприятную обстановку для роли гегемона, которую США по-прежнему намерены играть в современном мире. Причем в осуществлении такой политики американская руководящая элита, по всей вероятности, не видит, не чувствует разницы между особым местом в многополярной системе, которое сегодня по праву принадлежит США, и несуществующим однополярным мироустройством.

Европейские реалии

Вашингтон пошел на операцию в Ираке в одиночестве. Вернуть ситуацию управляемой Соединенными Штатами координации действий с трансатлантическими союзниками, как это было во время холодной войны, стало лейтмотивом мер, предпринимаемых Вашингтоном после очевидной неудачи в Ираке.

Европа, наверное, в большей степени, чем какой-либо другой регион мира, была

³³ U.S. – Russia Relations. CSIS. 2008. July. P. 10.

разочарована администрацией Буша. Германия и Франция, которые, без всякого сомнения, делают погоду в Западной Европе, в открытую выступили против американской оккупации Ирака. Это было бы еще полбеда для США. Но к заявлению Герхарда Шрёдера и Жака Ширака, возглавлявших в то время эти две европейские страны, присоединился Владимир Путин. Как это ни звучит парадоксально, но Путин уговорил Шрёдера и Ширака смягчить антиамериканские формулировки в заявлении – он понимал бесплодность в конечном счете игры на противопоставлении Западной Европы Соединенным Штатам. Куда важнее было совместными усилиями попытаться повлиять на политику США, ослабить влияние неоконсерваторов на президента Буша.

США и Западная Европа, разделенные Атлантическим океаном, тесно связаны между собой: исторически – европейцы открыли Америку, эмигранты из Европы создали костяк населения США; цивилизационно – их объединяет если не одна культура, то, во всяком случае, культурная близость; религиозной идентичностью – самые распространенные в США и Западной Европе религии – католицизм и протестантство; во многом аналогичным отношением к демократическим ценностям. Глобализация, транснационализация предпринимательской деятельности углубили экономические связи между этими двумя регионами, сделали их экономически взаимозависимыми в большей степени, чем любые другие части нашей планеты. Их близость была скреплена участием США во Второй мировой войне. В эпоху холодной войны США держали ядерный зонтик над Западной Европой. Она вошла в НАТО – военный союз, руководимый Соединенными Штатами.

Однако переход на многополярное мироустройство привел к сбою блоковой дисциплины. Сказывались ли личные дружеские отношения между Путиным и Шрёдером или тяготение Ширака к русской культуре, которое, по мнению некоторых, сделало его прорусски настроенным? Все это имело место, но не было решающим. Практически все политические наблюдатели считали, что в американских интересах приход на смену Шрёдеру Меркель, а на место Ширака – Саркози. Многие действительно предвещало изменения в политике Германии и Франции. Едва став канцлером, Меркель назвала высшим приоритетом немецкой внешней политики укрепление отношений с США. Саркози, едва став президентом, отправился «на отдых» в США. Конечно, стало очевидным стремление новых лидеров Германии и Франции выровнять отношения с Соединенными Штатами. Но равноценно ли это их возвращению к жесткому соблюдению блоковой дисциплины времен холодной войны?

О том, пойдет ли Меркель в фарватере политики США, следовало судить не по степени ее сдержанности к Москве и даже не потому, что она критиковала в Самаре, где проходила встреча в верхах России и ЕС, запрет на демонстрацию, организованную Каспаровым. В этом она явно не походила на своего предшественника. Но настоящим критерием был ответ на вопрос: отступит ли новый канцлер от договоренности Путина со Шрёдером о строительстве газопровода по дну Балтийского моря? Она не отступила, несмотря на то что этот шаг мог расположить к ней администрацию Буша в максимальной степени.

Основным критерием политической ориентации президента Николя Саркози могло стать его отношение к полновесному возвращению Франции в военные структуры НАТО. Он вначале пообещал представить «полноценно атлантическую» Францию уже на саммите НАТО в 2009 году. Однако позже, перед тем как в порядке ротации он возглавил Европейский союз, Саркози выступил в поддержку идеи создания чисто европейской военной структуры, которая хоть и будет иметь связи с НАТО, но останется автономной организацией ЕС. Саркози также является сторонником создания Еврокорпуса, который призван заниматься и производством вооружений, и миротворческими операциями. Восторжествуют ли предложения Саркози, покажет время. Но ведь идея общей валюты евро была не менее трудной для одобрения ЕС, но ее пробила Германия во время своего председательствования в Союзе.

Отдельные голлистские черты все больше выпирают в поведении Саркози. Он добился успеха самостийно, без США, организовав конференцию среднеземноморских государств.

Конференция образовала Средиземноморский союз, возглавляемый президентом Франции Саркози и президентом Египта Мубараком, а не США. Саркози стал играть заметную роль в политическом урегулировании на Ближнем Востоке, во многом разделил успех нормализации сирийско-ливанских отношений, начала сирийско-израильских переговоров. Саркози взял на себя роль посредника и сыграл эту положительную роль во время кризиса в отношениях между Россией и Грузией (об этом позже) в августе 2008 года. При этом министр иностранных дел Франции, участвовавший в посреднической миссии вместе с Саркози, прямо отвел возможность вовлечения в эту миссию США, так как «они являются стороной в конфликте».

И Саркози, и Меркель пошли против воли США добиться реального сближения Украины и Грузии с НАТО на саммите этой организации в Бухаресте весной 2008 года. Вне зависимости, как разовьются события в этом направлении, особая позиция Франции и Германии была продемонстрирована именно в тот момент, когда и Ющенко, и Саакашвили особенно нуждались в демонстрации общенатовской поддержки их стремления начать процесс присоединения к Североатлантическому союзу.

Навряд ли Вашингтон заинтересован в укреплении Европейского союза. Во всяком случае, итоги референдума в Ирландии против облегченного варианта конституции ЕС не вызвали такого горького разочарования в Вашингтоне, как в Брюсселе. Не думаю, что США импонирует и тот вариант, который вынашивает Саркози: если не состоится переголосование в Ирландии в пользу конституции, то возможно создание ассоциации в ЕС из нескольких больших стран – Франции, Германии, а затем и других государств – основателей ЕС – Голландии, Бельгии, Италии. Возможно также и Австрии, Испании, Португалии. Президент Франции побывал в Лондоне, где ему была оказана торжественная встреча, но результаты переговоров не вызвали звуки фанфар. Можно смело утверждать, что оформление центра в ЕС из старых членов Союза, да еще без активного участия в этом центре Великобритании, тем более не устраивает Соединенные Штаты.

Однако тенденция к такому разделению ЕС существует. Вспоминаю разговор с Гельмутом Шмидтом сразу после неудачной первой попытки провести конституцию ЕС. Он увидел в этом результат быстрого расширения ЕС, что, по его словам, вызвало справедливое возражение «старых» членов Европейского союза. Шмидт не сомневался, что это приведет в конце концов к выделению в ЕС сравнительно небольшой группы государств, способных осуществить тесную интеграцию в военно-политической области.

После смены руководства в Париже и Берлине несколько ослабла франко-германская ось, но это не отразилось на отношениях каждой из ее составляющих частей с Россией. И Германия, и Франция, судя по всему, намерены и дальше развивать разветвленные экономические связи с нашей страной. И дело не только в экономике. Они не являются рьяными сторонниками создания системы американской ПРО в Восточной Европе. Их позиции по Ирану, ближневосточному урегулированию отнюдь не идентичны американской.

Примечательна и позиция Италии. Напряженность в трансатлантических отношениях просматривалась во время посещения Италии вице-президентом США Д. Чейни в начале сентября 2008 года. Американская делегация, по свидетельству газеты «Файнэншл таймс», пыталась добиться поддержки своей позиции по России в связи с кризисом в Южной Осетии, но премьер-министр С. Берлускони «...не произнес ни слова критики в адрес России».³⁴ Италия, которая с 1 января 2009 года председательствует в «Большой восьмерке», дала понять, что намерена пригласить российского руководителя на саммит в Сардинии. Берлускони особо подчеркнул важность укрепления Совета НАТО – Россия, и эти слова были произнесены в то время, когда работа Совета, как известно, была заблокирована США.

Многое зависит от перспективы заключения нового договора между Европейским союзом и Россией. Срок действия предыдущего договора – Соглашения о партнерстве и

³⁴ Financial Times. 2008.10.09.

сотрудничестве между Россией и ЕС – истек осенью 2007 года. Положение начало выравниваться, когда при несомненном давлении ведущих в Евросоюзе государств удалось преодолеть вето Польши на переговоры о новом соглашении (в ЕС действует консенсус при принятии такого рода решений). Но новый период осложнений наступил после кризиса в российско-грузинских отношениях, вызванного массовой атакой грузинских сил против Южной Осетии. ЕС принял решение отложить переговоры, но не идти на экономические санкции против России, к чему подталкивали американские «ястребы». В конце концов, восторжествовала точка зрения, что отношения между Российской Федерацией и Европейским союзом нужны двум сторонам.

Все эти события, сдвиги, тенденции происходят на фоне явного спада проамериканских настроений в Европе. Конечно, США могут быть уверенными, что Европейский союз никогда не перейдет на антиамериканские позиции. Но устраивает ли Вашингтон тот неоспоримый факт, что будет набирать силу тенденция самостоятельности Европейского союза?

Две задачи американской ПРО в Европе

Истинное предназначение американской системы противоракетной обороны (ПРО) определяется местом ее размещения. США настаивают на том, что Восточная Европа наиболее подходящая площадка для перехвата иранских ракет. Если даже поверить в то, что Иран уже владеет или будет обладать в ближайшие годы ракетами, достигающими Европы, а главное, захочет их против Европы применить, возникает вопрос: а при чем тут Польша и Чехия?

Собственно, можно оперировать фактами, имеющими место уже на сегодняшний день. Во время пребывания израильского министра обороны Барака в Вашингтоне в конце июля 2008 года состоялась договоренность о том, что США разместят в Израиле свой радар системы ПРО для использования обеими странами. Этот радар того же типа, что будет установлен американцами в Чехии. Несомненно, радар США на территории Израиля предназначен для перехвата иранских ракет. По компетентному мнению бывшего начальника Главного штаба российских Ракетных войск генерала В. Есина, Израиль сможет применять свои противоракеты «Эрроу», базируясь на информации с американского радара. Генерал добавил, что с помощью радара, устанавливаемого США в Израиле, создается возможность сбивать иранские ракеты на разгонном участке траектории, когда они более уязвимы. Следовательно, важна территориальная близость ПРО к месту запуска ракет. Так для чего тогда создавать в антииранских целях аналогичную систему в далекой от Ирана Восточной Европе?

Хотя это и отрицают в Вашингтоне, но напрашивается вывод об антироссийской направленности размещения стратегической ПРО буквально у наших западных границ. У России немало оснований опасаться этого. Тем более что повисло в воздухе наше предложение о создании коллективной системы ПРО с участием США, Европейского союза и России. Ступенькой выше было бы создание коллективной системы отпора любым возможным ракетным угрозам. В таком случае следовало бы действовать совместно и в анализе угроз, и в принятии решений. Это тоже предлагалось В.В. Путиным Дж. Бушу. Россия предложила совместное использование российской радиолокационной станции (РЛС) на территории Азербайджана – естественно, предварительно было получено согласие Баку – и строящейся мощной РЛС на Северном Кавказе. Все эти предложения делались в расчете на то, что Соединенные Штаты свернут свои проекты ПРО в Чехии и Польше. Но Вашингтон продолжал упорствовать в создании своей (подчеркиваю: не натовской, а именно своей) системы ПРО в Восточной Европе.

Соглашение о размещении американской радиолокационной системы на территории Чехии было подписано в Праге 8 июля 2008 года. Польша до поры до времени торговалась. Но 18 августа 2008 года, то есть через 10 дней после начала российско-грузинских

столкновений в Южной Осетии, США и Польша пошли навстречу друг другу. По подписанному соглашению кроме 10 противоракет системы ПРО США развернут в Польше 96 ракет противовоздушной обороны «Патриот». «Быстрое подписание договора о размещении оружия, к тому же во время конфликта на Кавказе, означает признание Польшей, что противоракетный щит все-таки нацелен на Россию», – заявил бывший президент Польши Александр Квасьневский.³⁵ Собственно, не сделал секрета из этого и нынешний президент Польши Лех Качиньский, который объяснил ускоренное завершение переговоров по ПРО «событиями в Грузии».

Утверждая, что развертывание этих ПРО не направлено против России, американские представители часто используют такой аргумент: в Польше планируется разместить до 10 противоракет, а у России боезарядов несопоставимо больше – несколько сотен. Но где гарантии того, что, начав размещение, США не превратят этот процесс в долговременный? В Пентагоне не скрывают, что ставится задача создания в Восточной Европе третьего позиционного района ПРО. Наши военные специалисты вправе допустить, что размещенные радар и ракеты в Европе будут связаны с радарными на западе США, нацеленными на российский Дальний Восток. А если это так, то можно расценить размещение компонентов ПРО в Восточной Европе как создание ударной группировки на переднем крае. Именно с учетом всего этого, по словам президента Медведева, Россия готова реагировать «военно-техническими методами». Среди них было названо размещение в Калининградской области новейших оперативно-тактических комплексов «Искандер». Дальность поражения такого комплекса до 500 км. Перехватить эти баллистические неядерные ракеты весьма трудно, если вообще возможно.

Российские военные эксперты называют среди таких ответных мер ускоренные поставки на дежурство новейших мобильных и расположенных в шахтах комплексов «Тополь-М», более быстрое перевооружение атомных подводных лодок новыми, более мощными межконтинентальными ракетами «Синева», ускорение строительства 6 подлодок нового поколения с ракетами «Булава».

Все это вынужденно делается для сохранения гарантированной возможности нанесения ответного удара, что и для России, и для США является основным элементом сдерживания. Однако в любом случае для нашей страны крайне невыгодно повторять практику холодной войны, когда втягивание Советского Союза в непосильную для него гонку вооружений рассматривалось Соединенными Штатами как один из способов измотать СССР, ослабить его в социально-экономическом плане.

Как представляется, к альтернативным мерам следует отнести и предложение президента Медведева о создании оборонного альянса «от Ванкувера до Владивостока». Названием этих географических рамок подчеркивается, что выдвинутая идея нового договора по европейской безопасности не замыкается Европой. Договор, имеющий юридическую силу, призван охватывать всю российскую и американскую территории и будет обязательным для всех его участников, включая Россию и США. Необходимость такого договора демонстрирует не только стремление США развернуть у российских границ свою систему ПРО, но и уже существующие региональные конфликты.

Последовавшая негативная реакция со стороны многих западных средств массовой информации опиралась на представление, будто предложение нового договора по европейской безопасности служит тому, чтобы подменить им НАТО либо ликвидировать ОБСЕ. Это не соответствует действительности. Важно подчеркнуть, что договор мыслится не взамен ОБСЕ, НАТО, ЕС или СНГ, а в соединении их усилий в обеспечении безопасности. Потребность в новых, непредвзятых подходах к вопросам европейской безопасности вызывается, с одной стороны, тем, что нынешние условия отличаются от сложившихся во время холодной войны и, с другой стороны, отсутствует механизм,

³⁵ Время новостей. 2008.18.08.

способный в этих новых условиях надежно обеспечить европейскую безопасность.

Безопасность должна быть для всех и обеспечиваться всеми – в этом смысл предложений президента Медведева. Полностью согласен с председателем Комитета Госдумы по международным делам К.И. Косачевым, который привел поистине курьезный случай и дал ему подобающую оценку. «В СМИ, – пишет Косачев, – цитировали пресс-секретаря Госдепартамента США Шона Маккормака, который в ходе брифинга второго июля (2008 года. – *Е.П.*) в Вашингтоне сказал по поводу планов размещения ПРО в Европе: „Мы постоянно повторяем для России и для всех, кто слышит, – это не касается России. ...Это вопрос интересов НАТО, его поставила именно НАТО, а Россия права голоса не имеет, когда речь идет о делах НАТО“. Предлагаю вдуматься в это: Россия, занимающая пол-Евразии, не должна иметь права голоса в вопросах, напрямую касающихся безопасности и стабильности континента. Особо пикантно то, что это звучит из уст представителя неевропейской державы. При этом нас всегда уверяют в том, что европейская безопасность неделима. Но это прямые шаги именно к ее дроблению...»³⁶

Можно утверждать, что размещение ПРО США происходит вопреки значительной части мирового общественного мнения, которое расценивает это мероприятие как способствующее возрождению конфронтации США с Россией. Известный французский историк и эксперт по вопросам геополитики Александр Адлер отметил: «Со стороны Вашингтона, что бы там ни говорили, речь идет об операции, носящей антироссийский характер. Саму идею перехвата баллистических ракет еще можно понять, но размещение элементов ПРО в Польше и Чехии – это выходит за рамки разума, тем более если учесть встречное российское предложение относительно совместного использования станции слежения в Азербайджане».³⁷ Подобные оценки звучали и в Вашингтоне, да еще не где-нибудь, а в сенате, да из уст не кого-нибудь, а главы комитета по обороне сената Карла Левина, который сказал в эфире телеканала CBS дословно следующее: «Мы продолжаем отталкивать Россию различными способами. Прежде всего это ПРО в Европе, которая не является обороной от иранских ракет».

Именно в такой обстановке Пентагон и Госдеп стремятся убедить всех, что создаваемая американская система ПРО в Европе не направлена против России. Накануне поездки в Вашингтон, где в середине января 2008 года предстояло заседание российско-американской группы, возглавляемой со стороны США Г. Киссинджером, а с нашей – мною, я был принят президентом Путиным. Он рассказал, что во время встречи с ним государственного секретаря К. Райс и министра обороны США Р. Гейтса тот предложил постоянное присутствие наших офицеров на американских объектах ПРО в Восточной Европе. «Это, конечно, не предлагаемое нами создание совместной системы ПРО, но все-таки шаг навстречу нам, и я согласился, попросив изложить предложение Гейтса в письменном виде, – сказал Путин. – Никакой письменной реакции не последовало».

Встретившись с Гейтсом в Вашингтоне, я спросил его, почему нет подтверждения высказанной им инициативы. Он ответил, что предварительно России придется договариваться с Польшей и Чехией. Не Соединенным Штатам, которые размещают элементы своей системы ПРО в этих странах, договариваться с ними, а нам. Гейтс, безусловно, понимал, что такая постановка с нашей стороны наверняка будет отклонена. Другой ответ на мой вопрос я получил от советника президента США по национальной безопасности Стивена Хадлея, который, ничтоже сумняшеся, сказал: «Гейтса исказил переводчик. Он говорил не о постоянном нахождении на объектах ваших офицеров, а о посещениях время от времени».

Идея размещения американской ПРО в Польше и Чехии даже выходит за

³⁶ Российская газета. 2008.18.07.

³⁷ Российская газета. 2008.18.07.

антироссийские рамки, а связана также с целью, которая непосредственно относится к американской политике в отношении Европы. В Вашингтоне понимают, что самая тесная привязка Европы к США существовала во время холодной войны, так как Европа испытывала необходимость в американской защите. Тогда была конфронтация с СССР, и США защищали своих союзников в Западной Европе от советской угрозы. Сегодня мало кто в Западной Европе опасается ракетно-ядерной угрозы со стороны России. Не пытаются ли те, кто делает политику в Вашингтоне, снова вызвать потребность Европы в американской защите – на этот раз от опасности, исходящей, по их словам, от Ирана, подбирающегося к ядерному оружию?

Так или иначе, но существуют надежды на то, что при президенте Обаме могут появиться возможности найти решение проблемы американской ПРО в Европе. Абсолютно правильно поступил Д.А. Медведев, подчеркнув, что решение о размещении комплексов «Искандер» в Калининградской области будет осуществлено в том случае, если США приступят к практическому воплощению в жизнь планов создания системы ПРО в Польше и Чехии.

Цели расширения НАТО

Задача восстановления блоковой дисциплины решается также через расширение НАТО. Во всяком случае, это, очевидно, одна из причин, лежащая в основе линии США на расширение Североатлантического союза. Новые члены этой организации гораздо послушнее, чем старые. Не думаю, что Вашингтону удалось бы, например, уговорить «старых» членов НАТО разместить на их территории американские военные базы для постоянного пребывания военнослужащих США. Американские военнослужащие размещены на территории единственного «старого» члена НАТО – Германии, но и она ратует за перевод их на территорию Польши.

Вновь принятые в НАТО страны не критикуют политику Соединенных Штатов в отношении Ближнего Востока. Критические голоса по поводу операции в Ираке, угроз в адрес Ирана раздаются, как правило, из Западной Европы. А громы и молнии по поводу «российского вмешательства», угрожающего некоторым бывшим советским республикам или странам бывшего Варшавского договора, мечут Польша, Эстония, Литва, Латвия.

Можно считать, что США разбавили НАТО новыми членами для сохранения этой организации под своим руководством, ослабив тенденцию ее «европеизации» и облегчив ее использование за пределами Европы, на что делается ставка. Трудности выработки европейского единства во внешней и оборонной политике бывший федеральный канцлер Германии Герхард Шрёдер прямо связал «с интеграцией государств, недавно влившихся в ЕС». Эту же мысль в отношении непосредственно НАТО подчеркнула госсекретарь К. Райс на заседании фонда «Наследие» в Вашингтоне в июне 2008 года. Отвечая на вопросы политологов, она сказала, что страны Восточной Европы и Балтии влили новую жизнь в НАТО и благодаря энергии, обретенной с помощью новых членов, Североатлантический альянс стал участвовать в военных операциях, простирающихся далеко за его первоначальную сферу ответственности, например в Афганистане. НАТО, по ее словам, должна увеличивать число своих членов и продолжать играть эту глобальную роль.

Именно глобальную роль. НАТО, созданная как региональная организация с задачей обеспечения безопасности американских союзников в Европе, после окончания холодной войны действует на основе совершенно иной философии и доктрины, осуществляя военные операции далеко за пределами Европейского континента.

Часть операций проводится на основании статьи 53 Устава ООН, которая гласит: «Совет Безопасности использует, где это уместно, также региональные соглашения или органы для принудительных действий под его руководством». Вместе с тем в статье 53 подчеркивается, что «никакие принудительные действия не предпринимаются, в силу региональных соглашений или региональными органами, без полномочий от Совета

Безопасности». Однако у НАТО уже есть опыт применения военной силы и в обход ООН – бомбардировки Югославии.

Убыстрение процесса расширения НАТО, включение в эту организацию новых членов оборачивается расширением поля для базирования американских вооруженных сил. Свеж в памяти дипломатический марафон, который мне и моим коллегам пришлось пройти на пути к основополагающему акту, подписанному в Париже в 1997 году. Понимая, что предотвратить расширение НАТО не удастся, был выбран вариант, который позволил при сохранении нашего негативного отношения к этому процессу повести дело к сокращению для России его отрицательных военных последствий. И действительно, после упорных переговоров удалось внести в основополагающий акт положение о том, что на территории новых членов НАТО запрещается размещать ядерное оружие, складировать или строить сооружения для его складирования. Также была зафиксирована договоренность, согласно которой на территорию новых членов НАТО нельзя перебрасывать для постоянного базирования значительные вооруженные силы. Под основополагающим актом поставили свои подписи главы всех стран – членов НАТО и России. Однако не прошло и несколько лет, как Вашингтон объявил о размещении на территории Румынии и Болгарии по 5 тысяч своих военнослужащих. Некоторые наши оппоненты заявляют, что 5 тысяч солдат и офицеров нельзя отнести к «значительным силам». Тогда непонятно, почему требуют вывода из Приднестровья 2 тысяч российских военнослужащих, направленных туда для охраны огромного оружейного арсенала?

В качестве потенциальных членов НАТО теперь рассматриваются не только европейские страны или те, которые расположены на грани Европы и Азии. Например, в Израиле создана правительственная комиссия, которая готовит рекомендации по присоединению к Североатлантическому союзу. Известно, что израильское руководство давно прощупывало возможность членства в НАТО, но никогда раньше не признавалось в этом. В 1971 году по указанию советского руководства я конфиденциально встречался с премьер-министром Израиля Голдой Меир и министром обороны Моше Даяном. Они полностью отрицали свое намерение вступить в НАТО, но мы знали, что представители израильского руководства зондировали такую возможность на встречах в Вашингтоне. Тогда США отказались от участия Израиля в НАТО, мотивируя свою позицию израильской вовлеченностью в конфликт с арабами. Но как пойдет дело сейчас, учитывая появление «иранской карты» и желание многих использовать ее в своей игре? Тем более что участие в конфликтах и отсутствие соглашений о границах с соседними государствами теперь не расценивается как непреодолимое препятствие для членства в НАТО.

Что касается американской политики на российском направлении, то процесс расширения НАТО призван не «сдерживать» Россию, в чем нет никакой необходимости, но ослабить ее, сделать Россию более сговорчивой, когда дело касается ее национальных интересов. Пойдя на безудержное расширение НАТО, США не посчитались с крайне негативным отношением России к приему в Североатлантический союз бывших республик Советского Союза. У нас не было письменной договоренности с Соединенными Штатами по этому поводу.

Но, будучи министром иностранных дел России, я неоднократно говорил и Мадлен Олбрайт, и Строубу Тэлботу, и другим своим американским коллегам, что прием в НАТО бывших советских республик для нас означает переход «красной черты». В ответ я слышал: нет оснований предполагать, что это произойдет в близлежащий период. Но это произошло.

Госсекретарь США К. Райс не скрывала, что главными кандидатами на прием в НАТО считаются Украина и Грузия. Их участие в НАТО – недальновидная политика. Это не только антагонизирует отношения России с США и НАТО, но усилит антизападные, националистические настроения и соответствующие таким настроениям силы внутри страны. Уже в преддверии сближения Украины с НАТО в России все громче звучат голоса, требующие не продлевать Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Россией и Украиной, срок которого истекает в апреле 2009 года. Согласно этому договору, Россия

фактически признала присоединение к Украине Крыма – подарок, который, ни с кем не посоветовавшись, преподнес Киеву Н.С. Хрущев. Правда, тогда административные границы между советскими республиками не играли такой уж большой роли в глазах общественности, но теперь, когда они стали государственными границами, положение изменилось. В России немало тех, кто не согласен с передачей Украине Крыма. Еще больше тех, кто против отторжения от России города русской боевой славы, как его не без причины называют, Севастополя. Число таких несогласных неизбежно прибавит присоединение Украины к НАТО. Я исключаю перспективу применения силы в российско-украинских отношениях. Но в случае присоединения Украины к НАТО неизбежно обострится вопрос с базированием в Севастополе российского Черноморского флота. Это тоже связано с договором.

Помню, будучи председателем правительства, я пришел на заседание Совета Федерации, где рассматривался вопрос о ратификации общего договора с Украиной. Наши сенаторы, и они были правы, не хотели ратифицировать его без ратификации украинским парламентом соглашения о Черноморском флоте. А украинцы не хотели ратифицировать это соглашение без нашей ратификации Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве. Тогда я предложил для выхода из ситуации принять закон о ратификации из двух пунктов. Первый – ратифицировать. По второму произвести обмен ратификационными грамотами, лишь после того как парламентом Украины будет выпущен закон о ратификации соглашения о Черноморском флоте. Выход был найден. Стоит ли забывать об этой связке?

И главное – в случае неизбежного при приеме Украины в Североатлантический союз дальнейшего обострения ее отношений с Россией готовы ли США и НАТО решительно взять сторону Киева против Москвы с риском отбросить Россию к периоду конфронтации с Западом? Неужели прием Украины в НАТО важнее того, чтобы избежать такой перспективы?

Включение Украины в НАТО вынудит Россию – это уже было сказано заместителем председателя правительства С.Б. Ивановым – отказаться от производства на ее территории комплектующих изделий для своей военной промышленности. Это неизбежно коснется и производства продукции двойного назначения. С выпуском такой продукции связана значительная часть украинской промышленности. Это еще больше напряжет внутривнутриполитическую обстановку, которая уже ныне характеризуется тем, что, как показывают опросы общественного мнения, большинство населения Украины не согласно с ее вступлением в НАТО. Повсюду слышны требования, обращенные к президенту Ющенко, провести по этому вопросу общенародный референдум, который, если не будет сфальсифицирован, однозначно засвидетельствует победу противников вхождения Украины в Североатлантический союз. Неужели все это проходит мимо внимания американского руководства, которое потакает стремлению Ющенко войти в НАТО даже в условиях угрозы раздела Украины на два лагеря, что далеко не укрепит и саму эту организацию.

Многоопытный Г. Киссинджер предложил формулу, которая поможет найти выход из создавшегося положения без потери лица тех, кто уверял Киев в поддержке желания украинского президента быть принятым в НАТО. «Поскольку НАТО в принципе согласна принять Украину в свой состав, нет необходимости срочно ускорять практические действия в этом направлении» – это цитата из его статьи в газете «Вашингтон пост».³⁸ Посмотрим, последуют ли совету Киссинджера те, кто делает политику в Вашингтоне.

С Грузией ситуация во многом аналогичная, хотя там состоялся референдум, во время которого большинство принявших в нем участие высказалось за вступление в НАТО. Но референдум был проведен в момент обострения российско-грузинских отношений, которые, уверен, не всегда будут враждебными. А вступление в НАТО, без сомнения, отодвинет это «не всегда» на очень долгий период, во время которого отношения между двумя

³⁸ The Washington Post. 2008.08.07.

государствами неизбежно еще больше обострятся. Нынешнее грузинское руководство, возможно, надеется, что членство в НАТО обеспечит ему вооруженную поддержку в случае дальнейшего применения военной силы против Абхазии или Южной Осетии. Я абсолютно не верю в такое вооруженное вмешательство НАТО, которое может обернуться катастрофическими последствиями. В Брюсселе и, что еще важнее, в Вашингтоне это понимают.

Причины «операции Косово»

Казалось, с чего бы это Вашингтон настолько втянулся в превращение Косова – небольшой территории (11 тыс. кв. км) с населением около 2 млн человек – в самостоятельное государство, даже не заботясь о возможных отнюдь не выгодных ему последствиях этого.

Подчеркну ряд моментов, характеризующих косовский конфликт, которые, как представляется, следует принимать во внимание.

Сербы небезосновательно считают край Косово и Метохия землей, где зародилась их цивилизация, культура, самобытность. Там в IX–X веках и в середине XIV века возникла и окрепла государственность сербов. В начале XIII века зародилось сербское православие. В 1389 году на этой земле произошла битва сербского войска с войском Османской империи. Для сербов эта битва – символ национального героизма.

Албанцы в течение веков тоже находятся на территории Косовского края. Но максимумом признаваемой государственности, которым обладало Косово, была автономия края в Югославии при И. Тито. В 1987 году С. Милошевич отменил расширенные права, предоставленные автономному краю. Параллельно была создана косовскими албанцами скупщина (парламент), которая приняла в 1990 году закон о независимости края. Однако это не привело к выходу из Сербии. Можно считать, что в Косове установилось двоевластие. Выбранный «президентом» Косова И. Ругова придерживался умеренных взглядов, что проявлялось и во время его переговоров с Белградом.

Мало сторонников превращения края в самостоятельное государство было и вне Косова. В качестве министра иностранных дел России в 1996 году в Нью-Йорке я встречался на сессии Генеральной Ассамблеи ООН с министром иностранных дел Албании. Отвечая на мой вопрос, он твердо заявил, что его страна (даже его страна. – *Е.П.*) рассматривает решение косовской проблемы лишь в границах Югославии. Такая же позиция фиксировалась в целом ряде документов контактной группы, в которую вошли Россия, США, Германия, Великобритания, Франция. Заявление контактной группы по Косову впервые было принято 24 сентября 1997 года при моем участии. Резолюция была направлена на прекращение вооруженных столкновений, происходивших в Косове, прекращение поставок вооружений, но исходила из того, что косовская проблема – внутреннее дело Югославии. Мы в силу обстоятельств рассматривали впоследствии неоднократно вопрос о Косове, но при этом существовало общее мнение: Косово – не независимое государственное образование. Несогласие между мной и госсекретарем США Мадлен Олбрайт проявилось по формулировке: «Косово – часть Югославии» (она) или «Косово – часть Сербии» (я). Так или иначе, и США, и Россия считали Косово частью другого государства. Более того, Госдепартамент США занес в список террористических организаций Армию освобождения Косова (АОК), вооруженным путем добивавшуюся изгнания сербов из Косова. Правда, впоследствии боевики из АОК были перекалвалифицированы в героев.

С 1998 года положение начало меняться. Не буду пересказывать все последующие события – они характеризуются кровавыми межэтническими столкновениями. Основным средством, используемым на югославском поле, стала не дипломатия, не политика, чего добивалась Россия, а деятельность НАТО. Ситуацию не изменило, что формально инициатива была перехвачена Миссией ООН по делам временной администрации в Косове (МООНК), которая создала «временное самоуправление», провела выборы в Ассамблею при

бойкоте их сербским населением. Косово наводнили международными полицейскими (3 тысячи человек), специальными силами для Косова (СДК) – 16,5 тысячи из стран НАТО. Это не помешало превращению сербов во второразрядных граждан, которые находились под постоянным давлением косовских албанцев, намеренных вытеснить из края даже относительно небольшое число остающихся там сербских жителей.

Ну а что дальше? Россия предлагала поддержать высказанное Белградом предложение рассмотреть перспективу статуса Косова в серьезных переговорах сторон, даже если для этого потребуется немалое время. Не забудем, что кипрская проблема, да и ирландская, обсуждаются десятилетиями. Никто, конечно, не призывал растягивать решение по Косову на такой срок, но США и ряд западноевропейских стран пошли по пути ультимативного решения против интересов сербов. Ставка была сделана на немедленное провозглашение независимости Косова. Когда не удалось провести соответствующую резолюцию через Совет Безопасности ООН, решили вообще обойти Организацию Объединенных Наций и подтолкнули Косово к одностороннему решению о выделении из состава Сербии и провозглашении независимости. Сразу же Косово в качестве суверенного государства признали США, две трети стран Европейского союза, всего к середине 2008 года – более 40 государств. Причем авторов такого решения абсолютно не беспокоили его неизбежные последствия не только для Сербии, но и для других стран. Главные – что это подталкивает во всем мире сепаратизм.

Предоставление независимости Косову может привести к нежелательным изменениям политической карты на Балканах. Нет никаких оснований абстрагироваться от многолетних планов создания «Великой Албании», а может быть, теперь и «Великого Косова», к которому будут тяготеть Санджак, мусульманские части Македонии, Черногории.

Настораживают также прорывающиеся наружу планы ликвидировать Республику Сербскую в Боснии и Герцеговине (БиГ). К этому подбирались уже давно те, кто хотел слить воедино Республику Сербскую с мусульманско-хорватской федерацией и превратить двучленную систему БиГ, созданную в Дейтоне, в одночленную. Иными словами, ликвидировать проявление любой самостоятельности Республики Сербской и практически растворить ее в общем государстве. Стремление к этому возросло после того, как самопровозглашение независимости Косова усилило тенденцию к воссоединению Республики Сербской с Сербией.

В этой связи можно рассматривать и арест Караджича, передачу этого легендарного в Республике Сербской лидера в Международный трибунал в Гааге. Судя по всему, о месте нахождения «разыскиваемого» Караджича не могли не знать американские спецслужбы – он, по профессии врач, приняв другую фамилию, практиковал в одной из клиник в Белграде. Многие свидетельствуют в пользу того, что США через своего представителя в свое время гарантировали ему безопасность и обещали не предъявлять никаких обвинений в будущем, если он согласится уйти из политической жизни. Караджич действительно в 1996 году ушел не только с поста президента Республики Сербской, но вообще из политики. Не связан ли его арест с планами лишения Республики Сербской многих прав?

Газета «Бостон глоб» писала: «Президент Буш без всякой нужды вызвал рецидив русской паранойи, поспешив признать независимость Косова без принятия соответствующей резолюции ООН или устраивающего обе стороны сербско-косовского договора».³⁹ Оставим на совести газеты употребляемые медицинские термины, но негативное отношение России к объявлению Косова независимым государством было вполне оправданным. По словам Кондолизы Райс, она многократно говорила российским собеседникам, что Косово «не может быть прецедентом». История опровергла прогностические способности Райс. Дело в том, что выход Косова из состава Сербии подстегивает стремление многих народов образовать самостоятельные государства. Особенно обострилась проблема тех

³⁹ The Boston Globe. 2008. 20.07.

«непризнанных республик», которые уже многие годы на практике существуют как самостоятельные. Их признание – нелегкое дело. Выделение части унитарного государства в виде самостоятельного субъекта приходит в противоречие с принципом территориальной целостности государств. Россия неоднократно заявляла о поддержке этого принципа.⁴⁰

На крайне негативную позицию России по выделению Косова из состава Сербии оказывает влияние и российское общественное мнение. Прошли те времена, когда его можно было игнорировать. А сегодня оно в силу исторических, традиционных, наконец, эмоциональных причин в своей преобладающей части на стороне сербов, которые к тому же больше всех других на Балканах пострадали за последние годы. Казалось, ушло в прошлое сравнение Балкан с пороховой бочкой, способной взорвать стабильность не только в этом регионе, но и за его пределами. Отгремели войны, состоялась система признанных государств, ранее образовывавших части югославской федерации, и худшее для Сербии уже позади – три проигранные войны, 10 лет санкций, бомбардировки НАТО. Однако теперь произошло отторжение от Сербии Косова и Метохии. А это составляет 15 процентов ее территории, оставшейся после выхода Черногории.

Независимость Косова – одна из внешнеполитических проблем, которая отрицательным образом сказалась на отношениях между Россией и США. Так что же заставило Вашингтон проигнорировать и это, и другие тенденции, возникшие в результате отделения Косова от Сербии, далеко не все из которых развиваются в пользу Вашингтона, особенно в долгосрочном плане?

Через предоставление независимости Косову американские политики, по-видимому, стремились решить ряд задач. Во-первых, продемонстрировать общественному мнению, особенно в Европе, что не напрасно был начат «цикл» с несанкционированных ООН бомбардировок Югославии: в Белграде, мол, к власти вместо Милошевича пришли демократы, получила самостоятельность Черногория, а теперь и Косово. Кстати, во время бомбардировок Югославии АОК открыто выступила на стороне НАТО, помогая определять цели для бомбардировок. Так АОК стала союзницей США и получила американскую поддержку в своих операциях против югославской армии. Во-вторых, в этом США особенно поддерживает Германия, перенасыщенная эмигрантами-албанцами, создать условия для их возвращения в Косово, возможно, и в Албанию, граница которой с Косовом открыта. В-третьих, найти решение хоть одного конфликта перед уходом президента Буша в историю. Да еще при этом получив – не так, как было при оккупации Ирака, – поддержку европейских союзников по НАТО.

Существует ли какое-нибудь решение по Косову после провозглашения его независимости, которое сможет снять остроту этой проблемы? Когда решение проблемы такого рода оказывается в тупике, одним из вариантов становится территориальное разделение. В интервью белградской газете «Вечерние новости» я сказал, что выходом из косовского кризиса могло бы стать переселение сербов на север Косова и присоединение этой его части к Сербии. НАТО не может вечно оставаться там с целью обеспечения порядка. Замена НАТО на миротворческие силы ЕС тоже не решит этой проблемы.

Азиатские реалии

Идея однополярного мироустройства опровергается также, а может быть в наибольшей степени, реальными процессами в Азии. В докладе американского Национального совета по разведке «Рисуя карту будущего», в котором дается прогноз изменений на мировой

⁴⁰ Когда, например, незадолго до своей военной авантюры Саакашвили сказал, что готов предоставить в полном объеме автономию Южной Осетии, дать ей максимальные права и даже назначить ее представителя вице-президентом Грузии, В.В. Путин назвал этот план хорошим. Но оказалось, что это просто маскировка уже принятого решения о насильственном воссоединении. В ночь на 8 августа Саакашвили дал команду о начале обстрела жилых кварталов Цхинвали системами залпового огня.

политической сцене до 2020 года, говорится: «...подъем Китая и Индии в качестве новых главных глобальных игроков, как это произошло с объединенной Германией в XIX веке и мощными Соединенными Штатами в начале XX века, изменяет геополитическую картину самым драматическим образом... XXI век видится как век, в котором Азия, ведомая Китаем и Индией, реализуется в полной мере».⁴¹

Но Азия – не только эти два мировых гиганта с населением, составляющим 36 процентов населения земного шара. Это и Япония – один из крупнейших экономических центров мира. Это и Юго-Восточная Азия, объединенная в АСЕАН. Это и два корейских государства. Это и Пакистан, и Афганистан. Это Центральная Азия, которую составляют бывшие республики Советского Союза. Это Ближний и Средний Восток – арабские страны, Израиль, Турция, Иран. Наконец, это Россия, значительная часть территории которой находится в Азии.

При калейдоскопическом разнообразии есть и общие черты у стран Азиатского континента. Большинство из них в прошлом были колониальными или зависимыми, а сегодня все они – суверенные государства. Страны Азии довольно быстро, но разными темпами, развивают свои экономики, расширяют экономические связи как между собой, так и на глобальном уровне.

Еще одна характеристика сегодняшней Азии, особенно ее юго-восточной части, – быстро развивающиеся интеграционные процессы. Участники АСЕАН, к которым тяготеет и ряд других стран Азии, стремятся совместить свои региональные интересы с глобальными.

Однако Азиатский континент в большей степени, чем все другие, изобилует региональными и межгосударственными конфликтами. Из Азии проступает угроза распространения ядерного оружия, опасности, связанные с международным терроризмом.

Все эти особенности Азии не поддаются «однополярному» подходу. Напротив, требуют не просто признания складывающейся многоцентристской мировой структуры, но и международных усилий с целью содействия как экономическому, научно-техническому прогрессу азиатских стран, так и урегулирования опасных для всего мира конфликтов. И самое главное – формирующиеся в Азии полюса многополярного мира должны стать равноправными партнерами США, ЕС, России. Лежат ли все эти принципы в основе азиатской политики «старых» центров силы?

Можно уточнить эти принципы, свести их к способности воспринимать на деле равноправие, самостоятельность новых азиатских полюсов современного мироустройства, а также отказаться от применения вооруженной силы в стремлении противодействовать распространению ядерного оружия в Азии. Существуют различия в подходах к этим проблемам со стороны трех неазиатских (все-таки Россия больше Европа, чем Азия) полюсов. Причем в большей степени между Россией и США, хотя серьезные несогласованности в подходах к Азии наблюдаются также между США и Европейским союзом.

В конце июня 2007 года на острове Чеджу проходил четвертый Форум мира – ежегодная международная конференция, организуемая южнокорейскими властями. Я принимал в нем участие вместе со многими другими бывшими главами и ответственными лицами в правительствах, учеными, дипломатами, бизнесменами. Обратил на себя внимание доклад Сэмюэла Бергера, бывшего советника по национальной безопасности президента Клинтона. Тем более что доклад назывался «Вызовы для будущего президента США в Северо-Восточной Азии». Признавая огромные достижения Китая («Никогда ранее в истории такой большой процент человечества в такой короткий срок не проходил путь от

⁴¹ Report of National Intelligence Council's 2020 Project «Mapping the Global Future». 2004. Dec. P. 9. В опубликованном через четыре года новом докладе уже прямо говорится о предпосылках «многополярного будущего». «Пошатнувшаяся экономическая и военная мощь может поставить США перед выбором между внутренними и внешнеполитическими приоритетами», – приходят к выводу авторы доклада. (Report of National Intelligence Council «Global Trends 2025: A Transformed World». 2008. Nov. P. IV, 81.)

повальной бедности к статусу среднего класса)), Бергер заявил, что «американская политика должна отдалиться от старых парадигм, дабы США были уверены в долговременном успехе». Мысль правильная, но весьма характерна интерпретация, этим, несомненно, умным и влиятельным человеком, – я его хорошо знал во время своей работы министром иностранных дел России – того, как измерить этот успех. По Бергеру, это – предел, до которого Китай будет способен продвинуться «в качестве партнера США в проблемах, имеющих критический характер в наших (американо-китайских. – Е.П.) взаимоотношениях».

Конечно, в докладе Бергера было много важных оценок, с которыми нельзя не согласиться. Но великодержавный дух – думаю, что Бергер даже не замечал этого – проникал сквозь здравые предложения. Выдвигая идею создания новой многосторонней организации безопасности и сотрудничества в Северо-Восточной Азии, Бергер подчеркивал, что эта организация «должна служить не только решению проблем, связанных с Северной Кореей, но и помочь реализации целей стратегии США в регионе в целом».

Этот пример весьма характерен для отношения США к Китаю, Индии, набирающему силу интеграционному полюсу АСЕАН. Вашингтон не может не признавать их успехи, достижения, не считаться с ними. Проявлениями этого является отказ США от подталкивания к независимости Тайваня, как это было в прошлом, молчаливое присоединение ко всем, кто понимает необратимость процесса овладения ядерным оружием Индией. Интенсивно развиваются экономические связи США с этими странами, в чем, безусловно, проявляется обоюдная заинтересованность. Но одновременно Вашингтон проводит политику приближения к Китаю, как и к России, военных баз. Продолжение курса на «сдерживание» Китая, когда по мере роста экономического могущества его внешняя политика становится все более конструктивной, лежит в основе и политического маневрирования США. Один из авторитетных американских экспертов по Корее, Брюс Камингс, своеобразно комментирует участие США в работе с целью отказа КНДР от военной ядерной программы. По словам Камингса, «...превращение Северной Кореи из врага в нейтрального игрока или даже союзника Соединенных Штатов в противостоянии Китаю и России в Северо-Восточной Азии может прекрасно вписаться в стратегию США в регионе».⁴² Таких же взглядов придерживаются многие и в Южной Корее, и в Японии, и в самих Соединенных Штатах.

Вашингтон противится присоединению Китая и Индии к «Большой восьмерке». США делают все от них зависящее, чтобы не допустить сближения Индии с Китаем. Не секрет, что этому служили предложения поставок американских вооружений Индии и даже официального признания ее ядерной державой. Прямо противоположные устремления заложены в политику России. Вспоминая свой визит в Индию в качестве председателя правительства в 1998 году. Тогда прозвучала российская идея создания своеобразного стратегического «треугольника»: Россия, Китай и Индия. Речь шла не о военном союзе. Разъясняя эту идею, я подчеркивал необходимость такой «геометрической фигуры» для укрепления стабильности за счет развития многосторонних отношений между ее «углами», консультаций по острым международным вопросам. В ту пору отношения между Китаем и Индией могли желать лучшего. И упор делался именно на эту сторону. Подчеркивалось также, что создание такой треугольной системы не должно быть направлено против кого бы то ни было.

Идея «треугольника» не пропала бесследно – она способствовала нормализации и развитию отношений между Индией и Китаем, проводимые на трехсторонней основе консультации служат выработке совместных позиций по укреплению мира и безопасности в Азии и в глобальном масштабе.

Давая оценку курсу, рекомендуемому новому президенту США, Бергер подчеркнул,

⁴² The Korea Herald. 2007.01.10.

что он не должен обходить те «огромные проблемы прав человека, которые по-прежнему стоят перед гражданами Китая». Это еще одна черта политики США в Азии – защита «прав человека», что становится идентичным вмешательству во внутренние дела. Причем такая защита далеко не универсальна. Глава Пакистана Мушарраф был в свое время объявлен «самым важным союзником США вне НАТО», невзирая на его антидемократическую политику, которая, в конце концов, завершилась отставкой и изгнанием Мушаррафа из страны. Вплоть до последнего момента, пока не стало ясно, что дни Мушаррафа сочтены, американскому руководству не мешала диктатура, установленная в Пакистане. Требование соблюдения прав человека выдвигается администрацией США выборочно, тогда, когда это требование укладывается в русло американской политики.

Опасность вооруженных межгосударственных конфликтов в самой Азии за последние годы пошла на убыль. Нет оснований предполагать, что Китай ныне захочет силой воссоединить с материковой частью Тайвань или начнется война между двумя Кореями. Мало оснований считать, что с помощью силы будут решаться территориальные споры, в которые втянуты Япония, Китай, КНДР, Корейская Республика, Вьетнам, Индия, Пакистан и другие. Однако существует реальная опасность одностороннего применения силы извне в отношении отдельных стран Азии. Так случилось с Ираком. Будет ли в Азии повторение подобных действий?

СНГ – зона американских интересов?

До поры до времени Соединенные Штаты считались с особой заинтересованностью Москвы, чтобы развитие событий на постсоветском пространстве не приняло антироссийский характер. Но только до поры до времени.

Не исключено, что в Вашингтоне, впрочем, как и во многих других столицах западных стран, рассматривали создание Содружества Независимых Государств лишь как стремление найти цивилизованную «формулу развода» для бывших республик СССР. Однако с СНГ связывалась и другая задача: интеграция этих республик в новую структуру, призванную сохранить в первую очередь общее экономическое пространство. Ценность этой идеи была несомненной, так как новые независимые государства были в советском прошлом переплетены друг с другом тысячами экономических связей, разрыв которых угрожал их благополучию. Но жизнь распорядилась по-другому. Неоднократно откладывались планы образования зоны свободной торговли. Идея таможенного союза поддерживается, и, главное, проявляется готовность к созданию для этого наднациональных структур пока только Россией, Казахстаном и Белоруссией. СНГ, как было задумано, не стало объединением государств с единой волей его участников сохранить и развить многостороннее сотрудничество. Этому помешало многое: и различия в социально-экономических уровнях стран, вошедших в Содружество, и разное отношение их лидеров к необходимости политических и экономических реформ и в силу этого разной степени заинтересованности руководства этих стран в развитии и углублении интеграционных процессов в СНГ.

Не могло не повлиять на развитие событий на пространстве Содружества, что вскоре после его образования резко обострились конфликты – армяно-азербайджанский по поводу Карабаха, грузино-абхазский и грузино-южноосетинский, Молдавии с Приднестровьем. Все эти конфликты переросли в стадию вооруженных столкновений. Начались настоящие войны. К отдельным вооруженным столкновениям, хотя не дошло до войн, приводили обостряющиеся отношения Узбекистана с Таджикистаном, а также с Киргизией. В такой ситуации Россия считала своей основной задачей положить конец вооруженным действиям на пространстве Содружества. Это удалось сделать не без труда, напряжения всех сил, и в этом на тот момент была главная заслуга Российской Федерации.

Россия старалась не только остановить кровопролития, но и привести к мирному разрешению возникших конфликтов, спровоцированных силами, которые после краха СССР получили вместе с независимостью свободу рук в осуществлении своих националистических

или шовинистских замыслов. Тбилиси и Сухуми еще в бытность мою министром иностранных дел предлагалось подписать договор, главная идея которого заключалась в принятии двумя сторонами формулировки «согласие жить в общем государстве в границах Грузинской ССР на 1 января 1991 года». Принятие этого положения означало фактическое признание территориальной целостности Грузии. Термин «общее государство» отличался от «единого государства», что открывало путь к его федеративному или конфедеративному устройству. Естественно, что эта формула сопровождалась целым рядом положений, которые могли гарантировать широчайшие права Абхазии как части общего государства – право отклонить любые законы грузинского парламента, неприемлемые для Абхазии, сохранение вооруженных сил в виде войск МВД, свобода в заключении экономических, культурных и политических (кроме дипломатических) отношений с другими странами и так далее и тому подобное.

Мне удалось уговорить Сухуми на начало абхазо-грузинских переговоров по этой схеме, но грузинское руководство тех времен не согласилось, требуя предварительной договоренности о единой конституции. Не помогли разъяснения, что главным конституционным актом будет совместно подписанный мирный договор между двумя сторонами, находившимися в войне друг с другом, и обеим сторонам нужно будет привести в соответствие с этим актом свои конституции. Тбилиси тогда, к огромному сожалению, отверг возможность продвинуться в урегулировании с Абхазией.

Не помогло даже то, что в августе 1997 года я привез президента Абхазии Ардзинбу в Тбилиси. Дело было нелегкое. Сначала пришлось уговаривать Ардзинбу, который дважды посещал меня в Сочи во время моего отпуска. Может быть, помогло и то, что он был научным сотрудником Института востоковедения и встречался со мной в то время, когда я возглавлял этот институт. Ардзинба был объявлен в розыск грузинской стороной и не был уже семь лет в Тбилиси. Дав согласие на полет туда в самолете министра иностранных дел России и под гарантию его безопасности (предварительно я говорил по телефону с Э.А. Шеварднадзе), не лишенный юмора, он сказал мне: «Мама спрашивает, брать ли теплые вещи?» Так или иначе, но в Тбилиси состоялась встреча Ардзинбы с Шеварднадзе, которая не дала результатов.

Аналогичная посредническая миссия России была предпринята в Кишиневе и Тирасполе. Там, правда, мне удалось уговорить стороны подписать соглашение, но вскоре выяснилось, что оно не выполняется. Позже много сделал для сближения позиций молдавской и приднестровской сторон заместитель секретаря Совета безопасности Российской Федерации Ю.А. Зубаков. Наконец, действовавший по указанию президента России Д.Н. Козак подготовил соглашение, которое было сначала одобрено сторонами, а потом президент Молдавии отказался его подписать.

Многочисленно осуществлялись Россией шаги с целью найти решение сложнейшей карабахской проблемы и сблизить позиции Азербайджана и Армении.

Так что попыток было немало с российской стороны привести дело к урегулированию конфликтов в Содружестве Независимых Государств. Но их ждала неудача. Не в последнюю очередь это произошло потому, что постсоветское пространство стало объектом не только экономической, но и политической экспансии из-за рубежа. На первом этапе, вскоре после крушения Советского Союза, активно проявили себя европейские страны и Турция. К странам Балтии, не вошедшим в СНГ, обозначился повышенный интерес Европейского союза. Объектом проникновения Румынии стала Молдавия. Бухарест вынашивал планы присоединения Молдавии к Румынии. Росло влияние европейских стран на Украину, особенно на ее западную часть. На первых порах, при президенте Шушкевиче, от западного, особенно польского, влияния в стороне не осталась и Белоруссия. Широкою экспансию в соседние с ней страны СНГ и в среднеазиатские республики осуществила Турция. Грузию, Азербайджан и другие восточные страны СНГ завалили турецкими товарами, местные гостиницы переполнили турецкие бизнесмены. Был такой период, когда Анкара надеялась, что ей удастся создать под своим руководством союз тюркоязычных государств.

Положение вскоре начало меняться, в том числе в результате разочарования от сверхтесного сотрудничества с Турцией, Румынией, некоторыми другими восточноевропейскими странами. К этому времени на постсоветском пространстве резко возросла активность Соединенных Штатов. В первую очередь это проявилось в экономической области, особенно в странах СНГ, богатых полезными ископаемыми. За экономикой последовала политика. Может быть, это случайные совпадения, но президентом Литвы стал гражданин США, Латвии – тоже гражданка с американским паспортом, президентом Грузии – человек, который несколько лет обучался в Соединенных Штатах и работал адвокатом в одной из американских компаний, президентом Украины – политический деятель, женившийся на американке.

Украину и Грузию возглавили лица, пришедшие к власти в результате «цветных революций». И на Украине, и в Грузии активнейшую роль – это даже не скрывалось – в смене существовавших правительственных структур играли посольства США в Киеве и Тбилиси.

Поддержку со стороны США вызвало создание объединения ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан и Молдавия; был там и Узбекистан, но он вышел из этого объединения), рассматриваемого как альтернатива СНГ. В «стратегическом плане» Государственного департамента на 2007–2012 годы говорится, что одна из задач американской политики – усилить сближение «новых демократий СНГ» (новыми демократиями в документе называются Грузия, Украина и Молдавия. – *Е.П.*) с европейскими и североатлантическими структурами путем оказания им «поддержки, поощрения и технических советов». Госдеп не скрывает и своего стремления распространить опыт этих «демократических стран» на остальных членов СНГ. «В других точках Евразии народы жаждут получить надежду, которую зажгли „цветные революции“ 2003–2005 годов», – говорится в документе.⁴³

Все более четко прослеживается стремление США усилить свои позиции в бывших среднеазиатских республиках СССР. И все очевиднее становятся два главных мотива такого стремления: участие США в энергетических проектах и расширение военного присутствия в регионе. Этим целям посвящены визиты в Таджикистан, Киргизию и другие центрально-азиатские государства многочисленных американских эмиссаров.

Ясно, что оказались завышенными многие российские надежды на развитие Содружества, да и не только российские, но и ряда других стран – членов СНГ. История СНГ стала историей создания странами – его членами различных организаций, многие из которых были порождены трудностями, а подчас и невозможностью в рамках всего Содружества решить интеграционные задачи в области экономики. По инициативе и при активном участии президента Казахстана Н.А. Назарбаева появилось Евразийское экономическое содружество (ЕврАзЭС), которое выросло из Таможенного союза стран СНГ. Для решения военно-политических вопросов возникла Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ), получавшая статус международной региональной структуры. В нее входят Россия, Киргизия, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Армения и Белоруссия. О целях создания этой организации сказал ее генеральный секретарь Н.Н. Бордюжа: «ОДКБ не предназначена для вмешательства во внутрисоюзные процессы, не может становиться каким-либо «жандармом» для своих государств-членов. При возникновении любых внутренних конфликтов мы последовательно выступаем за их разрешение исключительно мерами политического характера. Военный компонент Организации договора о коллективной безопасности предназначен исключительно для защиты государств-союзников от внешней агрессии третьих сил».⁴⁴

⁴³ Strategic Plan: Fiscal Years 2007–2012: Transformational Diplomacy. U.S. Department of State, U.S. Agency for International Development. P. 48.

⁴⁴ Новое поколение. 2008.11.07.

ОДКБ предназначена также бороться с незаконным оборотом наркотиков, противодействовать терроризму, принимать участие в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций.

Конечно, можно констатировать невыполнение целого ряда общедобренных странами СНГ решений. Однако сохранение этой организации полезно. В ее рамках на периодических саммитах происходит обмен мнениями между главами входящих в нее стран, что, как показывает жизнь, целесообразно. Содружество проводит работу в областях образования, контроля над миграцией, борьбе с международной преступностью. Вместе с тем центр тяжести уже давно перенесен на двусторонние отношения между странами – членами СНГ или на комбинации из тех стран, которые в наибольшей степени готовы к развитию и углублению интеграционных процессов. В создавшихся условиях это в первую очередь Россия, Казахстан и Белоруссия.

Очевидно, что неудачи Содружества во многом связаны с поднявшим голову национализмом в ряде вошедших в него стран. Но с самого начала создания Содружества Независимых Государств центральную роль в нем играла Россия – самая большая по территории, населению, экономическому, научно-техническому и оборонному потенциалу, да и в силу инерции советских времен. Поэтому нельзя выводить и Россию из-под критики за недостатки, столь очевидные в функционировании Содружества и в двусторонних отношениях России с бывшими республиками СССР. Упущенные возможности, например, в процессе создания Союзного государства с Белоруссией нельзя при всех его сложностях относить только за счет Минска. Серьезную долю ответственности за это несет и Москва. Ведь Союз с Белоруссией может создать принципиально иную для России геополитическую обстановку и способствовать развитию экономик двух стран.

В целом, очевидно, нам в ряде случаев не хватает признания на деле, а не только на словах, необходимости равноправных отношений с партнерами по СНГ, даже когда мы считаем, что они не во всем правы. Проявляется и другое: при выведении отношений со странами СНГ на уровень рентабельности – с таким намерением трудно не согласиться – подчас, однако, на второй план отодвигаются интеграционные задачи.

Бывает и так, что российское руководство упускает из-под контроля действие подчиненных ему структур. Когда в момент напряженности, пусть не по нашей вине, отношений с Грузией в 2006 году началась постыдная переписка в Москве лиц грузинской национальности, как писали газеты, даже в детских садах, В.В. Путин, остановивший эту вакханалию, сказал: «Заставь неумного человека Богу молиться, он и лоб себе расшибет».

Все эти замечания отнюдь не могут противопоставляться необходимой реакции на антироссийские действия. В августе 2008 года Россия не могла пройти мимо массовых убийств мирного населения, «ковровых обстрелов» Цхинвали, стрельбы по российским миротворцам. Все это получило вооруженный отпор со стороны России. Характерно, что на этот раз уже никто не «расшибал себе лоб», как это было в 2006 году. Это естественно. Нужно всегда помнить: руководства приходят и уходят, а Грузия и другие бывшие республики СССР будут существовать.

Нет сомнения в том, что мы ни в коем случае не должны терять партнерские связи со странами СНГ. Далеки от правильного выбора те, кто считает, что России нужно «уходить в себя». Свято место пусто не бывает, тем более когда наши слабости используют в своем проникновении на пространство СНГ Соединенные Штаты, игнорируя тот факт, что это один из главных раздражителей в российско-американских отношениях.

В августе 2008-го

Я не собираюсь подробно описывать всем известные события, но вот их канва. В ночь на 8 августа 2008 года сконцентрированные у границ Южной Осетии войска Грузии открыли массированный огонь по Цхинвали и, совершив бросок, оккупировали столицу и значительную часть непризнанной республики Южной Осетии. Началась операция с

кодовым названием «Чистое поле». Во время артобстрела с применением систем залпового огня погибло много мирных жителей. Огонь был открыт и по российским миротворцам, находившимся на территории Южной Осетии по соглашению 1992 года. Президент Медведев принял решение перебросить в помощь миротворцам российские вооруженные силы. В результате боевых действий подразделения Грузии были выбиты из Южной Осетии. Проводя операцию, как ее назвал Медведев, «принуждение Грузии к миру», российские войска нанесли удар по военным объектам Грузии за пределами Южной Осетии. Одновременно абхазские вооруженные силы заняли верхнюю часть Кодорского ущелья, в которую, вопреки подписанным соглашениям, за два года до этого были введены грузинские войска. С помощью президента Франции Н. Саркози российской и грузинской сторонами были приняты 6 пунктов, которые привели к прекращению военных действий. По призыву Государственной Думы и Совета Федерации, поддержавших волеизъявление населения Южной Осетии и Абхазии, президент Медведев официально признал их в качестве независимых государств. Представляется, что срочность решения о признании была вызвана не только настойчивыми призывами к этому, но также и тем, что Грузия в одностороннем порядке вышла из соглашения 1992 года, согласно которому в районе Южной Осетии находились российские миротворческие силы. Грузия вышла и из СНГ, что лишало юридической базы нахождение российских миротворческих сил и на территории Абхазии. В условиях проявленной агрессивности правительства Саакашвили, которого поддержали США, при этом заявив, что восстановят военный потенциал Грузии, сохранить воинские подразделения России на территории Южной Осетии и Абхазии – этого настойчиво требовала обстановка – было возможно, только признав независимость этих двух непризнанных республик. Вслед за признанием последовало подписание договоров о сотрудничестве России с Абхазией и Южной Осетией, которые содержали соответствующие военные статьи.

Западная печать, полностью игнорируя действительность, – это относится и к ряду западных лидеров – вывела из-под жесткой критики заслуживавшее этого грузинское руководство и обрушилась на Россию, обвиняя ее в «агрессии против Грузии». Постепенно, однако, ряд авторитетных западных изданий начали публиковать материалы, приближающиеся к реальной оценке событий. Уже 14 августа газета «Вашингтон пост», например, писала: «Несмотря на публичные заявления правительств Запада в поддержку Саакашвили, ряд западных дипломатов сейчас в частном порядке говорят, что грузинское руководство или военные совершили серьезную и, возможно, преступную ошибку, начав на прошлой неделе массированный обстрел столицы Южной Осетии Цхинвали, что неизбежно привело к большому числу погибших и раненых среди гражданского населения». Позже таких публикаций стало намного больше.

Важным является признание американской разведкой правоты России. Открытых заявлений со стороны американских спецслужб на сей счет, понятно, не было. Но на слушаниях в конгрессе США 9 сентября конгрессмен-республиканец (!) Д. Рорабакер сказал, что представители различных разведывательных служб США, с которыми он беседовал во время парламентских каникул, «...подтверждают: недавние боевые действия в Грузии и в ее сепаратистских провинциях были начаты Грузией... Русские – правы, мы – не правы. Грузины это начали, а русские этому положили конец».

Каковы были те пружины, которые подтолкнули Саакашвили к авантюре? Я позволю себе представить в этой связи ряд версий.

Первая: Саакашвили действовал самостоятельно, без санкций США, которые, если и предполагали возможность готовившейся акции – не одобряли ее. Газета «Нью-Йорк таймс», ссылаясь на сопровождавшего Кондолизу Райс в Тбилиси 9 июля высокопоставленного представителя администрации Буша, писала, что государственный секретарь США во время ужина с Саакашвили предупредила его, чтобы он не вступал в военный конфликт с Россией,

в котором он не может победить.⁴⁵ Посол США в России Дж. Байерли в беседе со мной сказал, что США еще в апреле, когда Саакашвили хотел совершить военную акцию против Абхазии, его остановили. И в этот раз его тоже предупреждала госсекретарь К. Райс.

То, что Саакашвили мог недооценить последствия своей авантюры, можно почерпнуть из интервью бывшего председателя парламента Грузии Н. Бурджанадзе, которое она дала газете «Тагесцайтунг». Отвечая на вопрос, были ли среди грузинского руководства люди, которые не рассчитывали на российскую реакцию, Бурджанадзе сказала: «Да, такие мнения были». Отвечая на другой вопрос о причинах ее отхода от Саакашвили, она сказала: «По некоторым вопросам у меня возникли разногласия с президентом. Я выступала за рациональную политику. И если оглянуться назад, то сейчас я понимаю, что во многом была права».⁴⁶ Это интервью было дано через неделю после вторжения грузинских войск в Южную Осетию.

Однако если массированное вторжение в Южную Осетию произошло без ведома США и даже против их воли, то тогда следует получить ответы на ряд вопросов. Известно, что в грузинской армии почти 200 американских военных советников. Американские гражданские советники внедрены практически во все правительственные структуры. Можно ли предположить, что они не были осведомлены о перебазировании к границе Южной Осетии бронетехники, артиллерии, подготовке авиации, создании огромного арсенала вооружений на подступах к этому региону для второго эшелона, запланированного под общую мобилизацию?

В то же время сомнительно, что администрация США не была осведомлена о неизбежной реакции России, которая, стремясь сорвать готовившееся вторжение в Южную Осетию и подчеркнуть, что не останется в стороне, устроила за несколько недель до приказа Саакашвили о нападении пролет звена своих самолетов над территорией Южной Осетии. Или в Вашингтоне не приняли этого сигнала? Неужели американская разведка, в том числе и техническая, работающая из космоса, могла не заметить, что на случай нападения на Цхинвали происходила перегруппировка российских вооруженных сил в Северо-Кавказском военном округе? Наконец, до американской стороны напрямую доводилось, что Россия будет активно реагировать на случай, если Грузия прибегнет к военной силе для решения абхазской или южноосетинской проблемы. Об опасности вооруженных действий со стороны Саакашвили ставились в известность Соединенные Штаты по многим каналам.

Следовательно, думать, что США не были осведомлены о планах грузинского руководства и о намерении России контрдействовать, не приходится.

Версия вторая: США знали о готовившейся акции Саакашвили, но не исключали, что его войска быстро выйдут к Рокскому туннелю, запрут его и реакция России будет в военном плане ограниченной, а в политическом – перевесит стремление не наносить ущерба отношениям с Вашингтоном, НАТО. Если эта версия соответствует действительности, то это очередной просчет аналитического аппарата, работающего на Белый дом.

Прежде всего, это выражается в переоценке боеспособности грузинских вооруженных сил. Очевидно, грех на душе американских инструкторов, которые докладывали о высоких показателях своей работы. Несомненно, сказались на этой переоценке и надежды на то, что грузинская армия прекрасно оснастилась в течение нескольких лет поступающим из США, Украины, Румынии, Израиля первоклассным современным вооружением. Собственно, военспецы, работающие в зарубежных странах, как правило, преувеличивают плоды своей деятельности. Помню, как советские военные советники в Египте и Сирии в 60-х и 70-х годах докладывали о высокой боеспособности воинских частей этих стран. Но помню и другое: Москва, имевшая много источников помимо военных специалистов, получала

⁴⁵ См.: The New York Times. 2008.12.08.

⁴⁶ Die Tageszeitung. 2008.15.08.

информацию значительно более объективную.

Аналитическим аппаратом Вашингтона навряд ли могли быть недооценены также неизбежность и масштабность российской реакции на вооруженные действия, развязанные Саакашвили. Обозреватель лондонской «Таймс» Майкл Биньон⁴⁷ писал: «В России на протяжении нескольких лет нарастало недовольство, и это можно понять: крушение империи, жгучее чувство обиды, страх, что после экономического развала и хаоса, царившего в стране в 90-е годы, с Россией больше не будут считаться». Говоря о дополнительных причинах накапливаемого недовольства в России, Биньон перечисляет: «...безразличие администрации Клинтона к интересам России, особенно на Балканах, теплый прием, оказанный в НАТО бывшим странам Варшавского договора. К этому добавился неоконсервативный курс президента Буша, не нашедшего для России места на мировой арене, неблагодарность Вашингтона в ответ на поддержку и помощь, оказанную Кремлем Америке после событий 11 сентября в борьбе с терроризмом, войне в Афганистане и сборе данных об экстремистах». «Подталкивание бывших советских республик к «свободе», – пишет Биньон, – также явилось дополнительным раздражителем, так как фактически развязало руки враждебным России силам... Дело в том, что Грузия попыталась стать для США партнером на Кавказе и превратиться в форпост американского влияния на регион».⁴⁸

Думать, что Москва будет постоянно уходить от ответа на все против нее выпады, особенно на Кавказе – историческом регионе особых интересов России, в непосредственном ее «подбрюшье», – было бы попросту наивно.

Так или иначе, но США не могут быть непричастными к этому кризису, хотя бы потому, что, по словам Клиффорда Купчана, специалиста по России из консалтинговой компании Eurasia Group, перед началом военных действий они посылали Саакашвили «двойственные сигналы». «В частных беседах, – сказал Купчан, – американцы призывали к сдержанности, зато в публичных выступлениях представители обеих палат занимались подстрекательством. Америка как государство слишком сблизилась с ним, и после семи лет раздувания гнева России он попался ей под руку».⁴⁹

Версия третья: Влиятельная часть американского руководства, с которой был особенно тесно связан Саакашвили, благословила его на применение силы, не только понимая, но и рассчитывая на неизбежную военную реакцию России. «Мне кажется, что Госдепартамент старательно призывал к сдержанности, а вот приятели Саакашвили в Белом доме и секретариате вице-президента его постоянно подзуживали». Это свидетельство принадлежит Дэвиду Филипсу – старшему научному сотруднику Атлантического совета (Atlantic Council). Трудно с ним не согласиться. Да и момент для нападения на Южную Осетию был выбран особый: Буш находился в Пекине на Олимпийских играх, а в стране его замещал известный своими антироссийскими настроениями вице-президент Чейни. «Твердолобые представители администрации используют этот кризис как подтверждение правильности предложения изолировать Москву», – писала газета «Лос-Анджелес таймс». Сразу же активизировался Чейни, заявивший, что «агрессию России нельзя оставлять без ответа». Советник администрации США неоконсерватор Ф. Каган «высоко оценил заявление Чейни» и, по словам этой газеты, «...вместе с другими неоконсерваторами приступил к разработке аргументов для уже начавшегося формирования политики в условиях после грузинского кризиса».⁵⁰ Одним из конкретных предложений такой политики он поделился, выступая на

⁴⁷ Один из тех, кто хорошо знает Россию, так как в 1978 г. возглавил бюро газеты в Москве, имеет две премии британской прессы за репортажи из Москвы, автор книги «Жизнь в России».

⁴⁸ The Times. 2008.14.02.

⁴⁹ Цит. по: The Washington Times. 2008.04.09.

⁵⁰ Los Angeles Times. 2008.13.08.

конференции, организованной влиятельным неправительственным институтом США «Америкэн энтерпрайз институт» (American Enterprise Institute). По словам Кагана, «...военная доктрина НАТО не может более базироваться на принципе отсутствия угрозы членам НАТО со стороны России. В связи с этим цели и задачи альянса должны быть радикально пересмотрены». Каган призвал, в частности, следующую администрацию США рассмотреть вопрос о поставке в страны Балтии систем перехвата российских самолетов.

Характерно, что призывы неоконсерваторов вновь стали воплощаться в политику США. На совещании министров обороны стран НАТО в Будапеште в октябре 2008 года глава военного командования этого альянса американский генерал Джеймс Креддок предложил разработать стратегический план по обороне стран Восточной Европы. По словам генерала, в качестве первого шага такой план должен быть разработан для Эстонии.

Не пытался ли Чейни и окружавшие его неоконсерваторы, с которыми президенту Бушу пришлось расстаться, взять реванш? Они могли быть особенно разочарованы тем, что в последние месяцы наблюдалось некоторое потепление в американо-российских отношениях, начались обсуждения проблемы американской системы ПРО, сокращения стратегических вооружений, активизации экономических связей.

В интервью телекомпании CNN В.В. Путин вполне логично предположил, что подтолкнули Саакашвили к атаке в Южной Осетии те, кто стремился усилить предвыборные позиции «одного из кандидатов в президенты США». Путин дипломатично не назвал его имени, но о ком шла речь, ясно и без этого. Газета «Уолл-стрит джорнал» накануне поездки вице-президента Чейни в Грузию поместила статью под заголовком «После визита Чейни на Кавказ политика в отношении России может ужесточиться». Автор статьи уточнил мотивы этого визита: «...привлечь мир на сторону Грузии или же сплотить американских избирателей вокруг сенатора Маккейна, воинственно относящегося к России».⁵¹

К этому можно добавить, что Маккейн постоянно разговаривал по телефону с «другом Саакашвили».

«Несмотря на свои многочисленные неудачи, видные неоконсерваторы дают сейчас рекомендации кандидату от республиканской партии Джону Маккейну, постоянно появляются на страницах печати, в ток-шоу на телевидении и в аналитических журналах. И напротив, реалисты стали вымирающим видом в пределах вашингтонской кольцевой автодороги, голос которых почти не слышен на обсуждениях вопросов современной политики».⁵² Так резюмировал состояние предвыборных дел в США профессор Стивен Уолт.

Интересный факт привел президент Фонда Никсона Дмитрий Саймс. Во время ужина, который в его центре давали несколько лет назад в честь Саакашвили, Саймс спросил выступавшего с докладом гостя, что тот думает о словах, сказанных президентом Никсоном первому президенту Грузии Гамсахурдия: «Что бы вам ни говорили ваши друзья и почитатели в США, Америка не станет из-за Грузии ввязываться в войну с Россией». Саакашвили ответил, что он не Гамсахурдия и осознает всю важность нормальных отношений с Россией. Председательствовавший на ужине Маккейн (да, тот самый Маккейн) поблагодарил Саакашвили за его доклад и, очевидно, имея в виду вопрос Саймса, сказал, что для Грузии важно соблюдать осторожность, но не менее важно для нее знать: она может рассчитывать на поддержку Америки в деле защиты своей независимости.⁵³

Есть объяснения и жестким антироссийским заявлениям Буша и Райс. Как

⁵¹ The Wall Street Journal. 2008.02.09.

⁵² The National Interest. 2008. № 97. Sept./Oct. P. 26.

⁵³ См.: The Washington Times. 2008.18.09.

представляется, они носили скорее обязательный характер в ситуации, которая требовала, по их мнению, соответствующей реакции, хотя бы показной (ввод американских кораблей в Черное море), когда возвращенный ими лидер «демократической Грузии» так проиграл в затеянной им авантюре. А может быть, их безоговорочно жесткие заявления были призваны затушевать «неоднородность» в подходах к России со стороны различных частей американского руководства, да и повлиять на Европу, которая все больше делится на старых – умеренных и новых – «задорноголосистых» членов ЕС и НАТО. Может быть, их подстегнуло стремление не нанести вред ставленнику республиканцев Маккейну?

В упомянутой мной беседе с послом Байерли он рассказал, что «кое-кто» после событий в Южной Осетии не хотел его возвращения из Вашингтона в Москву, но Буш, по его словам, сказал: «...не нужно наносить дополнительный ущерб двусторонним отношениям». Это замечание посла, как мне кажется, укладывается в систему взглядов на неоднородность американского руководства по поводу возможного конфликта с Россией. Однако после того как президентом США избран Барак Обама, описываемый американским послом эпизод уже отошел в историю. А как далеко зайдут США в жестком курсе в отношении России, покажет время.

Российские действия в ответ на попытку Саакашвили силой решить южноосетинскую проблему одобряются преобладающим большинством населения России. Особенное негодование вызвала необъективная реакция на российские действия во многих странах Запада. Но не секрет, что при этом российское общество было болезненно затронуто тем, что вначале отмолчались наши союзники из стран СНГ и тем более по Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Очевидно, в чем-то мы переоценили отношения внутри Содружества и ОДКБ. Показателен и тот факт, что после агрессии Грузии на очередной встрече в верхах ОДКБ проявилась реальная оценка событий и солидарность с Россией, но вопрос о признании Абхазии и Южной Осетии самостоятельными государствами не был решен коллективно и отнесен к рассмотрению каждой из стран – участниц Договора. Это должно стать предметом изучения.

Обратила на себя внимание также определенная недооценка нами необходимости публичной критики тех в Южной Осетии, кто, чем бы они ни оправдывались, могли своими заявлениями и действиями разрушить двухнациональный характер рождаемого государства. Российская позиция была ясна. Есть примеры и того, как наши армейцы защищали грузинские села от мародеров. Отпор был дан, мягко говоря, непродуманному заявлению, что грузинским беженцам не будет разрешено возвращаться в свои села. Но следовало, очевидно, сделать все, чтобы «в отместку» не были разрушены грузинские села (слава Богу, уже покинутые жителями).

Глава VIII

Ценности, которые нельзя терять

Существует ли вероятность того, что Вашингтон может пренебречь жизненно важными интересами мирового сообщества и позволит чаще исторических весов, заполненной пусть даже значительными, но конъюнктурными неурядицами, перетянуть другую чашу со стратегическими ценностями, необходимыми для поддержания стабильности и безопасности в мире? К стратегическим ценностям российско-американского сотрудничества я отношу в первую очередь противодействие распространению ядерного оружия, ограничение и сокращение ракетно-ядерных вооружений, урегулирование региональных конфликтов.

Ядерная опасность: Иран и Северная Корея

На стыке XX и XXI веков особенно острый характер приобрела проблема распространения ядерного оружия. Заявила о своем намерении осуществлять военную

ядерную программу КНДР. Не заявляя об этом, резко активизировал работу по обогащению урана, пройдя весь цикл и быстрыми темпами наращивая необходимое техническое оборудование, Иран.

Официально ядерными державами считаются пять стран – США, Россия, Китай, Великобритания и Франция. Их ядерный статус закреплен постоянным членством в Совете Безопасности ООН. С ядерным оружием в руках этой «пятерки» мир смирился, но с учетом необходимости его сокращения. Примиренческой реакции в немалой степени способствовал успех политики ядерного сдерживания во время холодной войны.

Однако такое отношение не распространяется на всех тех, кто стучится в двери ядерного клуба в настоящее время, и этому есть свои причины.

Помимо официальной «пятерки» уже существуют три неофициальных (непризнаваемых) ядерных государства – Индия, Пакистан и Израиль. В отношении этой «тройки» высказываются различные точки зрения при весьма распространенном выводе, что появление у нее ядерного оружия не отдаляет, а, напротив, может приблизить перспективу его применения. Помню, как в 1996 году президент Клинтон, принимая меня, в ту пору министра иностранных дел России, сказал: «Самой большой угрозой в XXI веке может стать ядерное столкновение между Индией и Пакистаном». Отношения между этими государствами вступили в стадию разрядки. Все это было, правда, до осуществления зверского террористического акта в Мумбаи в конце ноября 2008 года. Отношения между Индией и Пакистаном снова напряглись.

Но нельзя закрывать глаза на то, что у ядерной проблемы в Индостане есть и другая сторона. Опасно игнорировать тот факт, что внутренняя обстановка в Пакистане далека от стабильности. И это в условиях, когда в стране много сторонников афганских талибов, организация которых в свое время была создана с прямым участием пакистанской военной разведки. Исторический опыт уже свидетельствовал, что из Пакистана «утекали» ядерные технологии. Сегодня речь идет о том, что из дестабилизированного Пакистана может «утечь» ядерное оружие в руки террористических организаций или близких к ним талибов.

Ядерным государством стал и Израиль. Существует немало людей, которые оправдывают это тем, что «маленький израильский островок» окружен огромным враждебным ему арабским миром. Такое объяснение имело бы смысл, если бы ядерное оружие Израиля было «средством сдерживания» и Израиль не стоял у истоков преобладающего числа войн и военных операций на Ближнем Востоке, не говоря уже о людской скученности, арабо-израильской чересполосице.

Если говорить об иранском факторе, который, дескать, оправдывает наличие у Израиля ядерного потенциала, то следует напомнить, что Израиль вышел на обладание ядерным оружием тогда, когда у власти в Тегеране еще находился шах, который имел наилучшие отношения с израильским руководством. Нынешние иранские власти враждебно настроены в отношении Израиля – это факт. Но и в данном случае трудно говорить о «сдерживающем» характере израильского ядерного оружия. Нет оснований считать, что Иран инициативно готовится к нападению на Израиль. В то же время наличие ядерного вооружения у Израиля может подталкивать Иран к форсированному осуществлению военной ядерной программы.

Иран настойчиво заявляет о мирном характере всех своих ядерных работ. И действительно, Иран не вышел из Договора о нераспространении ядерного оружия и не нарушает буквы этого Договора. Однако на таком благоприятном для Ирана фоне особенно нелепо выглядит целый ряд заявлений и действий иранской стороны, которые, казалось бы, должны уверять в мирном характере его ядерной программы.

Первое. Позитивные заявления о готовности поставить под контроль МАГАТЭ всю свою ядерную программу несовместимы с фактическим отказом Тегерана дать ответ на часть вопросов агентства относительно прошлой деятельности Ирана в этой сфере. МАГАТЭ провело несколько раундов переговоров с Ираном. Вначале переговоры шли успешно, но по докладу генерального директора агентства Аль-Барадея, представленному в конце мая 2008 года, Иран не прояснил вопроса о «предполагаемых исследованиях». Этот вопрос является,

как доложил Аль-Барадей, «...важным для оценки прошлой и нынешней ядерной программы Ирана».

Второе. Иран, по сути, уходит от определения позиции по предложению обогащать уран для мирных целей на российской территории. Точно так же Иран не склонен даже упоминать о более широком предложении президента Путина, которое могло бы создать выход из щекотливого положения: всем странам (подчеркиваю: не только Ирану, но всем), осуществляющим мирные ядерные программы, обогащать уран в центрах, образованных рядом государств, обладающих соответствующими возможностями.

Третье. Противоречивые сигналы из Тегерана поступают в то время, когда происходит ускорение работ в Иране по созданию каскадов центрифуг для обогащения урана, что при достижении их критического числа может быть использовано как в мирных, так и в немирных целях. Многие расценивают такую позицию как стремление выиграть время.

Я принадлежу к тем, кто, несмотря на все эти двусмысленности, не верит, что в Иране уже принято политическое решение о создании ядерного оружия. Но не ясно ли, что в случае раскручивания нынешней иранской тактики таких «Неверов» будет все меньше?

В этих условиях обозначились и сохраняются два подхода к иранской ядерной проблеме. Отрицая на словах, что готовится военная операция против Ирана, США стягивают военно-морские силы в зону Персидского залива. При этом ставка делается на навязывание Ирану решения с помощью силового варианта. Россия и Китай не считают, что исчерпаны все дипломатические и переговорные возможности. Европа колеблется, но не в сторону применения военной силы.

Выбор военного пути для решения иранской ядерной проблемы чреват последствиями даже похлеще тех, что мы наблюдали в Ираке. Можно прогнозировать не только более сильный отпор интервентам со стороны иранских вооруженных сил, но и открытие «второго фронта» против американской армии в соседнем с Ираном Ираке. Это еще больше осложнит попытки привести Ирак к умиротворению.

При ставке на военную силу игнорируется также и внутрииранский фактор. В Иране существуют группы лиц, выражающих несогласие с «излишне радикальной» линией, которая ведет страну к изоляции и серьезным экономическим трудностям. Еще сравнительно недавно немало иранцев группировалось вокруг тогдашнего президента Хашеми, поддерживая курс на демократизацию. Однако в случае применения силы против Ирана, уверен, произойдет сплочение всего иранского политического класса.

В отсутствие в Тегеране безоговорочного единства по вопросу об отказе принять компромиссную линию, способную вывести ядерную проблему из тупика, я убедился и сам, находясь в Тегеране в апреле 2007 года по приглашению Али Вилаяти – бывшего министра иностранных дел Ирана, а ныне советника духовного лидера страны Хаменеи.

О моей предстоящей поездке в Иран В.В. Путин сообщил Дж. Бушу во время встречи с ним в Сиднее на переговорах стран – участниц АТЭС. Некоторые детали этой поездки обсудили в Сиднее С.В. Лавров и К. Райс. Так что можно считать – Россия и США работали согласованно. Президент Путин при этом рассчитывал на успех моей миссии в стремлении побудить Иран предпринять позитивные шаги, чтобы избежать принятия новых резолюций Совета Безопасности ООН, ужесточающих меры против Ирана. «Надо нам всем подумать, какой дополнительный сигнал нужно послать иранцам, – сказал Бушу Путин. – Надо предложить им под любым предлогом заморозить обогащение урана. Пусть даже скажут, что они достигли всего, чего хотели, уже освоили технологии». И Буш, и Райс согласились с такой постановкой.

Перед отъездом я получил инструкции от президента России и на их основе провел встречи с иранскими руководителями. К идее «пакета», составленного из моратория на обогащение урана и переговоров с США в рамках «шестерки» (включающей помимо России и США Великобританию, КНР, Францию и Германию), очень внимательно отнесся Вилаяти. Обнадеживающе прозвучали слова президента Ахмединежада, что он должен обсудить эту тему с советниками. А министр иностранных дел Ирана М. Моттаки без обиняков отклонил

эту идею.

В октябре в Тегеране состоялся саммит прикаспийских государств. Вопрос о моратории Ирана на обогащение урана упорно ставился В.В. Путиным перед иранскими коллегами. В то время иранское руководство так и не пришло к восприятию этого предложения. Однако, по имеющейся информации, визит президента России увеличил число тех, кто в Иране расположен к поискам взаимоприемлемого решения.

Все-таки думаю, что здравый смысл восторжествует и Иран согласится на предлагаемые компромиссы, которые позволят ему при сохранении лица снять напряженность и активизировать международное сотрудничество в развитии невоенной ядерной программы. Это, конечно, будет зависеть от того набора средств, которые хотят использовать США против Ирана. Предотвращение выхода Ирана на ядерное вооружение может быть обеспечено лишь при коллективных, согласованных усилиях мирового сообщества, в первую очередь США и России.

В случае с противодействием ядерному вооружению КНДР критическое значение приобрело совместное участие в этом процессе не только США и России, но особенно Китая.

Отличие КНДР от Ирана в том, что Северная Корея открыто заявила о своем намерении работать над созданием ядерного оружия. Официально КНДР мотивировала стремление выйти на обладание ядерным оружием еще в первой половине 90-х годов XX века необходимостью обеспечить свою безопасность. Гипотетически тогда могла рассматриваться угроза со стороны Республики Кореи, вплотную поддерживаемой Соединенными Штатами. В нынешних условиях такая «традиционная» угроза практически исключается. Отношения между двумя Кореями стали гораздо лучше после провозглашения президентом РК Ким Де Чжунгом так называемого курса «солнечного тепла». В 2000 году была подписана совместная декларация Севера и Юга в Пхеньяне, в которой сделан акцент на экономическое сотрудничество двух государств. Сняв угрозу форсированного объединения двух Кореи, чего опасаются и в Сеуле, и в Токио, и в Пекине, так как это неизбежно приведет к потоку беженцев из Северной Кореи, соглашение создало условия для действительного сближения двух корейских государств.

При администрации Клинтона спало напряжение между США и КНДР. Этому способствовали поездка в Вашингтон первого заместителя Ким Чен Ира по комитету обороны, а также шестичасовая беседа в Пхеньяне с Ким Чен Иром госсекретаря США Мадлен Олбрайт. После прихода к власти в США администрации Буша, который еще в предвыборной борьбе сделал упор на критику внешней политики Клинтона, вновь произошло обострение отношений США с КНДР. Вначале конфронтация сводилась к словесной полемике. Однако после событий 11 сентября враждебность со стороны Соединенных Штатов к КНДР резко возросла. Северная Корея была названа «осью зла», и были приведены в боевую готовность вооруженные силы Соединенных Штатов в Южной Корее. Произошло наращивание американских вооруженных сил и на подступах к Корейскому полуострову. Расчет американской администрации, по-видимому, исходил из прогнозов скорой смены режима в КНДР.

В это время началось обострение обстановки и со стороны КНДР, которая, судя по всему, решила пойти ва-банк, бросив на стол свою, может быть, даже последнюю «козырную карту» – угрозу ядерного конфликта. В октябре 2002 года КНДР демонстративно подтвердила наличие ядерной программы на основе высокообогащенного урана. 14 ноября США прекратили поставки мазута, которые должны были компенсировать потери КНДР от отказа на строительство собственных газографитовых реакторов. В ответ Пхеньян объявил о немедленном возобновлении строительства ядерных объектов, а 24 декабря прекратил деятельность инспекторов МАГАТЭ. В начале 2003 года КНДР вышла из Договора о нераспространении ядерного оружия.

В таких условиях было предложено вести переговоры в рамках «шестерки» – США, Китая, России, Японии и двух корейских государств. Начавшиеся переговоры сработали далеко не сразу. Пиком напряженности стал 2006 год. В июле, прервав мораторий на

ракетные испытания, КНДР запустила шесть ракет, включая баллистическую дальнего действия. После принятия Советом Безопасности ООН резолюции, осуждавшей Пхеньян за ракетные испытания, Северная Корея впервые провела подземные испытания ядерного оружия. Совет Безопасности принял резолюцию, предусматривающую санкции против КНДР. Китай сократил на две трети продовольственные поставки в страну. Через три недели после ядерных испытаний КНДР согласилась вернуться за стол переговоров «шестерки», подчеркнув, что это решение было принято в условиях возможности двусторонних консультаций между КНДР и США по вопросу об отмене финансовых санкций.

Военные обстоятельства, по-видимому, не единственные, которые мотивировали стремление КНДР продвинуть ядерную программу. Решение о ее развитии или свертывании рассматривается Пхеньяном в качестве важного рычага в проводимой им внешнеполитической многофункциональной «игре».

Одна из ее функций – попытка создать условия для экономического роста. Экономическая ситуация в Северной Корее остается трудной, особенно в обеспечении населения продовольствием. Положение усугублялось в результате стихийных бедствий. Около трети населения выжило благодаря гуманитарным поставкам из-за рубежа, главным образом из Китая.

Однако, как представляется, неправильно считать, что в КНДР ничего не меняется. Не исключено, что через определенный период страна может принять, скажем, вьетнамскую модель реформирования, одобренную местной спецификой. Но для перехода к реформам нужен период стабилизации, включающий, безусловно, стабильную социально-экономическую обстановку. В таких условиях особое значение приобретает сохранение и развитие гуманитарной поддержки со стороны других стран и привлечение иностранных инвестиций.

Немаловажное значение для экономической стабилизации в КНДР имеет решение стоящих перед ней острых энергетических проблем.

На возобновившихся переговорах «шестерки» в Пекине США фактически приняли пакетную форму решения, то есть согласились с тем, что отказ КНДР от ядерной программы может быть компенсирован целым рядом мер, включая экономические. Представляется, что эволюция американской позиции в отношении КНДР была продиктована пониманием серьезных рисков, связанных с ядерным вооружением Северной Кореи, которые распространяются далеко за пределы этой страны – ядерная зона может расшириться за счет Японии, Республики Кореи и, возможно, Тайваня. Это грозит дестабилизацией положения в этом регионе и создаст прецедент для «пороговых» и «предпороговых» стран в других регионах мира. Военная ядерная программа КНДР может резко ослабить, если не похоронить, Договор о нераспространении ядерного оружия.

По всем этим вопросам совпадают интересы США, КНР, Японии, России, РК. Обширное поле совпадения интересов создало объективную основу для выхода из кризиса дипломатическими методами. Сначала Северная Корея остановила ядерный реактор в Йонбене после того, как в порт Сонбон прибыл танкер с мазутом – часть компенсации, обещанной США, Китаем, Россией, Южной Кореей и Японией. Через год, в июле 2008 года, КНДР передала Китаю сведения о своих ядерных программах и взорвала охладительную башню главного ядерного реактора в Йонбене.

Однако 14 августа 2008 года КНДР «приостановила» процесс денуклеаризации, о котором состоялась договоренность «шестерки» 3 октября 2007 года. В заявлении северокорейского агентства ЦТАК говорилось, что руководство КНДР собирается «...рассмотреть вопрос о восстановлении объектов в Йонбене до их прежнего состояния». КНДР заявила, что прекращает ядерное разоружение, так как США не выполняют свои обязательства по исключению Северной Кореи из списка стран, поддерживающих терроризм.

Думаю, что инициатива Пхеньяна неслучайно совпала по времени с конфликтом вокруг Южной Осетии. Это еще раз подчеркивает необходимость сохранения нормальных

партнерских отношений между США и Россией. Без этого практически невозможно решить проблему и Северной Кореи, и Ирана, да и вообще преградить пути распространения ядерного оружия в мире, что создает огромную опасность для всего человечества.

Хорошо, что Северная Корея после признания США необходимости вычеркнуть ее из «террористического списка» вернулась к ликвидации своих военных ядерных объектов. Будем надеяться, что отход от согласованной «шестеркой» позиции – последний.

Стоит ли пренебрегать контролем над вооружениями

Распространение ядерного оружия происходит не без влияния того, что уже состоявшиеся и общепризнанные ядерные государства не могут договориться о постепенном ядерном разоружении. Уповать на то, что этот процесс начнется в близлежащий период, не приходится. В таких условиях для всего мирового сообщества приобретают еще большее значение договоренности ядерных держав об ограничении и сокращении имеющихся у них военных ядерных средств.

Эта позиция разделяется практически всеми специалистами, в том числе и американскими. Г. Киссинджер, Дж. Шульц, У. Перри, С. Нанн в статье, опубликованной 15 января 2008 года в газете «Уолл-стрит джорнал»,⁵⁴ писали, что должны быть продлены ключевые положения Договора о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ), проведены переговоры по созданию совместной многосторонней системы противоракетной обороны и раннего предупреждения. Авторы статьи делают упор на особое значение в этом процессе США и России, обладающих почти 95 процентами ядерных боеголовок в мире, а также уникальным опытом ядерного разоружения.

О своей принципиальной поддержке авторов проекта, начатого в 2007 году, по переходу к миру без ядерного оружия заявили также многие другие бывшие высокопоставленные лица США. Среди них – М. Олбрайт, Р. Аллен, Дж. Бейкер, С. Бергер, З. Бжезинский, Ф. Карлуччи, У. Кристофер, У. Коэн, Л. Иглбергер, Р. Макнамара, К. Пауэлл, Т. Грэм и другие.

При напряжении воли, понимании жизненной необходимости найти решения, согласия идти на обоюдные уступки две державы, обладающие самыми крупными ядерными потенциалами, – Соединенные Штаты и Советский Союз (правопреемница СССР – Россия), прошли часть нелегкого пути ограничения ядерных вооружений. Другие ядерные государства пока несопоставимы с двумя гигантами в военно-ядерной сфере. Но от американо-российских договоренностей в решающей степени зависит и их включение в процесс сокращения ядерного оружия. А необходимость такого включения нарастает по мере увеличения военного ядерного потенциала Китая, Великобритании, Франции.

В свое время согласованные США и СССР документы целенаправленно охватили две основные сферы – наступательные ядерные вооружения и противоракетные системы. Главными вехами можно считать юридически обязывающие документы – Договор о СНВ, который был подписан 31 июля 1991 года и вступил в силу 5 декабря 1994 года, и Договор о противоракетной обороне (ПРО), подписанный в разгар холодной войны в 1972 году. Последний налагал серьезные количественные и качественные ограничения на создание боевых систем противоракетного оружия.

Эти два договора являются эталонными. Конечно, развивается техника, появляются новые технологии, которые не могут не влиять на процесс ограничения вооружений. Но подписанты этих договоров должны были исходить из того, что изменения могут вноситься в букву, а не в дух согласованных документов. В бытность мою министром иностранных дел мы договорились с американцами, что по мере развития техники любые отступления от Договора по ПРО могут осуществляться по согласованию между двумя сторонами. Удалось,

⁵⁴ The Wall Street Journal. 2008.15.01. P. A13.

например, прийти к соглашению о нестратегической ПРО с целью не допустить ее «перерастания» в глобальную систему с выходом в космос. Но кончилось все тем, что США односторонне вышли в 2002 году из Договора по ПРО. Так был ликвидирован один из столпов контроля над вооружениями.

Что касается Договора о СНВ, то срок его действия истекает 5 декабря 2009 года. В случае, если не удастся его продление или, что несомненно лучше, подписание нового Договора о СНВ, учитывающего сегодняшние реалии, будет вообще снята преграда с гонки ядерных вооружений.

Нужно отметить, что речь идет о действующем Договоре о СНВ. В конце 2001 года завершился семилетний период, в течение которого должны были быть завершены предусмотренные договором ограничения. Ни США, ни Россия не вышли за обговоренные пределы. До декабря 2009 года будут действовать и качественные ограничители на стратегические наступательные вооружения, в том числе запрет на их размещение вне пределов национальных территорий. Но только до конца 2009 года.

С 2006 года по инициативе В.В. Путина ведутся переговоры России и США с целью достижения новой договоренности по СНВ. Обнадеживающее совместное заявление было принято 3 июля 2007 года министром иностранных дел России С.В. Лавровым и госсекретарем США К. Райс, в котором подчеркивалось намерение двух стран осуществить сокращение стратегических наступательных ядерных вооружений до «минимально возможного уровня, отвечающего требованиям обеспечения их национальной безопасности и союзническим обязательствам». Следовательно, оба государства готовы взять на себя обязательства по установлению как можно более низкого потолка для наступательных ядерных средств. Однако в процессе конкретного обмена мнениями на экспертном уровне выявилась особенность американского подхода: США предлагали свести все к мерам транспарентности, которые, конечно, необходимы. Но одновременно США не пошли на полноценные меры по ограничению вооружений, в частности, на установление пределов на количество носителей СНВ и отказ от базирования СНВ за пределами национальных территорий.

Суть американских предложений в том, чтобы подвести под сокращение лишь «оперативно развернутые боезаряды». В таком случае за пределы договоренностей выводятся боезаряды и носители на складах. И, что тоже очень важно, за пределы договоренностей предлагается вывести число ракет-носителей. Иными словами, США не хотят переносить в новый документ «сердцевину» договора, заканчивающего свой жизненный путь.

Эти же цели, очевидно, преследовали американские эксперты, выдвинув предложение, по сути, заменить Договор о СНВ модернизированным Договором о сокращении стратегических наступательных потенциалов (ДСНП), подписанным в 2002 году (московский договор). Московский договор сам по себе не может быть признан надежным инструментом по контролю за сокращением стратегических наступательных вооружений. ДСНП заключался с опорой на ДСНВ. Он охватывает лишь «оперативно развернутые» стратегические ядерные боезаряды и может рассматриваться лишь как дополнение к ДСНВ, а не наоборот.

Не стоит ли за всем этим стремление обеспечить выполнение программы под кодовым названием «Немедленный глобальный удар». Эта программа получила бюджетное финансирование отдельной строкой – уже в этом проявляется особое к ней внимание. Разъяснения сводятся к тому, что создается неядерный потенциал, который может быть использован против любой страны, заподозренной в связях с международным терроризмом. С этой целью Пентагон дал указания устанавливать обычные боезаряды взамен ядерных боеголовок на определенном числе межконтинентальных баллистических ракет шахтного и морского базирования и ускорить создание новой сверхскоростной крылатой ракеты.

Ряд экспертов рассматривают программу «Немедленный глобальный удар» как предвестник американского отказа от продления Договора о СНВ, который создает

ограничения для применения стратегических ракет не только в ядерном, но и внеядерном исполнении. Между тем неядерные стратегические ракеты вполне сопоставимы по своей разрушительной мощи с ядерными. Создание нового типа стратегического оружия прямо бьет и по существующей системе предупреждения о ракетных пусках. По мнению специалистов, отличить стартовую неядерную ракету от ядерной технически невозможно.

Все эти озабоченности должны обсуждаться.

В нынешнее время приобретает значение и российско-американское сотрудничество по Договору о ликвидации ракет средней (1000–5500 км) и меньшей (500–1000) дальности (ДРСМД), подписанному двумя государствами 8 декабря 1987 года. Этот договор – бессрочный, его выполнение строго контролируется.

Значение этого договора проистекает также из того, что это первый шаг на пути ракетно-ядерного разоружения.

Но он ограничивает деятельность в сфере военных ядерных средств лишь двух государств – России и США. Между тем такие государства, как Китай, Индия, Израиль, Пакистан, обладающие ядерным вооружением, а также КНДР, Республика Корея и другие – всего более 20 стран мира – имеют ракеты средней и меньшей дальности или осуществляют планы их создания. Закономерно, что в такой ситуации В.В. Путин на встрече с госсекретарем США К. Райс и министром обороны США Р. Гейтсом 12 октября 2007 года предложил преобразовать двусторонний Договор о РСМД в международный механизм. Это предложение нашло отклик с американской стороны, и на сессии Генеральной Ассамблеи ООН было распространено российско-американское заявление, призывающее мировое сообщество начать обсуждение возможности придать всеобщий характер режиму отказа от баллистических и крылатых ракет наземного базирования дальностью от 500 км. Призыв поддержало значительное число государств, но, конечно, американо-российское сотрудничество в этой области нужно было бы продолжить, так как далеко не все согласны отказаться от целого класса ракетно-ядерных вооружений.

И наконец, о ситуации вокруг Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). Этот бессрочный договор был подписан в ноябре 1992 года странами – участницами двух военных союзов – НАТО и Варшавского договора. Он основывался на балансе сил двух групп государств и в нынешних условиях – это очевидно – безнадежно устарел. Понимая это, государства – участники ДОВСЕ подписали в 1999 году в Стамбуле Соглашение об адаптации договора. Но это соглашение не вступило в силу, прежде всего, из-за того, что страны НАТО его не ратифицировали. В то же время развился процесс расширения Североатлантического союза.

Продолжение такой ситуации наносило ущерб безопасности России, и она приостановила действие старого ДОВСЕ с 12 декабря 2007 года. При этом российская сторона особо подчеркивает, что, объявив мораторий, не закрывает дверь для продолжения диалога с целью выхода из кризиса с ДОВСЕ, продолжающегося уже многие годы. В беседе со мной бывший начальник Генерального штаба Вооруженных сил СССР М.А. Моисеев, сохранивший тесные связи со своими российскими коллегами, рассказал о том, чего хотела бы достичь Москва в диалоге с США и другими странами – членами НАТО.

Первое. Скорейшая ратификация адаптированного ДОВСЕ. Принципиально важно, чтобы процесс ратификации Соглашения об адаптации вновь не затянулся до греческих календ.

Второе. Отмена дискриминационных фланговых ограничений, которые не позволяют России свободно перемещать войска по своей собственной территории.

Третье. Понижение разрешенных уровней вооружений. Хотя реальные наличия обычных вооружений ныне меньше того, чем, например, располагала НАТО в 1990 году. Но реальные наличия – вещь изменчивая. Сегодня они понижаются, завтра растут. Нужно, чтобы государства – участники ДОВСЕ, по крайней мере, взяли обязательства не наращивать своих арсеналов по сравнению с нынешним уровнем.

Четвертое. ДОВСЕ должен включать все страны Европы. Это касается не только новых

стран, вошедших в НАТО, но и других европейских стран, не участвующих в альянсе.

Пятое. Определение термина «существенные боевые силы». В 1997 году был принят основополагающий акт Россия – НАТО. В нем члены альянса отказались от дополнительных постоянных развертываний существенных боевых сил. Но что это значит в конкретных цифрах, до сих пор неясно. Российская сторона исходит из того, что бригадный уровень с лихвой отвечает критерию «существенности».

«Это главные принципы нашего подхода. Наши требования, – резюмировал генерал Моисеев, – отнюдь не чрезмерны. Они справедливы и сбалансированы».

Все обозначенные позиции по контролю над вооружениями, имеющие без преувеличения жизненную важность для стабильного и безопасного развития человечества, настоятельно требуют активизации сотрудничества на международном уровне, в первую очередь США и России. Можно ли этим пренебрегать?

Проблемы ближневосточного урегулирования

Я не собираюсь описывать историю ближневосточного конфликта, который породил целый ряд войн во второй половине XX – начале XXI века, чуть не привел человечество к глобальному столкновению, стал базой международного терроризма. Остановлюсь лишь на последних двух годах, да и только для того, чтобы показать, какой несомненно позитивный потенциал американо-российского сотрудничества мог бы быть использован для успеха урегулирования на Ближнем Востоке.

Администрация Дж. Буша в 2007 году обещала до конца своего срока, то есть до конца 2008 года, привести дело к мирному урегулированию. Специалисты, разбирающиеся в ближневосточных делах, понимали невозможность достижения этой цели в такой короткий период. В Израиле надвигался правительственный кризис. Ольмерт, с которым вели переговоры палестинцы, был обречен на отставку – обвинения его в коррупции нарастали, – и мало кто верил, что до конца 2008 года он доживет в качестве премьер-министра. Новому израильскому премьеру, если даже он захочет и сможет подхватить эстафету у Ольмерта, понадобилось бы время, чтобы осмотреться. А если он не захочет следовать по пути, которым шел Ольмерт в его контактах с палестинцами, что весьма вероятно? В палестинском лагере тоже нет единства. Президент палестинской автономии Махмуд Аббас и ФАТХ не контролируют Газу, где власть принадлежит ХАМАСу – организации, отвергающей мир с Израилем.

Изоляция Газы, осуществляемая Израилем, практически не привела к ослаблению позиций ХАМАСа. Предпринимаемые усилия, особенно президента Египта и короля Саудовской Аравии, по сближению ФАТХа и ХАМАСа оказались пока малопродуктивными. Израиль, несмотря на открыто провозглашенное Кондолойзой Райс несогласие, продолжал расширять свои поселения на оккупированном Западном берегу реки Иордан.

И тем не менее кое-какие позитивные подвижки в контактах Ольмерта и Махмуда Аббаса наметились. Администрация Буша проявляла несомненную активность, добиваясь продвижения переговорного процесса. Было ясно, что Буш и его окружение чрезмерно заинтересованы в том, чтобы «компенсировать» иракский провал успехом в израильско-палестинском урегулировании. В решении этой задачи США, с одной стороны, стремились к демонстративному единоличию, а с другой – несомненно, нуждались в международном участии. К. Райс, фактически отодвинув в сторону «квартет»,⁵⁵ на создание которого Вашингтон был вынужден согласиться взамен своего неудавшегося монопольного посредничества в палестино-израильском урегулировании, проводила на Ближнем Востоке больше времени, чем затраченное на все остальные визиты. Неслучайно было выбрано место для международной встречи, которую США решили обозначить как начало «финишной

⁵⁵ Так называемый «квартет» состоит из четырех членов – России, США, Европейского союза и ООН.

прямой» урегулирования, – Аннаполис. Не в Европе, не в Азии, а именно в Соединенных Штатах. Правда, чтобы обеспечить более широкое участие в этой встрече, Райс сказала, что за ней последует встреча в Москве.

Российское руководство очень трезво подошло к создавшейся обстановке. Понимая невозможность разрешения такого сложного, застарелого и пропитанного кровью конфликта, как говорится, одним махом, Россия тем не менее делала многое, чтобы поддержать американские усилия, которые считала бесполезными для продвижения мирного процесса. Основную роль в этом играли президент Путин, министр иностранных дел России Лавров и его заместитель Салтанов, другие мидовцы, но и мне довелось принять кое-какое участие.

Нашу позицию в отношении американской идеи провести встречу в Аннаполисе изложил в беседе с главой китайского правительства Вэнь Цзябао в Москве 5 ноября 2007 года В.В. Путин: «Мы поддерживаем ее как первый шаг к полномасштабной международной конференции по Ближнему Востоку. Мы побуждаем арабов принять в ней участие, в частности сирийцев. Находимся в постоянном, даже в прямом контакте со всеми возможными участниками этой встречи – с разными сторонами противостояния в Палестине, с Израилем, с различными политическими силами в Ливане, с Сирией. Сейчас в регионе по моему поручению находится Примаков, который объезжает страны, общается с политическими лидерами».

Первая моя встреча состоялась в Рамалле (Западный берег) с главой палестинской администрации Махмудом Аббасом. Со ссылкой на президента Путина рекомендовал ему поехать в Аннаполис, если даже не удастся до этого согласовать документ с израильянами. Добавил, что в противном случае палестинцев обвинят в срыве встречи, которая, как уже решено, будет иметь продолжение в Москве. Аббас согласился.

Встретившись в Иерусалиме с Ольмертом, а затем с министром обороны Бараком, акцентировал внимание на необходимости добиться компромиссного прорыва в урегулировании. «В отсутствие этого, – согласился Ольмерт, – в Израиле придут к власти правые, а в палестинской администрации – ХАМАС». «Будучи другом Буша, я все равно понимаю, что Соединенным Штатам без России не обойтись», – заключил Ольмерт.

Естественно, что с израильскими руководителями пошел разговор об участии Сирии, без чего встреча в Аннаполисе была бы попросту неполноценной. Это понимали все, кроме, пожалуй, Ольмерта. Но и он начинал колебаться. Прямо не поддержав идею включения в повестку дня встречи обсуждение «сирийской проблемы», Ольмерт сказал: «Не буду против, если вы поделитесь с Асадом своими впечатлениями о моем благоприятном отношении к этой идее».

Определеннее высказался генерал Барак, который просил передать Асаду, что он – сторонник прямых переговоров с Сирией без предварительных условий, имея в виду и судьбу Голанских высот. Характерно, что, по словам Барака, он «...излагал свои взгляды Чейни, но тот настаивал на необходимости изолировать Сирию, которая срачивается с Ираном. Между тем, – добавил Барак, – сейчас возникла ситуация, при которой лишь с помощью России можно выправить положение, так как американцы мало что понимают на Ближнем Востоке». Сознаюсь, я с ним не спорил по этому вопросу.

6 ноября прибыл в Дамаск, где был принят президентом Б. Асадом. Он связал участие Сирии во встрече в Аннаполисе с готовностью США и Израиля обсудить там проблему Голанских высот. Из отдельных замечаний Асада стало ясно, что он все-таки примет решение о поездке сирийской делегации в Аннаполис, но, конечно, не во главе с президентом Сирии. Стимулирующим моментом для такого решения определенно стала весть о последующей встрече в Москве, так как «там, несомненно, должны обсуждаться сирийско-израильские проблемы, и приглашение Сирии будет направлено Россией». К этим словам Асад добавил: «Сирия готова вступить в переговоры об урегулировании с Израилем, но на первых порах лишь при участии третьей стороны. Если пойдет дело неплохо, то может быть предложен формат двусторонних переговоров. Однако для Сирии желательно, чтобы

все развивалось в контексте общего урегулирования. А в Москве мы готовы сесть с израильтянами за один стол».

Хотел бы также сказать несколько слов о встрече в Дамаске с руководителем политбюро движения ХАМАС х. Машаалем. Он сказал, что рассмотрит с коллегами высказанное мной от имени президента России предложение прекратить ракетные обстрелы израильской территории из Газы. Машааль утверждал, что ХАМАС полностью контролирует положение и при прекращении израильских военных акций в Газе может остановить ракетные обстрелы Израиля, осуществляемые также и другими палестинскими организациями.

Несомненно, полезными были беседы в Каире с президентом Х. Мубараком и генеральным секретарем Лиги арабских государств А. Мусой. «Речь идет о том, – сказал Муса, – чтобы сразу после Аннаполиса обозначить наиболее приоритетные вопросы палестино-израильского урегулирования на предстоящие, скажем, три месяца и подвести итоги работы на следующей встрече в Москве».

Беседы с различными арабскими руководителями подтвердили, что они стремятся к непрерывности ближневосточного мирного процесса, придавая встрече в Москве большое, если не решающее значение в достижении этой цели. Однако московского продолжения Аннаполиса в 2008 году так и не последовало. Вашингтон и израильское руководство не проявили к этому интереса. Правда, согласно состоявшейся на момент написания этих строк договоренности, международная конференция по ближневосточному урегулированию должна быть созвана в Москве весной 2009 года. Убежден, что без сотрудничества США с Россией, Европейским союзом мирное урегулирование на Ближнем Востоке недостижимо.

Заключение

Проиграют все, если российско-американские отношения соскользнут к новому изданию холодной войны. Чтобы этого не произошло, нужно, прежде всего, отказаться от набирающей, к сожалению, силу риторики с двух сторон. Этот вывод лежит на поверхности. А если попытаться погрузиться в ситуацию глубже, то, по словам Фрэнсиса Фукуямы, внешней политике Соединенных Штатов нужно «...изящно справиться с невыгодным изменением мирового баланса сил и серьезным уменьшением влияния США в мире». Касаясь американско-российских связей, Фукуяма написал: «США никогда не рассматривали двусторонние отношения как политический торг, в котором американцы могли бы отказаться от чего-то им нужного в обмен на уступки России. Мы вели себя так, как англичанин из старого анекдота: разговаривая с иностранцем и видя, что его не понимают, англичанин начинает громче повторять свои слова».⁵⁶

Осенью 2008 года произошло усиление внимания к российской тематике в США. Плохо, что это началось после того, как Россия вынуждена была защищать силой свои интересы, а не молчаливо выслушивать все громче повторяемые в свой адрес слова, как в анекдоте, рассказанном Фукуямой. Все, что нужно России, – это уважительные, равноправные отношения с Западом. Те, кто считают, что антиамериканизм генетически заложен в политику России, заблуждаются. Приведу лишь два факта, которые, как представляется, говорят сами за себя.

Ирак. Если бы Россия проводила антиамериканский курс, то она, несомненно, воспользовалась бы тупиковой ситуацией, в которую США попали в Ираке. Ведь еще свежо в памяти, как в Афганистане США поддерживали и вооружали воюющих против нас моджахедов. Может ли Россию обвинить кто-либо в том, что она поступает аналогично в Ираке?

⁵⁶ Financial Times. 2008.02.09.

Иран. Если бы Москва придерживалась, как в годы холодной войны, «игры с нулевым результатом» (что невыгодно США – в интересах России, и наоборот), то, возможно, в российском руководстве нашелся бы кто-нибудь, посоветовавший президенту: давайте делать все, чтобы США влезли и застряли в Иране. Вспомним, как еще до ввода советских войск в Афганистан З. Бжезинский советовал американскому президенту поставить моджахедам «стингеры», вооружить их современным оружием, чтобы СССР, в конце концов, втянулся в Афганистан. Может ли кто-нибудь обвинить сегодня Россию в намерениях способствовать тому, чтобы США «втягивались» в Иран?

Так в чем же дело? Неужто так сильна инерция восприятия России в качестве наследницы СССР времен холодной войны? Очевидно, это тоже имеет место. Но главное все-таки в другом. В 90-е годы в США распространились разговоры о том, что век России завершился. И вдруг Россия поднимается и заявляет о себе как о полноправном игроке на международной арене. Видно, что она уже не спит. Она сосредоточивается.

Когда эта книга дойдет до читателя, в американском Белом доме будет новый хозяин. Учет ли Барак Обама промахи администрации своего предшественника? Избавится ли от идеологического влияния неоконгов? Приведет ли политику США в соответствие с реалиями многополярного мироустройства, при понимании, что один из его полюсов – Россия? Ответы на эти вопросы даст время. Между тем от них зависит направление мирового развития на близлежащий период, в том числе создание условий, благоприятствующих нейтрализации таких вызовов и угроз, как распространение ядерного оружия, международный терроризм, кровавые региональные конфликты.

Вполне понятно, что не все зависит от США. Значительная мера ответственности ложится на плечи других основных игроков на международной арене, видное место среди которых принадлежит России.